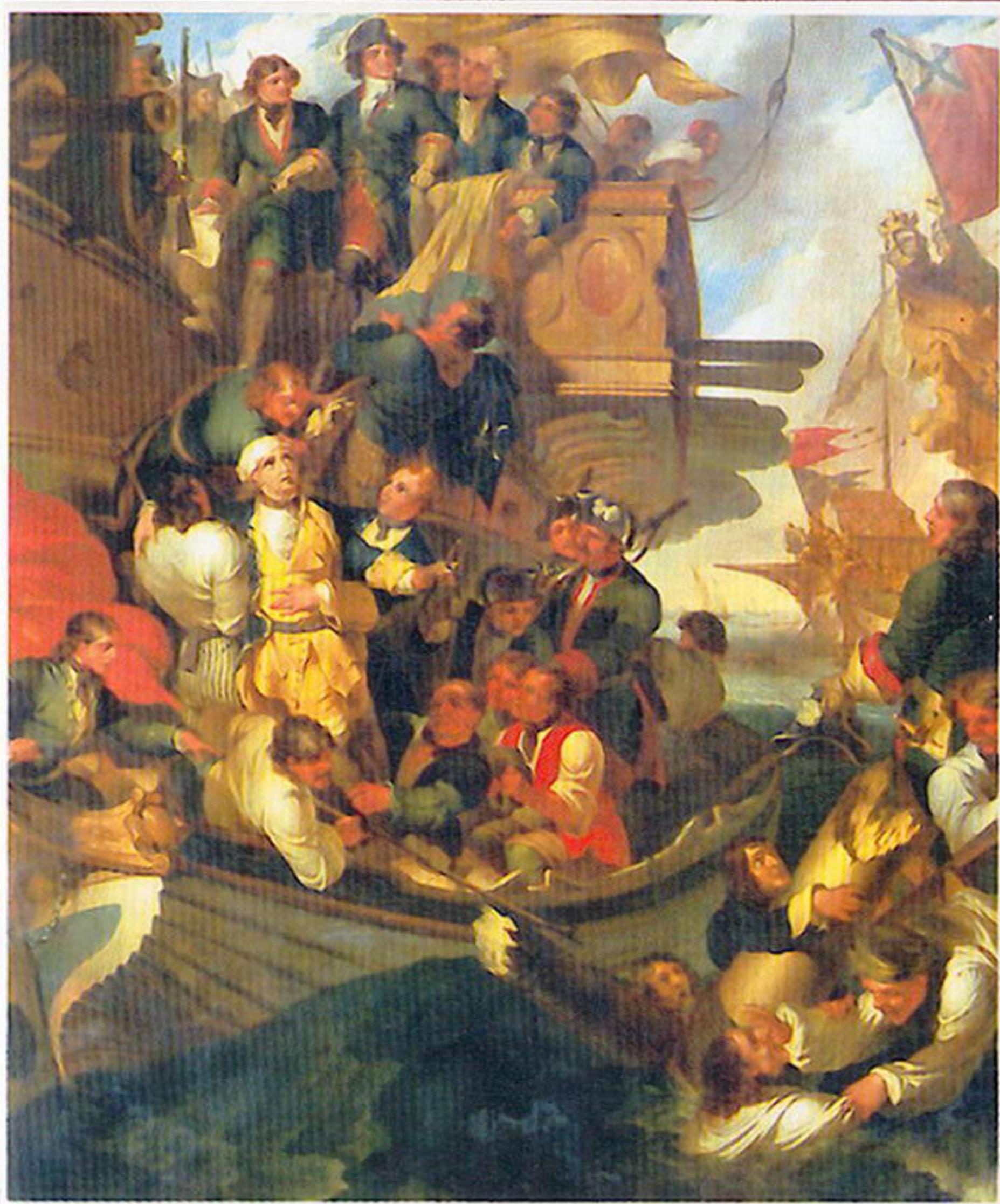

П. А. КРОТОВ

ГАНГУТСКАЯ БАТАЛИЯ 1714 ГОДА

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	5
Постановка главных проблем. — Гангутское сражение на перекрестке мнений историков. — „Русская” и „шведская” версии знаменитой баталии.	
ГЛАВА 1. ДЕРЖАВЫ СЕВЕРНОГО СОЮЗА И ШВЕЦИЯ ПЕРЕД КАМПАНИЕЙ 1714 ГОДА	16
Международные отношения, военные приготовления Дании, Швеции и России. — Российский корабельный и галерный флот. — Типы судов русского галерного флота: полугалеры и скампавей.	
ГЛАВА 2. МОРСКОЙ ПОХОД ПЕТРА I И Ф. М. АПРАКСИНА	49
Поход корабельного и галерного флота в 1714 году. — Действия Петра I и Ф. М. Апраксина. — Прорыв русских галер мимо шведского флота у Гангута 26-27 июля 1714 года.	
ГЛАВА 3. ГАНГУТСКАЯ БАТАЛИЯ	88
Заблокирование шведской флотилии Н. Эреншельда. — Приготовления россиян и шведов к сражению. — Местоположение, состав и артиллерийское вооружение эскадр. — Численность сражавшихся россиян. — Начало боя: артиллерийская дуэль противников. — Тактическая организация Петром I атаки шведской флотилии. — Обходной манёвр в тыл шведов. — Абордаж шведских судов. — Были ли три атаки эскадры Н. Эреншельда? Пётр I как флотоводец. — Итоги сражения: трофеи и потери. — Участники баталии: люди и судьбы. — Награждение за Гангутский бой.	
ГЛАВА 4. ГАНГУТСКАЯ ПОБЕДА В ИСТОРИИ РОССИИ	162
Значение Гангутской баталии в Северной войне. — Отклики в Европе. — Торжества в честь Гангутской виктории в С.-Петербурге в 1714 году. — Празднование годовщины победы у Гангута: от Петровского времени до наших дней. — Памятники, посвящённые Гангутскому сражению.	
ПРИМЕЧАНИЯ	207
ПРИЛОЖЕНИЯ	228
Документы: донесения Н. Эреншельда Г. Ватрангу, Карлу XII, письмо Петру I, „сказки” участников баталии о своей службе, описание Гангутского сражения Й. А. Нордбергом.	
SUMMARY	237
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	239
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	240
УКАЗАТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ	246

Кротов П. А.
Гангутская баталия 1714 года. — СПб.: Лики России, 1996.

Богато иллюстрированная монография, посвящённая первой большой победе флота Петра Великого — Гангутской баталии 1714 года. Автор опирается на разысканные в архивах неизвестные ранее исторические материалы, использует иностранные источники и документально обосновывает новую версию знаменитого сражения.

Научное издание, рассчитанное на читателя, интересующегося историей отечественного флота.

Рецензент:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН В. Е. Волгин.

Издание подготовлено и осуществлено
акционерным обществом «Росавантаж»

Художник А. Бородин
Редактор О. Яковлев
Технический редактор А. Платонов
Цветная съёмка П. Демидов и О. Трубский
Перевод Ф. Шинкаренко
Корректор В. Кротова

ISBN 5-87417-024-3

Лицензия ЛР № 070890 от 02.03.1993 г.

Сдано в набор 20.07.95. Подписано в печать 01.12.95. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5 + 0,25 вкладыш.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3035.

Издательство «Лики России», 193060, г. Санкт-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, 8-й подъезд.

Типография № 1 РАН. 199034, г. Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12.

© Издательство «Лики России», 1996

ВВЕДЕНИЕ

ПОСТАНОВКА ГЛАВНЫХ ПРОБЛЕМ. ГАНГУТСКОЕ СРАЖЕНИЕ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ МНЕНИЙ ИСТОРИКОВ. „РУССКАЯ“ И „ШВЕДСКАЯ“ ВЕРСИИ ЗНАМЕНИТОЙ БАТАЛИИ.

Сражение российского и шведского флотов при Гангуте в июле 1714 г. вошло в отечественную историю как первая большая победа на Балтийском море, как „первые плоды Русского флота“ — именно так гласила надпись по-латыни на отчеканенных в память баталии по распоряжению Петра I медалях (*Classis Russicae primitiae*). Гангутское сражение вообще явилось первым крупным боевым столкновением галерных (гребно-парусных) флотов на Балтийском море, поскольку до того времени, когда россияне создали на Балтике гребной флот, суда галерного типа на этом море были очень редки.

После многочисленных побед русской регулярной армии над шведами в ходе Северной войны 1700–1721 гг. — взятия крепости Нотебург (Орешек; 1702 г.), городов-крепостей Дерпта, Нарвы (1704 г.), разгрома наголову лучших шведских сухопутных войск у Калиша (1706 г.), Лесной (1708 г.) и под Полтавой (1709 г.), овладения Выборгом, Ригой, Ревелем, Кексгольмом (Корела; 1710 г.) — Гангутская виктория 1714 г. стала убедительным свидетельством становления России не только в качестве великой сухопутной, но и военно-морской державы. Ликовавший царь писал высшим государственным чинам и своим приближённым на третий день после баталии: „Объявляем вам, коим образом Всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо по многодарованным победам на земли ныне и на море венчати благоволил, ибо сего месяца в 27 день шведскаго шгаутбейнахта Эреншельта... по многом и зело жестоком огне у Ангута близ урочища Рилакс-фиель взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиртов (союзников. — П. К.) с Франциею много не только генералов, но и фельтмаршалов брано, а флагмана не единого. И тако сею, мяю, николи у нас бывшею викториею вам поздравляем“¹.

Первая и к тому же столь яркая победа галерного флота Петра Великого явно не относится к забытым страницам истории Отечества. Принято считать, что всё о Гангутской баталии хрестоматийно известно.

Однако обращение к фондам российских архивов, изучение опубликованных материалов, привлечение к исследованию источников на шведском, французском и английском языках, сопоставление различных, порой серьёзно противоречащих друг другу свидетельств источников и выводов историков, проверка степени достоверности тех или иных известий современников и изложенных в исторических трудах фактов позволяют в ряде существенно важных обстоятельств гангутской эпопеи 1714 г. подойти к ней по-новому, прояснить ряд „белых пятен“, пополнить ранее не привлекавшимися к изучению материалами источниковую базу темы и, хочется надеяться, объяснить взаимоисключающие версии некоторых ситуаций июльского 1714 г. противоборства российского и шведского флотов.

Итак, как же развивались взгляды на Гангутское сражение на протяжении XVIII–XX столетий?

По понятным причинам наиболее развитые историографические традиции изучения Гангутской баталии сложились в Швеции и России.

В шведской литературе большое значение для истории изучения Гангутского сражения имеет основательный труд „История Карла XII, короля Швеции“ Й. А. Нордберга (1677–1744 гг.), вышедший сначала на шведском языке (1740 г.), вскоре в немецком переводе (1745–1746 гг.) и немного спустя на французском (1748 г.). Автор этого сочинения был не только современником Карла XII, но и одним из „каролинцев“ — его ближайших спутников и сподвижников. В армии шведского короля он являлся священником его личной гвардии. По прошествии немалого времени после окончания Северной войны доктор богословия Й. А. Нордберг изложил историю правления и походов своего духовного подопечного в обширном труде. Заслуженно пользуясь репутацией одного из близко знавших Карла XII людей, он имел возможность черпать сведения из самых разнообразных источников. Специально исследовавший изданный текст и подготовительные рукописные материалы

Й. А. Нордберг. Гравюра 1746 г.

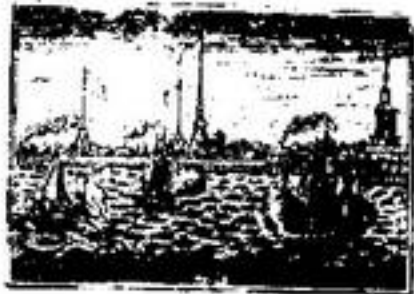
„Истории Карла XII“ Й. А. Нордберга шведский учёный Э. Сандштедт пришёл к заключению, что она основана преимущественно на рукописном сочинении генерала К. Г. Армфельта (1666–1736 гг.), командовавшего шведскими войсками в Финляндии с 1713 г., дополненным сведениями, которые Нордберг извлёк из переписки с другими шведами — участниками военных действий².

Действительно, есть все основания полагать, что Й. А. Нордберг для описания сражения при Гангуте использовал рассказы вернувшихся из русского плена после завершения Север-

ной войны шведов — участников баталии. Его изложение живо передаёт обстановку боя, ряд подробностей поведения в нём шведской стороны, конкретные же данные о российской галерной эскадре в нём отсутствуют. Ошибку историка в количестве принимавших участие в сражении в Рилакс-фиорде шведских галер (4 вместо 6) следует объяснить именно как погрешность памяти лица, доставившего ему сведения о баталии.³

На различные первоисточники по истории сражения у Гангута опирался в изданной в 1788 г. книге „Очерк истории шведских морских походов“ лейтенант шведского адмиралтейства К. Г. Торнквист⁴. В своём сочинении он ссылается на вышеупомянутый труд Й. А. Нордберга, морской журнал командовавшего шведским корабельным флотом у Гангута адмирала Г. Ватранга⁵. Но прежде всего, как писал К. Г. Торнквист, его описание Гангутской баталии являлось в своей основе „извлечением из собственноручного жизнеописания шаутбенахта“ (старинное название чина контр-адмирала) Н. Эреншельда, командира шведской гребно-парусной флотилии в сражении в Рилакс-фиорде, с которого ему была сообщена заверенная копия, соответствующая также составленному Н. Эреншельдом ещё раньше донесению-отчёту о сражении⁶. Сочинение К. Г. Торнквиста оказало сильное влияние на последующую шведскую истори-

САНКТЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

РЕЛЯЦІЯ

О СЛУЧИВШЕЙСЯ МОРСКОЙ БАТАЛИИ,
МЕЖДУ РУССКОЮ АВАНГАРДІЕЮ,
И НЕКОЮ ЭСКВАДРОЮ.

Июля въ 25 дню, [по сестѣ въ воскресеніе] по подухамъ ветра
самыямы не попалъ сѣрбыа въ морѣ, и по шестѣ сѣбраныи съ моря
репортировалъ Государю Императору, что по сѣрбыа была еще
круссенъ, не достигенъ, и по томъ въ 14 часовъ шимъ ономъ
вѣдѣ Императоръ повелѣлъ сѣрбыа рѣшить для много разбитыи ей,
для чего послалъ сѣрбыа, и когда достигла для чего, одно изъ
положенъ запроситъ, для чего Государю Императору шимъ сѣрбыа
на море Государю Императору [попримѣнѣ ево] шибѣнъ въ
островамъ оныхъ небыла, сѣрбыа ономъ небыла сѣбраныи
и когда помянутой Государю Императору шибѣнъ въ своему
караулу небыла, что небыла адъ Грѣтъ небыла, сѣрбыа
караулу небыла, и сѣрбыа фрегата, что небыла на сѣрбыа
небыла, а помянутой вѣдѣ Императоръ шибѣнъ на сѣрбыа небыла,
ромъ и сѣрбыа Грѣтъ небыла, что для болѣе стали думать, шибѣнъ
как

„Реляция о случившейся морской баталии.“ Заглавный лист особаго
выпуска газеты „Ведомости“ 1714 г. РГАДА

ографию Гангутской баталии, по сути определило всю её на-
правленность; изложение многих обстоятельств сражения, важ-
ных тактических приёмов флотоводцев прямо или опосредо-
ванно, но основываются именно на версии баталии, изложенной
К. Г. Торнквистом. Введённые им в научный оборот сведения
(подробные их разбор и оценка даны в третьей главе) находятся
в большинстве случаев в разительном противоречии с данными
русских и иностранных источников. Можно сказать, что в „Очер-
ке“ К. Г. Торнквиста сложилась в целостном виде „шведская
версия“ Гангутской баталии.

В России события Гангутского сражения также получили
отражение в исторических трудах XVIII столетия. В них вполне
оформилась „русская версия“ знаменитой баталии. Значение
одновременно и исторического источника, и исторического со-
чинения имеет опубликованная по самым свежим следам сра-
жения „Реляция о случившейся морской баталии между рос-
сийскою авангардиею и шведскою эскадрою“.

„Реляция“ представляет собой специальный выпуск газеты
„Ведомости“, издававшейся при Петре I то в Петербурге, то в
Москве. Предназначавшаяся для обнародования в печати „Ре-
ляция“ была написана при непосредственном участии Петра I.
В архивном фонде личной канцелярии царя — Кабинете Петра
Великого — хранится рукописный черновик „Реляции“, на ко-
тором видны следы его собственноручной правки⁷. 29 июля⁸
рукопись „Реляции“ с указанием царя: „Реляцию купно с пла-
ном немедленно напечатать“ — была послана от Гангута пе-
тербургскому генерал-губернатору А. Д. Меншикову, который
получил её 6 августа в Ораниенбауме вблизи столицы. Вручил
„Реляцию“ Меншикову участник сражения поручик флота
З. Д. Мишуков. Уже 9 августа „Реляция“ и гравюра, созданная
на основе присланного Петром I рисунка, с изображением ба-
талии, вышли из печати⁹. В тот же день они были разосланы
канцлером Г. И. Головкиным российским послам в Европе.
„Реляция“ и гравюра вручались также иностранным диплома-
тическим представителям в Петербурге, распространялись курь-
ерами по стране¹⁰. Сравнительный источниковедческий анализ
показывает, что „Реляция“ являет собой сокращённый и отре-
дактированный Петром I текст из его походного журнала с
описанием Гангутской операции, который, в свою очередь, в
значительной мере совпадает дословно с морским журналом
генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, командовавшего тогда всем

российским галерным флотом на Балтике. Описание Гангутской операции в походном журнале царя явно является сокращённым извлечением из морского журнала генерал-адмирала, причём в описание некоторых важных для оценки сражения событий Петром I внесён ряд исправлений. Особенностью и „Реляции“, и лежащих в её основе первоисточников — журналов 1714 г. Петра I и Ф. М. Апраксина — является то, что в них подробно показаны силы шведской стороны в Гангутской баталии (число судов, общая численность их экипажей, количество и калибры орудий и пр.), скрупулёзно подсчитанные после сражения, но не сообщаются сведений о численности команд галер и артиллерийском вооружении атаковавшего шведов российского авангарда. Тактика русского флота представлена в них столь общо (атака, завершившаяся абордажем), неконкретно, что создаёт впечатление весьма примитивного нападения российских судов на шведскую эскадру.

Отрывок из походного журнала царя 1714 г. стал костяком и написанного кабинет-секретарём Петра I и правленного самим императором текста о Гангутском сражении в „Гистории Свейской войны“, изданной только в 1770 г.¹¹ На данных „Гистории“ базировали свои описания Гангутской баталии историки И. И. Голиков и А. С. Шишков¹². А. Я. Глотов в своём очерке истории морской кампании русского флота 1714 г. и Гангутского сражения следовал главным образом хранящемуся в архиве походному журналу Ф. М. Апраксина¹³.

В XIX столетии шведская и русская историографические версии Гангутского сражения продолжали развиваться как на собственной основе, так и взаимодействовали между собою в трудах некоторых историков.

Если очерк Гангутского боя К. Г. Торнквиста вплоть до последних лет оставался вне поля зрения отечественной историографии (первая ссылка на него имеется в нашей статье 1990 г.), то большое воздействие на изучение вопроса оказала заметка по истории Гангутской операции полковника российского адмиралтейства в Свеаборге, члена Королевской академии военных наук в Стокгольме Ф. К. Росваля, написанная на французском языке в 1817 г.¹⁴ В изложении событий боя 27 июля 1714 г. Росваль практически дословно следовал за Торнквистом, лишь в нескольких местах сократив и переделав текст последнего и дополнив его некоторыми сведениями, почерпнутыми из переписки шведских флотоводцев в кампанию 1714 г.¹⁵

Историограф российского флота декабрист Н. А. Бестужев очерк Гангутского сражения дал целиком по Ф. К. Росвалю, повторив без критической оценки почти все приведённые им цифры и факты и добавив в развитие шведской версии сражения собственные художественно-эмоциональные осмысления текста Росваля¹⁶. Учёный-декабрист, видимо, не случайно полностью отказался использовать для описания Гангутской баталии русские источники. Слишком ярко выступает в них образ Петра I — флотоводца, что противоречило антимоноархическим политическим воззрениям революционера. В предвзятом ключе историк дал оценку флотоводческого искусства Петра I в Гангутском сражении: „Победа над Эренскиольдом превознесена и увеличена многими историками, но она более делает чести великодушию и признательности российского монарха, нежели знаменитости его оружия; превосходные силы русских, конечно, должны были одержать верх над слабым отрядом шведов, и неумеренные похвалы, приписываемые Петру в сём действии, не прибавят ничего к славе великих дел его“¹⁷.

Историки флота А. П. Соколов и Р. К. Скаловский попытались в своих статьях сгладить противоречия „русской“ и „шведской“ версий сражения. За основу в их изложении был взят морской журнал Ф. М. Апраксина, использована гравюра с видом баталии, но они старались также не упустить ничего существенного и из описания Ф. К. Росваля¹⁸.

В освещении Гангутского сражения крупным историком российского флота Ф. Ф. Веселаго безусловное первенство отдано морскому журналу Ф. М. Апраксина, использованы гравюры с изображением боя, изданные к тому времени в „Материалах для истории русского флота“ документы из отечественных архивов. Ф. Ф. Веселаго вернулся с учётом введённых к тому моменту в научный оборот источников к „русской версии“ Гангутской баталии. Сведений, происходивших из сочинения Ф. К. Росваля, он не использовал, за одним существенным исключением (без ссылки на источник): есть упоминание о двух якобы отражённых шведами атаках российских галер на флотилию Н. Эреншельда. Вместе с тем, отбросив „шведскую версию“, учёный, к сожалению, не дал её критического разбора¹⁹.

На новый уровень исследование темы поднял в своей фундаментальной монографии А. З. Мышлаевский, справедливо рассматривавший Гангутскую операцию 1714 г. как закономерное следствие, итог кампаний русской армии и флота в Финляндии

в 1712–1714 гг. Автору удалось вписать гангутскую эпопею в военно-политический контекст не только Северной войны, но и общеевропейских отношений. В своей работе А. З. Мышлаевский привлёк большой и разнообразный архивный материал²⁰. Он документально установил количество атаковавших шведов по фронту 27 июля 1714 г. русских скамповей, определил численность экипажей последних. Тактическая схема боя, однако, осталась в труде А. З. Мышлаевского такой же, как и в сочинениях его предшественников.

Из зарубежных авторов Ф. Т. Джейн осветил сражение очень близко к его трактовке К. Г. Торнквистом, Н. А. Бестужевым и А. П. Соколовым²¹. Шведские историки К. А. Юлленгранат, А. Мюнте, Х. Е. Уддгрен развивали «шведскую версию» батальи, причём последний из них в книге «Война в Финляндии 1714 года» показал широкую панораму военного противоборства России и Швеции в Финляндии, анализировал фактические данные и заключения из исследования А. З. Мышлаевского²². Достижения русской и шведской историографии в изучении Гангутского сражения отражены в соответствующем разделе книги Р. Ч. Андерсона²³.

В конце XIX — начале XX в. появилось большое число малосамостоятельных описаний Гангутской батальи (В. К. Дитерикса, Е. И. Аренса, П. И. Белавенца, К. Г. Житкова, Н. Д. Каллистов, В. А. Гончарова, А. Н. Вакуловского, С. А. Князькова)²⁴, основывавшихся главным образом на трудах Ф. Ф. Веселаго и А. З. Мышлаевского, которые способствовали широкому распространению взгляда на знаменитое сражение двух последних историков. Этот взгляд и стал с того времени рассматриваться как канонический, общепризнанный.

К 200-летию юбилею Гангутского сражения в 1914–1918 гг. были изданы в 4 выпусках сборники документов, освещавших действия российского и шведского флотов на Балтийском море в 1713 и 1714 гг. — «Материалы для истории Гангутской операции». Сотни опубликованных в «Материалах» документов из отечественных и зарубежных архивов вполне выполнили поставленную перед этим изданием задачу — «создать наиболее благоприятные условия для всестороннего научного исследования этого замечательнейшего события и широкой популяризации его не только в военно-морской среде, но и в разных слоях русского общества»²⁵.

Впрочем, новые исследования появились лишь накануне, в годы и вскоре после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Охвативший тогда страну патриотический подъём и даже необ-

ходимость использовать в новых условиях боевой опыт предков заставили историков снова обратиться к теме Гангутской операции 1714 г. Эту задачу выполнили военные историки А. А. Белорус, капитан 1 ранга Н. В. Новиков и комиссар (потом полковник) Б. С. Тельпуховский²⁶. Главной целью было напомнить соотечественникам о славной странице российской истории — успешной борьбе со шведами на море в ходе Северной войны и одним из наиболее ярких проявлений этой борьбы — Гангутской батальи. Н. В. Новиков и Б. С. Тельпуховский использовали документы из «Материалов для истории Гангутской операции», появившееся в 1897 г. в русском переводе сочинение служившего в Петровском флоте англичанина Д. Дена и др. Историкам удалось сделать немало интересных наблюдений. В списке использованной литературы в брошюре Н. В. Новикова указана и вышеупомянутая монография Х. Е. Уддгрена, но «шведская версия» сражения осталась непроанализированной и соответственно без должной оценки. Авторы в своих трудах всецело следовали «русской версии», чётко изложенной в сочинениях Ф. Ф. Веселаго и А. З. Мышлаевского.

В последующих многочисленных исторических трудах тиражировалась с большей или меньшей степенью подробности уже устоявшаяся отечественная версия изложения Гангутской батальи. Но общим местом во всех детальных описаниях сражения стало и пришедшее в российскую историографию из «шведской версии» боя в Рилакс-фиорде упоминание о трёх атаках, якобы предпринятых русскими галерами на флотилию Н. Эреншельда²⁷.

Сохраняется интерес к теме Гангутской батальи и в зарубежной, особенно шведскоязычной историографии. В книгах Д. Вудворда и Е. Косяжа изложен традиционный для российской исторической науки взгляд на сражение²⁸. Не ставил цели внести что-то новое в изучение вопроса в очерке «Пётр Великий и сражение у Гангута по русским источникам» магистр сельскохозяйственных наук Р. Маттссон²⁹. Большое значение имеет выпуск в 1987 г. музеем в городе Ханко сборника исследований «Гангут в XVIII в.: шведский передовой пост в тени царей». На сопоставлении шведской и русской литературы и источников построена помещённая в сборнике статья В. А. Хювёнена «Сражение у Гангута 1714 г.»³⁰ В ней первоначальные крайности «шведской версии» сняты, смягчены или поставлены под сомнение, первенствующее значение придаётся по сути русским

источникам. Впрочем, осталось в силе утверждение, что русские галеры лишь с третьей попытки овладели шведскими судами³¹. П. Нюрёнен осветил в статье итоги подводных археологических исследований остовов гребно-парусных судов вблизи полуострова Гангут с 1960-х годов³², Т. Талвио — историю выпуска медалей в честь Гангутского сражения в XVIII–XX столетиях в России и Швеции³³.

Вышедшая в 1990 г. наша статья на основе вновь привлечённых источников и их осмысления поставила под сомнение некоторые традиционные воззрения на баталию у Гангута, были уточнены задействованные в сражении силы сторон, по-новому оценено флотоводческое искусство Петра I и Ф. М. Апраксина, обоснована иная тактическая схема Гангутского боя и т. д.³⁴

Если Ю. Е. Трубкин в статье о российском галерном флоте в 1714 г. никак не отозвался на появление нашей статьи³⁵, то в школьном учебнике „История Отечества“ (1993 г.) профессором А. А. Преображенским³⁶ и в энциклопедии „Отечественная история“ (1994 г.) В. Н. Ежовым ход Гангутского сражения изложен согласно нашим выводам³⁷.

К 280-летней годовщине Гангутской баталии ветеран обороны советской военно-морской базы на полуострове Гангут (Ханко) в 1941 г. С. В. Тиркельтауб опубликовал брошюру „Гангут, „Гангуты“, гангутцы: События, корабли, люди“. О сражении и о том, что ему предшествовало в кампанию 1714 г., он писал, излагая в сокращении морской журнал генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и дополняя его своими комментариями. Привёл автор в выдержках также перевод с французского языка сочинения Ф. К. Росваля, сделанный в 1838 г., поскольку, как он писал, в нём „события изложены несколько иначе“³⁸. Передал он и историю кораблей Российского флота, носивших имя „Гангут“.

В настоящей книге автор развивает положения своей статьи 1990 г., дополняет их новыми данными и освещает не только сам Гангутский бой 27 июля 1714 г., но и весь ход Гангутской операции, включая её подготовку, ставит боевые действия у полуострова Гангут в контекст межгосударственных и военных взаимоотношений европейских стран во время Северной войны.

ГЛАВА I

ДЕРЖАВЫ СЕВЕРНОГО СОЮЗА И ШВЕЦИЯ ПЕРЕД КАМПАНИЕЙ 1714 ГОДА.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ДАНИИ,
ШВЕЦИИ И РОССИИ. РОССИЙСКИЙ
КОРАБЕЛЬНЫЙ И ГАЛЕРНЫЙ ФЛОТ.
ТИПЫ СУДОВ РУССКОГО
ГАЛЕРНОГО ФЛОТА:
ПОЛУГАЛЕРЫ И СКАМПАВЕИ.

„Ныне зело потребное время тщиться к будущей кампании согласиться с дацким двором доброе действо показать и неприятеля принудить к желаемому миру“¹, — писал Пётр I послу в Дании В. Л. Долгорукову 30 августа 1713 г. из столичного города Финляндии Або (Турку), в который российские войска вошли без всякого сопротивления двумя днями ранее. Так заблаговременно царь начинал дипломатическую подготовку к кампании 1714 г., в ходе которой он хотел положить конец многолетней войне, которую вели со Швецией державы Северного союза: Россия, Дания, Саксония и Польша.

Своё видение задач будущей кампании Пётр I подробно изложил В. Л. Долгорукову в письме из Петербурга от 20 сентября 1713 г. Царь требовал от посла добиться того, чтобы в следующем году датчане прислали свой корабельный флот к российским портам для соединения с российским. Необходимость этого Пётр I обосновывал так. В ходе военных действий 1713 г. русская армия и галерный флот заняли Финляндию, выйдя к Ботническому заливу, за которым находилась территория собственно Швеции, что давало возможность с целью принуждения шведов к миру создать угрозу развёртывания военных действий на западной стороне Ботнического залива в непосредственной

близости от Стокгольма. Однако царя беспокоило то, что шведский корабельный флот мог пресечь движение российского галерного флота к шведским берегам, как это случилось в 1713 г., когда русские галеры были остановлены эскадрой вице-адмирала Э. Ю. Лиллье у деревни Тверминне на полуострове Гангут².

Многое в предстоявшей кампании 1714 г., по мысли царя, должно было зависеть именно от позиции и действий Дании. О роли и позиции Дании Пётр I написал 19 сентября 1713 г. А. Д. Меншикову: „... хотя дацкие и неблагодарны явились и зело слепо и недобро поступают, однако ж уже то подлинно есть, что неприятели шведам и нам наипаче для моря зело нужны...“³ Поясняет эту мысль царь в упомянутом письме В. Л. Долгорукову от 20 сентября 1713 г.: „... мы большими кораблями несильны: только имеем 11 линейных кораблей и из тех иные по нужде годятся, понеже меньше 50-ть пушек...“⁴ О необходимости идти навстречу датчанам именно из-за слабости российского корабельного флота 21 сентября 1713 г. Пётр I писал и Меншикову, командовавшему российской армией в Померании: „Правда, зело их поступки неладны, да что ж делать... Ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело...“⁵

Для склонения датчан к совместным действиям против Швеции согласно российскому плану с подробными инструкциями 10 декабря 1713 г. в Копенгаген выехал особый посланец царя генерал-адъютант П. И. Ягужинский⁶. В грамоте, которую ему предстояло вручить датскому королю Фредерику IV, Пётр I призывал датского монарха принять российские предложения, которые должен был изложить П. И. Ягужинский, чтобы „сею неocenенного времени, которое Небо... в руки даёт, не пропустить, но... пожелаемый покой получить“⁷.

Переговоры с Данией о совместных действиях флотом в 1714 г. шли трудно. 9 февраля 1714 г. В. Л. Долгоруков сообщал из Копенгагена подканцлеру П. П. Шафирову, пребывавшему в качестве заложника в Константинополе после тяжёлой неудачи, постигшей русскую армию в 1711 г. на Пруте, что П. И. Ягужинский „по сё время ещё не может никакого согласия о том з здешним двором учинить — отговариваются недостатком денег“⁸.

Наконец, благодаря усилиям Долгорукова и Ягужинского, 23 февраля 1714 г. с датским королём был окончательно согласо-

Петр I. Художник А. Матвеев

ван проект договора, по которому Фредерик IV обязывался во второй половине мая выслать в море 18 линейных кораблей, которые бы держались между островом Эзель (Сааремаа) и стоковыми шхерами с целью противодействия шведскому флоту. Здесь датчане должны были дожидаться присоединения российского корабельного флота. Портком-убежищем на случай возможных осложнений для датского флота назывался Ревель. Ещё 4 линейных корабля датчане обещали прислать к Карлскуне после того, как туда подойдет объединённый датско-русский флот (статья 2)⁹. Пётр I обязывался в начале мая иметь в готовности у Або эскадру из 12 линейных кораблей 50-пушечного ранга вместе с войсками для десанта и надлежачим числом транспортных судов (ст. 5). Совместным десантом 24 000 датских и 15 000 русских войск (ст. 6 и 7) в Скони союзники намеревались осуществить свою основную цель — «атаковать порт Карлискронской и разорить флот швецкий» (ст. 1). Порт Карлскуну, главную базу шведского флота, надлежало «розорить вовсе... так, чтоб никогда не мог приведён быть в состояние...» (ст. 3). Командование соединённым флотом предоставлялось Петру I (ст. 7)¹⁰.

Условием для реализации договора на практике Фредерик IV поставил выделение Петром I 200 000 ефимков для вооружения датского флота и возвращение спорной суммы в 150 000 ефимков, которые, как полагал датский король, должны были быть выплачены русской стороной по более ранним обязательствам¹¹. Для согласования проекта договора с Петром I Ягужинский выехал обратно в Россию.

Выдвинутое Фредериком IV условие «знатного денежного вспоможения» оказалось неприемлемым для Петра I, который в свою очередь также ссылался на «великие и неисчислимые изживания», которые несли в ходе войны Россия для общей выгоды союзников¹². Царь обещал датскому королю выплатить

Фредерик IV. Художник Р. Карриера

150 000 ефимков и обеспечить флот Дании на время совместных боевых действий продовольствием, но только «при случении флотов» у российских берегов¹³.

Дания, возобновившая боевые действия против Швеции после того, как армия Карла XII была разгромлена в 1709 г. под Полтавой, за несколько лет войны истощила свои военные и финансовые ресурсы, оказавшись в состоянии вести в основном только пассивную оборону. Если в 1710 г. датский флот приблизительно равнялся по силе шведскому — 41 линей-

ный корабль (от 110 до 46 пуш.) с общим вооружением 2752 орудия¹⁴, то в феврале 1714 г. датчане располагали лишь 22 пригодными к боевым действиям кораблями, остальные требовали перестройки и восстановления в течение не менее чем трёх месяцев¹⁵. Флот понёс потери в предыдущие кампании, не хватало средств на восстановление повреждённых кораблей. В. Л. Долгоруков так характеризовал в письме П. П. Шафирову из Копенгагена от 11 мая 1714 г. положение датского флота в самом начале кампании: «... недостаток денежной... немалого здешнему двору препоною, а особливо вооружению флота. По сё время ни жадного (единого. — П. К.) карабля дацкова на море нет, а швецких, по последним ведомостям, вышло в море 20 караблей; датских выведено ис порту только 6, и те стоят в версте отсюды. Матрозы без денег... ехать не хотят, а заплатить нечим. Истинно ефимков тысячи по две, ходя по городу, у купцов занимают в королевскую казну»¹⁶. Даже в конце августа 1714 г. в 4 милях от столицы Дании стояли лишь 6 линейных кораблей, ещё 3 находились в Норвегии; в сентябре были вооружены ещё 6 линейных кораблей. Это был весь боеспособный линейный флот Дании в 1714 г.¹⁷

Сухопутные силы Дании в кампанию 1714 г. не могли действовать против шведов наступательно. Главное внимание Фредерика IV было обращено на юг, к Голштинии, куда он опасался

возможного вторжения прусских и гессен-кассельских войск. Основные средства уходили из казны именно на содержание датских войск в Голштинии¹⁸. В. Л. Долгоруков сетовал в письме П. П. Шафирову от 11 мая 1714 г., что от вероятного бездействия датских войск в наступившей кампании „великая есть утрата“, говоря, что, если бы удалось организовать совместные наступательные действия против Швеции со стороны России, Дании и Саксонии, тогда бы можно было „ожидать неоценочного ис того плода, то есть честного и пожелаемого нам миру“¹⁹.

Война имела самые разрушительные последствия для экономики Швеции. К 1714 г. страна потеряла большую часть своих заморских завоеваний: Ингерманландию (1703 г.), Эстляндию, Лифляндию, Западную Карелию (1710 г.), Финляндию (1713–1714 гг.), основную часть Померании и др. Такие области, как западная Финляндия, Эстляндия, Лифляндия и Померания, ранее считались хлебными житницами Швеции. Заморская торговля Шведского государства была парализована, от чего терпели неисчислимые убытки и промышленники, и купечество, и казна. Сворачивалось производство на рудниках и металлургических заводах. В упадок пришло и без того отсталое сельское хозяйство Швеции, страдавшее от нехватки рабочих рук, плохой обработки полей и частых неурожаев. Многократно возросли смертность от болезней и недоедания, большие опустошения городам и сёлам нанесла чума в 1710 г.²⁰

К 1714 г. финансовая система Швеции, истощённая войной, пребывала в полном расстройстве. Перед началом Северной войны, в 1699 г., 45% всех доходов Шведского королевства поступало из областей либо полностью потерянных им к 1714 г., либо таких, где остались только осаждённые неприятельскими войсками шведские гарнизоны²¹. В 1714 г. сумма доходов государства сократилась с 6,5 млн. далеров в начале Северной войны (1700 г.) до 3,1 млн. далеров. Ещё 1,4 млн. дали чрезвычайные налоги. Но расходы превысили в том году доходы казны на 7,2 млн. далеров²². Для покрытия дефицита бюджета правительство обратилось к чеканке в огромных размерах малочленной медной монеты, которой в 1710—1715 гг. было выпущено в обращение более чем на 11 млн. далеров, отливались в качестве заменителя денег даже штемплёванные медные плиты²³.

Длительная война, утрата многих заморских земель, гибель лучшей части шведской армии в „русском походе“ Карла XII в 1707–1709 гг., ежегодные рекрутские наборы истощили люд-

ские ресурсы Швеции. В армию брали едва достигших зрелости юношей. Крестьяне многих областей снимались с обжитых мест и бежали в леса и горы Норвегии, целые местности страны запусовали²⁴. Изучавший экономическое положение Швеции историк Э. Берендт делал вывод, что если бы в 1714 г. державы Северного союза „действовали бы единодушно“, то „в лето 1714 г. Швеция должна была бы подчиниться даже самым постыдным условиям мира“²⁵.

Основательные военные приготовления России к кампании 1714 г. также не были тайной для Государственного совета (то же: Сенат, Риксрод, управлявшего Швецией в отсутствие Карла XII, всё ещё находившегося после разгрома под Полтавой в Турции. Купечество, горожане и крестьяне подали в Сенат обращение с просьбой созвать Сейм из представителей сословий, для того чтобы „определить заранее о учинении мира с северными воюющими (державами). — П. К.), пока ещё не пришло государство... до совершенного разорения“²⁶.

В декабре 1713 г. в Стокгольме собрался „всенародный“ Сейм²⁷. Выборные представители сословий предложили сестре Карла XII, наследной принцессе Ульрике-Элеоноре, повлиять на брата и склонить его к началу мирных переговоров, но она отказалась сделать это на том основании, что шведский монарх „писал к ней накрепко... с неприятельми без его указа в мир не вступать“, угрожая объявить всех, кто вносит такие предложения, в том числе и сенаторов, изменниками и врагами отечества²⁸. Карл XII требовал от Сената сбора денег для продолжения войны²⁹. Посол в Голландии Б. И. Куракин писал 12 марта 1714 г. П. П. Шафирову: „.... дела... северная остаются так, что ещё конца видеть не можем, и ко вступлению в мирные трактаты стороны шведской никакого виду по сё число ещё нет“³⁰, а 27 марта из датской столицы В. Л. Долгоруков сообщал тому же П. П. Шафирову: „Шведы как могут вооружением их флота спешат...“³¹ Наиболее сильная часть флота выделялась для действий у берегов Финляндии с целью сдерживания русской армии и разгрома флота России. Сухопутные войска шведов сосредоточивались у Стокгольма и на юге страны, в Скони, для отражения возможной высадки туда неприятеля или доставления подкреплений их ещё оборонявшимся крепостям в северной Германии³².

К кампании 1714 г. корабельный флот Швеции, несмотря на происходившее постепенное уменьшение численности ли-

нейных кораблей и личного состава, ещё сохраняя положение сильнейшего на Балтийском море. Прежде всего благодаря флоту Швеция могла продолжать изнурительную войну против Северного союза. Пётр I писал 1 января 1714 г. дипломатам П. И. Ягужинскому и Б. И. Куракину в Данию и Голландию: «... ныне вся шведская сила во обороне флота их состоит...»³³

Карл XII. Художник Д. фон Крафт

Признаки упадка корабельного флота Швеции тем не менее были налицо. В 1710 г. на главной базе шведского флота в Балтийском море Карлскруне было 38 линейных кораблей с вооружением от 110 до 48 пушек (всего 2466 орудий) и 6 фрегатов (190 орудий)³⁴; согласно росписи флота в Карлскруне за подписью адмирала К. Спарре, на 2 января 1714 г. там насчитывалось уже 29 линейных кораблей (1924 пушки), 5 фрегатов (142 пуш.) и более мелкие суда³⁵.

Переживаемые Швецией трудности не могли не сказаться на качестве личного состава её военно-морского флота. Голландский резидент в России Я. де Би, наблюдавший 9 сентября 1714 г. в Петербурге шестие пленённых при Гангуте шведов, в послании парламенту своей страны писал: «Нимало не отступая от истины, могу сказать, что изо всех виденных мною вчера пленных я не насчитал и 20-ти человек, которым можно было бы дать на лицо более 20-ти лет от роду; все они люди чрезвычайно слабые, наружности самой жалкой и непривлекательной и все почти без одежды донага, из чего можно делать заключение о плохом положении дел в Швеции»³⁶.

Не лучше обрисованного Я. де Би положения с людским составом грёбно-парусного флота Швеции обстоит дело и в её корабельном флоте. Взятый в плен в финских шхерах с одного из торговых судов, доставивших в шведский флот к Гангуту продовольствие из Стокгольма, матрос П. Муний, находившийся немало времени среди кораблей адмирала Г. Ватранга, на

Оттиск печати шведской Адмиралтейской коллегии.
Из книги: История шведского флота. Мальмё, 1943, Т. 2

вопрос: «Люди — старые матросы или новые? — отвечал так: „Матрозов на караблях большое число новых и много малых ребят“³⁷. Он же сообщал, что „многие мрут, а на их места никтоколь ещё не присылали“³⁸.

Существенные недостатки были и в подготовке матросов. Попавший в плен в Гангутском сражении морской капитан А. Сунд рассказывал: «Матросского учения обстоятельного у нас не имеют, точно каждой капитан по своему разумению, кто что знает, тот и учит в зимнее время, егда кампании нет. Записных матрозов в дома отпускают, а валентеры и наёмные оставляются в Карлскруне»³⁹.

Отвечая на создание россиянами мощного грёбного флота, шведы для противодействия ему в обширных районах шхер предприняли меры по строительству собственных вёсельных судов. В дополнение к имевшимся нескольким бригантинам в Швеции в 1712 г. заложили 12 галер, чем положили начало постройке галер в годы Северной войны⁴⁰.

В итоге предпринятых усилий шведский шхерный флот несколько увеличился. Главная часть его судов была сосредоточена в Стокгольме. В декабре 1713 г. там находились флагманский корабль командовавшего этой флотилией штурбенахта Э. Д. Таубе „Марс“ (экипаж 273 чел.), галеры „Феникс“ (136 чел.), „Пеликан“ (132 чел.), „Эри“, „Трана“, „Грипен“ (все по 131 чел.), „Суан“ (129 чел.), „Дельфин“, „Вальфиш“, „Сурдфиш“, „Лаксен“, „Геден“ (все по 77 чел.) и 16 шхерботов (на каждом по 28 чел. и ещё 1 офицер на одном из этих судов)⁴¹.

Таким образом, численность команд судов шхерного флота в Стокгольме накануне кампании 1714 г. составляла 1897 чел. На базе шведского флота в Карлскруне находились ещё 4 бригантины с общим вооружением в 44 пушки⁴².

Чертёж более крупного типа галер из имевшихся тогда в шведском флоте, выполненный в 1713 г. мастером Ч. Шелдоном, сохранился в Государственном архиве Швеции. Согласно чертежу, такие галеры имели длину корпуса 100 шведских футов (29,7 м), ширину 20 ф. (5,94 м). На чертеже показаны 15 банок (лавок для грёбцов) и столько же штыревых уключин вдоль борта, то есть эти галеры имели по 15 пар весел⁴³. Как будет показано ниже, за образец при проектировании корпуса этого типа галер Ч. Шелдон, по всей видимости, взял 16-баночные русские скампавей «турецкого манира». Мастер, судя по чертежу, необычно подошел к устройству палубы. Посередине галеры сидели на лавках грёбцы, куршейный помост вообще отсутствовал. С одной стороны, это крайне затрудняло перемещение людей и грузов, особенно во время грёбли, с другой — увеличивало свободное пространство палубы вдоль борта, что давало возможность устанавливать там артиллерийские орудия. При грёбле стрельба из них, впрочем, едва ли была возможна: вести огонь стоявшим на палубе пушкарям мешали бы в этом случае вёсла. Впоследствии от такого устройства палубы своих галер шведы отказались.

Три из заложённых шведами в 1712 г. галер мастера Ч. Шелдона («Эри», «Тран» и «Грипен») были пленены в Гангутском бою. Они имели по две мачты с косыми парусами. Их артиллерийское вооружение в момент сражения было достаточно сильным. На носу у «Эрна» размещалось два мощных орудия 36-фунтового калибра, у «Траны» и «Грипена» — по две 18-фунтовых пушки. Помимо этих пушек на каждой из этих галер было по 14 малых 3-фунтовых пушек⁴⁴. Весьма показательно, что побывавшие летом 1714 г. в плену на шведских галерах русские солдаты по освобождению из плена именовали их из-за сходства с грёбно-парусными судами российского флота скампавеями⁴⁵.

Международное положение в Европе весной 1714 г. в целом благоприятствовало проведению Россией наступательных действий против Швеции. Находившийся в одном из главных центров европейской политической жизни того времени — Голландии Б. И. Куракина в письме от 10 мая 1714 г. обрисовывал его

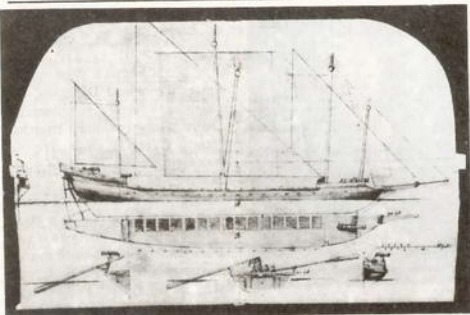
Ч. Шелдон. 1690 г. Худ. неизвестен

следующим образом. Завершившая войну за Испанское наследство 1701–1714 гг., серьёзно ослабленная Франция, скрытый союзник Швеции, открыто не может предпринять ничего существенного против планов Петра I на Балтике. Великобритания, дорожа торговлей с Архангельском, также воздержится от активных военно-политических шагов в поддержку Швеции, которая к тому же каперской войной стала немало вредить британской торговле на Балтике. Голландия же, ревностно оберегающая свои торговые связи с Россией,

по уверениям посла, настолько была склонна к сохранению дружбы с Петром I, что удерживала от враждебных России действий и другие державы. Прусский король тоже открыто объявил, что «противного ничего Северному альянсу не возпримет»⁴⁶. Б. И. Куракин с полным основанием делал вывод: «... дела его царского величества с сей стороны в таком благополучии, что сия кампания безо всякого помешания от других потенций (итал.: великих держав. — П. К.) северным альянтом (союзникам. — П. К.) действовать будет оставлена»⁴⁷.

Стратегическая перегруппировка российской армии для действий в кампанию 1714 г. сообразно изменившейся международной и военной обстановке началась летом — осенью 1713 г. В связи с ослаблением турецкой угрозы 18 июня 1713 г. царь распорядился отправить в августе из состава южной армии генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 7 пехотных полков дивизии генерала А. А. Вейде в Петербург и драгунский полк к Риге. В конце сентября 4 полка этой дивизии расположились на зимние квартиры у Нарвы, 2 — в Петербурге⁴⁸.

Действовавшие ранее в Голштинии и Померании войска в составе 18 пехотных и 11 драгунских полков выступили с нижней Вислы в ноябре 1713 г. и расположились на зимние квартиры на западных границах России. Весною 1714 г. после зимнего отдыха и доукомплектования людьми пехотные полки из

Проектный чертёж шведской 15-баночной галеры 1713 г. Мастер Ч. Шелдон.
Государственный архив Швеции. Из книги: История шведского флота.
Мальмё, 1943. Т. 2

состава Померанской армии были сосредоточены в Петербурге (два гвардейских, Ингерманландский, Астраханский и Владимирский), Ревеле (2 полка) и Риге (8 полков). Семь драгунских полков генерала Р. Х. Буора с юго-западной границы (Брянск, Стародуб, Чернигов и др.) перевели под Ригу, остальные же остались в составе группировки Б. П. Шереметева⁴⁹.

К началу кампании 1714 г. в Финляндии размещалась войсковая группа в составе 16 пехотных и гарнизонного полков (ок. 25 500 чел.) и примерно 10 500 всадников. Резервом финляндской армии служила сосредоточенная в Петербурге группировка из 2 гвардейских и 10 пехотных полков (ок. 21 700 чел.), в Ревеле находилось до 3 500 чел. Размещённый вблизи Риги стратегический резерв под командованием генерала А. И. Репнина насчитывал до 15 000 чел. пехоты и 15 000 конницы; прикрывавшая южную границу армия Б. П. Шереметева — в общей сложности около 37 500 чел.⁵⁰

Сосредоточенные в Финляндии, Петербурге и Ревеле войска (ок. 60 000 чел.) предназначались для наступательных действий против Швеции со стороны Финляндии. Войсками А. И. Репнина в случае необходимости можно было либо усилить груп-

пировку в Ревеле, Петербурге и Финляндии, либо отправить их морем в Померанию. Армия же Б. П. Шереметева была значительно сокращена из-за уменьшения опасности от Турции после заключения с ней Адрианопольского мирного договора в июне 1713 г.⁵¹

Желавший освободить все силы для продолжения войны со Швецией, Пётр I согласился с условием Адрианопольского договора вывести все русские войска из Речи Посполитой и ни под каким предлогом не вводить их туда снова. Царю даже запрещалось проезжать по её территории. После этого военные операции России на померанском театре войны становились очень затруднёнными: добраться туда можно было теперь только морем, на котором ещё господствовал шведский флот. Адрианопольский мир 1713 г., снимая на ближнюю перспективу угрозу войны со стороны Турции, сужал для России театр возможных действий против Швеции, подталкивая Россию к усилению флота и перенесению главной базы войск в Финляндию⁵². 27 октября 1713 г. турецкие власти вручили ратификационную грамоту Адрианопольского договора П. П. Шафирову. Султан

Шведская галера постройки 1712 г., захваченная в сражении при Гангуте в 1714 г. С гравюры Г. де Вита 1714 г.

Ахмед III в октябре и ноябре 1713 г. дважды указывал крымскому хану твердо соблюдать мир с Россией⁵³. Тем самым тыл для наступательных операций против шведов со стороны Финляндии был прочно обеспечен. Пётр I писал 5 января 1714 г. командовавшему русским Финляндским корпусом генералу М. М. Голицыну: „С турецкую сторону войны не чаем...“⁵⁴

Ослабление шведского и датского флотов происходило на фоне бурного роста корабельного флота России. По принятой в конце 1707 г. программе его строительства предусматривалось создать на Балтийском море линейный флот из 3 кораблей 80-пушечного ранга, 12 70-пушечного ранга, 12 50-пушечного и ещё 6 32-пушечных фрегатов и 6 18-пушечных шняв. Всего в 1708–1714 гг. на русских верфях заложили 20 линейных кораблей (12 50-пушечного ранга, 7 70-пуш., 1 80-пушечного), 6 32-пушечных фрегатов, 2 18-пушечных шнявы. За границей в 1711–1714 гг. по распоряжениям Петра I приобрели 17 линейных кораблей и 4 фрегата⁵⁵. Государь, выражая удовлетворение по поводу быстрого пополнения корабельного флота, писал 15 июля 1713 г. П. П. Шафирову в Константинополь: „... флот наш, слава Богу, множитца... а ещё ждём доволного числа к себе“⁵⁶. Однако корабельный флот России ещё не сравнялся по силе ни с датским, ни со шведским флотом, уступая им и в числе и величине линейных кораблей, и в выучке и опытности личного состава.

Для действий гребно-парусного флота в кампанию 1714 г. Пётр I решил увеличить число скамповей „турецкого манира“, показавших ощутимые преимущества перед другими разновидностями боевых гребных судов в финских шхерах во время походов 1712 и 1713 гг. Подготовкой сильного вёсельного флота к кампании 1714 г. царь стал заниматься задолго до её открытия. 22 мая 1713 г. генерал-адмирал Ф. М. Апраксин писал адмиралтейскому советнику А. В. Кикину: „Царское величество нередко изволит упоминать о приготовлении лесов к скамповейному делу... прикажи мастерам, чтоб сколько возможно таких лесов приготовляли“⁵⁷. Спустя несколько дней, 28 мая, царь дал указ заготовить в Новгородском и Старорусском уездах лесоматериалы для постройки 50 скамповей⁵⁸. Ввиду ожидавшегося большого размаха работ по строительству гребно-парусных судов, Ф. М. Апраксин в мае 1713 г. вызвал из Воронежа в Петербург опытного галерного мастера грека Н. Муца⁵⁹. 3 июля 1713 г. для ускорения заготовительных работ в Новго-

родский уезд Пётр I послал наследника престола царевича Алексея, „чтоб конечно те леса дубовые к сентябрю месяцу напилованы и здесь поставлены были, а имянно: на 50 скамповей кили, сатоуты, штевены, шпангоуты, дек-балки“⁶⁰. Остальные части корпуса этих скамповей следовало изготовить из соснового леса. Приступить к постройке из заготовленного леса скамповей Пётр I указал в октябре 1713 г.⁶¹ В конце июля царь осведомлялся в письме царевичу: „По получении сего письма дай знать, к которому числу отпустятся все леса на скамповей...“⁶²

Строительство новых галер к кампании 1714 г. началось вовремя. Под руководством галерного мастера грека Ю. А. Русина в октябре 1713 г. на Галерной (Скамповейной, Полугалерной) верфи в Петербурге заложили 30 скамповей, 15 октября — „большую полугалеру“. Н. Муц стал строить там же 30 скамповей 6 ноября⁶³.

Пётр I держал строительство скамповей и полугалер под своим неослабным надзором. В отличающемся подробностью походном журнале царя, ведённом, судя по характеру записей, скорее всего, неотлучно находившимся при нём денщиком, записано, что 26 февраля 1714 г. царь был на Галерной верфи („Скамповейном дворе“), после чего посетил галерного штурманахта (чин, соответствовавший контр-адмиралу) И. Ф. Бодиса. С этого времени посещения государем Галерной верфи стали весьма частыми. Записи наподобие: „его величество был на Скамповейном дворе“, „был у скамповей“ — имеются за 4, 12, 15, 18, 20, 26 марта, 5, 7, 13, 15, 16, 19, 20 апреля⁶⁴. 26 апреля Пётр I руководил на Галерной верфи спуском на воду первых 11 скамповей. 28 апреля в присутствии царя на верфи спустили „государеву и адмиральскую скамповей“, 30 апреля — предназначавшееся для И. Ф. Бодиса⁶⁵ гребно-парусное судно. Это был последний день спуска на воду новопостроенных к кампании судов галерного типа. В походном журнале есть запись за тот день: „... всех скамповей⁶⁶ спущено 64“⁶⁷.

Что же представляли собой строившиеся с 1711 г. полугалеры и скамповей нового для Балтийского флота судостроительного „турецкого манира“?

Размерения их корпуса удастся установить по сведениям, поданным галерными мастерами и подмастерьями в 30-е гг. XVIII в. в Адмиралтейскую коллегию, и по выполненным тогда же типовым чертежам галер „турецкого манира“, строившихся

в 1710-х гг.⁶⁸ Сводная таблица размерений русских галер „турецкого манира“ помещена ниже. Галерный мастер И. А. Толбугин отмечал в 1736 г. при подаче сведений в Адмиралтейскую коллегию, что 22-баночные галеры „по турецкой препорции“ в годы Северной войны не строились⁶⁹.

Число банок	Длина	Ширина	Глубина интрьома
19	110 ф. (33, 53 м)	18 ф. 6 д. (5, 64)	4 ф. 9 д. (1, 45 м)
18	104 ф. 2 д. (31, 75 м)	17 ф. 6 д. (5, 33 м)	4 ф. 7 д. (1, 4 м)
16	100 ф. (30, 48 м)	17 ф. 6 д. (5, 33 м)	4 ф. 5 д. (1, 35 м)

Следует отметить, что в источниках 1714 г. не всегда проводится терминологическое различие между полугалерами и скампавеями. Слово „скампавея“ зачастую употребляется как тождественное понятию „галера вообще“⁷⁰. Это было связано с тем, что большинство судов гребно-парусного флота тогда составляли именно скампавей и конструктивно полугалеры и скампавей различаются прежде всего только размерами, числом банок и калибрами устанавливавшейся на них артиллерии.

Уволенный в 1722 г. из Российского флота офицер англичанин Д. Ден так описывал в 1723 г. отличия полугалер от скампавей: „Вот уже 10 лет, как царь перестал строить суда, по настоящему называемые полугалерами, предпочитая им скампавей — род судов, по постройке несколько от галер не отличающихся, но размерами менее последних и легче управляемых на вёслах“⁷¹. Как писал Д. Ден, за исключением 6 или 8 полугалер, предназначенных для генерал-адмирала, царя и других начальствующих лиц, остальную массу судов гребно-парусного флота составляли после 1713 г. скампавей⁷².

На основании архивных чертежей полугалер и скампавей „турецкого манира“ можно заключить, что они являлись плоскодонными судами с длинным и узким корпусом, имевшим небольшое возвышение над уровнем воды. Спереди у них был слегка приподнимавшийся кверху носовой выступ, напоминавший таран. Он назывался шпирон. К нему крепился передний конец реи (райны), державшей парус тринкетовой (фок) мачты галеры. За шпироном в носовой части галер имелся помост, на котором помещались орудия самых больших калибров.

18-баночная полугалера „Фиера“ „турецкого манира“ (1714–1723 гг.). Модель первой половины XVIII в. ЦБММ

Наиболее мощное орудие стояло в центре. Посередине галеры от носа к корме шёл другой помост — так называемая куршея, служившая для быстрого передвижения людей вдоль галеры, перетаскивания грузов. Он покрывался двумя смолёными брезентами. От носа до кормовой надстройки слева и справа от куршейного помоста были скамьи для гребцов, именовавшиеся при Петре I в русском флоте греблями, лавками или банками. Угол, под которым банки шли к куршее, составлял на строившихся с 1711 г. для Балтийского флота галерах „турецкого манира“ 90°. Кормовая часть „выборгского“ типа галер „турецкой пропорции“ была заметно приподнятой вверх, седловатой. На корме возвышалась надстройка-каюта, образованная деревянными брусками или дугами, над которыми натягивалась палатка — тендалет.

На корме полугалер „турецкого манира“, согласно росписям имевшегося на них снаряжения и припасов⁷³, устанавливался большого размера позолоченный фонарь и ещё несколько фонарей, у скамповей — „фонарь большой кормовой“, по бокам — „2 фонаря малые круглые“, или „2 фонаря малых сигнальных“. Фонари на корме служили в походе в тёмное время суток „для сигналу“, чтобы не произошло столкновения между идущими впереди и сзади судами. Они были либо фитильными, либо внутри них ставились свечи.

На всех полугалерах и скамповеях „турецкого манира“ было по 2 мачты: передняя называлась тринкет, более высокая — маистра — располагалась ближе к кормовой части. На каждой мачте крепилось по кривой галерной рее. К обеим реям привязывалось по парусу треугольной формы („2 паруса: от маистра и тринкета“, „2 паруса: маистровой и тринкетовой“). Именно такими показаны полугалеры и скамповеи на гравюрах с изображением триумфального входа Российского галерного флота в Петербург в 1714 г.; именно 2 названных мачты перечисляются в росписях оснастки галер „выборгского“ типа.

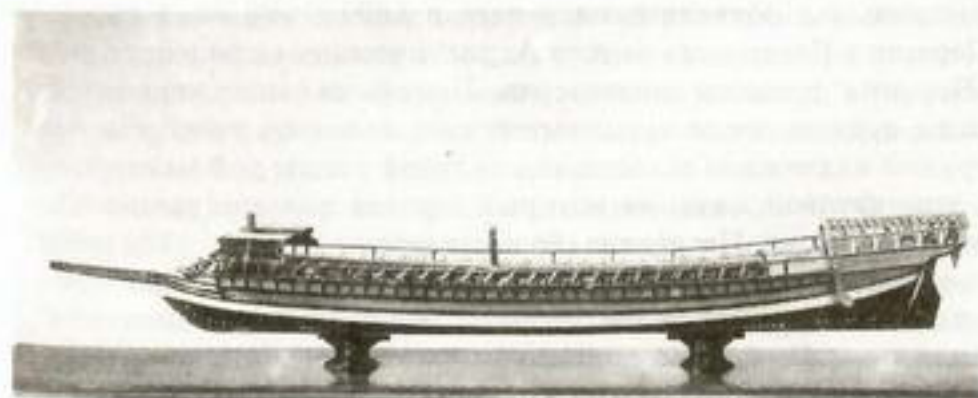
Галеры „турецкого манира“ имели такое важное в условиях шхер и мелководий Финского и Ботнического заливов преимущество, как очень малая осадка. Ниже в таблице даны её характеристики по ведомости галерных мастеров⁷⁴.

Итак, 16-баночные галеры (скамповеи), составлявшие в 1714 г. основную часть гребно-парусного флота России на Балтике, обладали осадкой с полной загрузкой всего лишь в 1,22 м.

Это было одно из важнейших преимуществ скамповей „выборгского“ типа, сыгравшее большую роль в военных действиях галерного флота у Гангута. Осадка „выборгских“ 20- и 19-баночных полугалер „турецкого манира“, как видно из таблицы, была лишь немногим более, чем у скамповей.

Число банок	Осадка	
	Без груза	С грузом
20	2 ф. 2 д. (0, 66 м)	5 ф. (1, 52 м)
19	2 ф. (0, 61 м)	4 ф. 6 д. (1, 37 м)
16	1 ф. 10 д. (0, 56 м)	4 ф. (1, 22 м)

Необходимо выяснить также, какое число вёсел имели полугалеры и скамповеи „выборгского“ типа 1711–1714 гг. постройки. Обо всех таких судах сведений не сохранилось: в общих кораблестроительных списках того времени эта их характеристика не указывалась. Даже в 1736 г. собиравшая сведения о петровском галерном судостроении Адмиралтейская коллегия получила от галерных мастеров несколько сбивчивые данные. В одной подготовленной ею для подачи в Сенат справке говорилось, что „во время войны в Финляндии суда имелись 15-, 17-, 18-, 20-баночные“; в другой, помеченной тем же числом, что тогда „суда имелись турецкой манирою 16-, 18-, 19-баночные, а 22-баночной галеры в Финляндии не было“⁷⁵.

22-баночная полугалера „турецкого манира“ времени Петра I.
Модель первой половины XVIII в. ЦВММ

Во многом прояснить вопрос позволяют несколько разысканных в архиве списков галер 10–20-х гг. XVIII в., в которых указаны названия, годы постройки и число вёсел или банок некоторой части изготовленных ранее галер. Три галеры постройки 1713 г., о количестве вёсел которых обнаружены сведения, были 30-вёсельными. Из 32 галер постройки 1714 г., по этим спискам, галера „Сом“ была 38-вёсельной, „Аист“, „Гусь“ и „Фивра“ — 36-вёсельными, „Гагара“ — 34-вёсельной, „конная“ (то есть приспособленная для перевозки лошадей) галера „Черепаша“ — 32-вёсельной, подавляющее же число галер (26) — 30-вёсельными⁷⁶. Весьма показательно, что и на гравюре П. Пикарта, изображающей прорыв российских гребно-парусных судов между берегом и шведскими кораблями во время Гангутской операции, у данных крупным планом галер, как правило, показаны 15 пар вёсел⁷⁷.

За одним веслом на 40-, 38- и 36-вёсельных полугалерах „выборгского“ типа сидели по 5 гребцов из солдат, на 34-вёсельных по 4 гребца, на 32-, 30- и 28-вёсельных скампавах по 4 или 3 гребца⁷⁸.

Согласно росписям 1717 г., на полугалерах 1714 г. постройки наличествовало по 4 четверорогих галерных якоря, на скампавах 1713–1714 гг. постройки — по 2 или 3 четверорогих якоря, каждый из которых весил обычно от 5 до 8 пудов, редко по 9 и 10 пудов. На шлюпках при полугалерах и скампавах тоже имелось по небольшому шлюпочному якорю.

На полугалере „Дельфин“ были в 1717 г. 2 „якоря приступные с цепями“⁷⁹. Об их назначении капитан галерного флота Венецианской республики черногорец М. Мартинович подробно рассказывал обучавшимся у него в 1697–1698 гг. в городке Перасте у Которского залива Адриатического моря в его школе „Наутика“ русским навигаторам. При сближении с неприятельским судном после артиллерийского залпа по нему из всех орудий надлежало завести над палубой концы реи маистровой и тринкетовой мачт, на которых заранее подвешивались упомянутые якоря. Последние сбрасывались на вражеский корабль, после чего галера подтягивалась к судну и на него высаживалась вооружённая команда для ближнего боя на палубе неприятеля⁸⁰. Видимо, в Российском галерном флоте подобные якоря при Петре I широко не применялись.

Оснащение флагами, выпелами и флюгерами полугалер и скампавах было следующим. На корме устанавливался „ро-

сийской галерной флаг“ — красное прямоугольное полотнище с синим андреевским крестом в белом прямоугольнике в верхней части флага, прилегающей к древку („флаг красной с крестом кормовой“). У полугалер он был побольше (размер: „8 клет“), у скампавах поменьше („6 клет“). Значительное количество выпелов имелось на полугалерах, на которых обычно размещались флагманы либо старшие офицеры. Например, на полугалере „Св. Николай“ (кап. Л. М. Демьянов) было 17 разных выпелов, 32 различных сигнальных флага, на полугалере „Гусь“ (кап.-поручик О. И. Данилов) — 14 разнообразных выпелов и 26 сигнальных флагов разного назначения (данные 1717 г.)⁸¹. На тринкетовой мачте полугалер и скампавах крепился матерчатый флюгер, как правило, синей расцветки, но иногда упоминаются флюгера белого, красного и жёлтого цветов (данные 1717 г.)⁸².

Из навигационного оборудования на полугалерах имелось по 4 компаса и ещё один каютный „висячий“ компас, на скампавах — только по 2 компаса.

Для выявления боевых возможностей галерного флота, готовившегося к кампании 1714 г., существенно важно определить артиллерийское вооружение имевшихся тогда во флоте полугалер и в первую очередь скампавах — основной ударной силы гребно-парусного флота в то время.

По этому вопросу есть различные мнения. А. П. Соколов считал (без указания источника сведений), что на приблизительно 100 „галерах“, участвовавших в 1714 г. в морском походе к полуострову Гангут, имелось около 300 орудий от 12-до 3-фунтового калибра⁸³. А. З. Мышлаевский полагал, что скампавах в 1714 г. были вооружены только одним орудием 6-, 3- или 2-фунтового калибра⁸⁴. Н. В. Новиков, авторы „Морского атласа“, Б. И. Зверев, Ю. Р. Клокман, Н. И. Павленко и

Четверорогий галерный якорь. Начало XVIII в. Кованое железо. ГИМ

многие другие авторы также исходили из того, что на каждой скампавее во время действий у Гангута было лишь по одной небольшой пушке⁸⁵.

Обращение к анализу первоисточников не позволяет, однако, согласиться с выводом А. З. Мышлаевского, который приняли многие историки XX в. Заключение о наличии на скампавеях одной пушки от 6- до 2-фунтового калибра Мышлаевский сделал на основании записи от 4 мая 1714 г. в книге приказов Ф. М. Апраксина. По нашему мнению, из записи, на которую он сослался, следует другой вывод. Названная запись гласит: „К порутчику Бужанинову. Изволь отдать в дивизию нашу на 30 скампавей на каждую по 20 гранат, чинёных штифунтовых, по 20 трёхфунтовых, по 30 двухфунтовых, десять трубок запасных трёх- и двухфунтовых, по 10 трубок скорострельных, и, ежели будут требовать, и в другие дивизии отпущать по толикому ж числу“⁸⁶. В приказе речь идёт об одном из эпизодов вооружения скампавей в эскадре (в приказе названа дивизией) Ф. М. Апраксина (всего эскадр было 3 по 33 галеры в каждой). Из записи можно заключить, что на скампавеях находилось не по одному орудью, но не менее чем по одной мортире 6-фунтового калибра (они стреляли гранатами) и по крайней мере ещё 2 пушки трёх- и двухфунтового калибров.

Каково же было действительное вооружение скампавей и полугалер артиллерией в кампанию 1714 г.?

Скампавей и полугалеры того типа, что участвовали в военных действиях в 1714 г., начали строить по почину шаутбенахта грека И. Ф. Боциса в 1711 г. на верфи вблизи Выборга, с осени 1712 г. в Петербурге. В течение 1711 г. на Выборгской верфи под присмотром И. Ф. Боциса Ю. А. Русинов и галерный подмастерье грек З. М. Колуенов построили в используемой ими „турецкой манере“ галерного судостроения 3 полугалеры и 13 скампавей⁸⁷. На каждой скампавее весной 1712 г., в начале морской кампании, поставили по пушке 6-фунтового калибра на носу на идущем посередине судна куршейном помосте, по 2 3-фунтовых пушки по бокам от куршейного орудия и по 4 баса — орудия 2-фунтового калибра, всего 7 пушек⁸⁸. Экипаж полугалер этого типа имел комплект в 250 чел., скампавей — в 150 чел.⁸⁹

Весною 1713 г. командовавший тогда галерным флотом на Балтике шаутбенахт И. Ф. Боцис составил для подготовки скампавей к кампании полную роспись всех предметов для оснаще-

ния и вооружения каждой из них, не забыв упомянуть даже иголок для сшивания парусов⁹⁰. Ознакомившись с росписью, Пётр I написал резолюцию: „Надлежит напечатать“⁹¹, то есть полностью одобрил её. В росписи говорится, что на всех скампавеях следует устанавливать на носу на куршейном помосте по одной пушке, 2 по сторонам от неё на носу же, также 2 баса и ещё 2 мортиры 6-фунтового калибра. Предусматривался и соответствующий боезапас: 70 ядер для куршейного орудия, 100 — для боковых, 30 зарядов картечи для куршейной пушки, 50 — для боковых, 20 — для басов, также 30 „анзелей“ (от итал. *ansolo* или *ancholo* — кольцо; использовались для повреждения такелажа неприятельских судов) для орудия на куршее, 50 — для боковых пушек и ещё 40 гранат для стрельбы из мортир⁹². Следовательно, в кампанию 1713 г. скампавей должны были иметь на вооружении по 5 пушек и 2 мортиры каждая.

Среди бумаг канцелярии Ф. М. Апраксина хранится роспись артиллерии, которую требовалось установить на боевых кораблях флота к кампании 1713 г. В росписи указаны калибры и количество орудий. Согласно документу, на 3 „выборгских“ полугалерах 1711 г. постройки намечалось разместить довольно мощное вооружение из 7 пушек: на носу на куршее орудие 24-фунтового калибра, по бокам от него 2 12-фунтовых, кроме них, 4 орудия 6-фунтового калибра. На 63 наличествовавших или строившихся к кампании 1713 г. скампавеях „выборгского“ типа предполагалось установить на носу на куршее 12-фунтовое орудие, по бокам от него 2 6-фунтовых, в других местах следовало установить ещё 2 3-фунтовых пушки (мортиры в источнике не упоминаются)⁹³. Остается, однако, открытым вопрос, удалось ли обеспечить полугалеры и скампавей артиллерией согласно плану.

Есть сведения о вооружении артиллерией полугалер и скампавей и непосредственно в кампанию 1714 г. Я. де Би 10 апреля 1714 г. доносил из Петербурга парламенту в Голландию, что в Российском флоте наличествует 126 „полугалер“ (так он именуется, о чём говорит указанное им количество судов, не только собственно полугалеры, но и скампавей) с 5 пушками на каждой⁹⁴, и датский дипломат П. Фальх в списке русского флота, приложенном к его донесению из Петербурга от 29 июня 1714 г., также указывал, что на 120, как он писал, „четвертьгалерах“ (*qvart galeerer*), под которыми надо понимать скампавей, установлено на каждой по 5 пушек⁹⁵.

Каких калибров была артиллерия на скампавах в морском походе 1714 г., можно судить по перечню орудий, которых не смогли снять с 16 скампавей, погибших во время осенних бурь в том же году. Тогда не смогли спасти 2 12-фунтовых, 3 8-, 2 6-, 22 3-фунтовых пушки и 6 6-фунтовых мортир⁹⁶. Наличие среди затонувших осенью 1714 г. и 8-, и 6-фунтовых пушек, а также высказывание капитан-командора гребного флота М. Х. Змаевича в письме от 26 сентября 1714 г. Ф. М. Апраксину, когда он, сообщая, что по требованию царя вручил ему ведомость о числе пушек 12-фунтового калибра на скампавах, добавлял: „... мню, что желает на все скампаваи поставить таким калибром“⁹⁷, заставляют предполагать неполную унификацию 3 носовых орудий на скампавах в кампанию 1714 г. Очевидно, в носовой части скампавей в разных сочетаниях устанавливались 12-, 8- и 6-фунтовые куршейные орудия, два других орудия, можно сделать вывод, были 3-фунтового калибра. Как видно из данного перечня, имелись на скампавах и мортиры 6-фунтового калибра для стрельбы гранатами. Но были ли последние на всех скампавах?

Поскольку более первоисточников о наличии артиллерии на полугалерах и скампавах во время кампании 1714 г. нами не найдено, полезно проанализировать 2 подробных архивных росписи вооружения и различных припасов на галерах Балтийского флота, относящихся к осени 1717 г.

Первая роспись, датированная 10 сентября 1717 г., содержит полный перечень оснастки, вооружения и амуниции на 15 скампавах (из них 14 постройки 1713 г., одна — 1714 г.⁹⁸), которые были в том году отправлены из Або в Петербург для слома по причине прихода в негодность⁹⁹. Все эти скампаваи участвовали в морском походе к Гангуту. Большая часть из них так и оставалась в течение 1714–1717 гг. при русском корпусе в Финляндии, не возвращаясь в Петербург. Скорее всего, их вооружение в 1717 г. было почти таким же, как и в год Гангутской баталии.

Согласно росписи от 10 сентября 1717 г., на большинстве скампавей (11 из 15) на носу стояли 6-фунтовое куршейное орудие и по бокам от него 2 3-фунтовых; остальные 4 скампаваи имели в качестве куршейного 8-фунтовое медное орудие и 2 3-фунтовых чугуновых с боков. Ни на одной скампавее не было 12-фунтового куршейного и 2 6-фунтовых орудий рядом с ним, как это намечалось сделать к кампании 1713 г. Из этих 15

скампавей 7 имели по 2 чугуновых „мортирки“ 6-фунтового калибра („мартерки чугуновые 6-фунтовые“, „мартелки“), одна скампавей — одну „мортирку“ и ещё 3 скампаваи имели на борту только запас гранат „мартерных“ 6-фунтового калибра.

6-фунтовые медные мортиры были введены на вооружение русской армии в 1706 г. Их конструкция являлась изобретением артиллериста-новатора В. Д. Корчмина. Мортиры широко применялись в ходе боевых действий. Они устанавливались как на станках, так и на лёгких переносных треногах, были удобны для стрельбы в полевом бою и из траншей. Дальность бросания гранат из таких орудий была небольшой: не выше 110 м¹⁰⁰. Как выше показано, 6-фунтовые мортиры изобретения В. Д. Корчмина нашли значительное применение и на судах галерного флота Петра I.

Образец 6-фунтовой (96,5 мм) бронзовой мортиры В. Д. Корчмина есть в Артиллерийском музее в Петербурге. Она представляет собой ствол пушки 3-фунтового (76 мм) калибра длиной 105 см и массой 159,5 кг с прикреплённым на дуле стальным цилиндром, который и позволял вести стрельбу 6-фунтовыми гранатами¹⁰¹. Имеется в Артиллерийском музее и чугуновая пушка 3-фунтового калибра, отлитая в 1711 г. на Олонецких петровских заводах. Она весит 350 кг, имеет длину 140 см¹⁰². Подобные орудия были в 1714 г. на судах галерного флота.

Имевшиеся на скампавах ручные 3-фунтовые гранаты можно было бросать как рукой, так и из мортирок 3-фунтового калибра, состоявших в армии на вооружении гренадеров и драгун. Эти мортирки отдалённо напоминали ружья с кремнёвым замком, курком, но вместо тонкого ствола они имели цилиндрической формы железный толстостенный котёл, рассчитанный на сильный пороховой заряд, куда помещалась граната. Длина таких мортирок в собрании Артиллерийского музея вместе с прикладом колеблется в пределах 0,8—0,84 м, масса составляет 4,4—4,6 кг, калибр 72—75 мм. Вели огонь из 3-фунтовых ручных мортирок по причине сильной отдачи при стрельбе, не прижимая приклад к плечу, а упирая его в некую твёрдую опору: землю, стену и т. п.¹⁰³

В другом документе — „Книге припасам галерным“, относящемся к октябрю 1717 г.¹⁰⁴, приведены сведения об артиллерийском вооружении 6 полугалер и 22 скампавей постройки 1714 г.¹⁰⁵ Эти полугалеры и скампаваи должны были участвовать в операции русского флота у Гангута.

Согласно „Книге припасам галерным“, полугалеры: „Аист“, „Вальфиш“ (кит), „Гусь“, „Дельфин“ („Долфин“), „Св. Николай“, „Струз“ (страус) — имели в качестве куршейного по 18-фунтовому орудью, по бокам от него 2 6-фунтовых орудия. На 4 из 6 полугалер были установлены также ещё по 4 небольших орудия 3-фунтового калибра, на 2 — по 6 орудий такого калибра¹⁰⁶. Мортиры 6-фунтового калибра не отмечены в документе, но на полугалерах „Аист“, „Гусь“ и „Струз“ среди боезапаса были „гранаты мартирныя 6-фунтовыя“¹⁰⁷. Может быть, при необходимости они тоже устанавливались на полугалерах.

Итак, на полугалерах постройки 1714 г. имелось 3 года спустя после их ввода в строй по 7–9 орудий: 18-фунтовое, 2 6-фунтовых и 4 или 6 3-фунтовых. То есть вышеназванный план размещения на полугалерах в 1713 г. 7 орудий более крупных калибров (1 24-фунт., 2 12-фунт., 4 6-фунтовых) в 1717 г. и, надо полагать, в предыдущие годы не воплощался в жизнь.

Каково же было артиллерийское вооружение 22 скамповей постройки 1714 г., данные о которых приведены в „Книге припасам галерным“ 1717 г.?

На большинстве из них (16 из 22) имелись только 3 орудия: носовое куршейное 12-фунтовое и по бокам от него 2 3-фунтовых (у одной из 16 названных скамповей 2 4-фунтовых). Из остальных 6 скамповей 4 имели, помимо носовых 12-фунтового и 2 3-фунтовых орудий, по 2 чугунных 6-фунтовых мортиры, одна скампавея — 2 3-фунтовых пушки (у неё же боковые носовые орудия были не 3-, а 4-фунтовые) и одна — 2 баса. Примечательно также, что у 9 скамповей, не имевших на вооружении в октябре 1717 г. мортир 6-фунтового калибра, в числе боеприпасов были всё же гранаты для стрельбы из таких мортир. Возможно, что к концу кампании 1717 г. такие мортиры были просто сняты с этих скамповей.

Боезапас на полугалерах и скампавеях включал артиллерийские снаряды разного рода: ядра, картечь, анзоли, гранаты для мортир и ручные 3-фунтовые гранаты. Из многочисленных записей наподобие: „в походе в воду упали из ящика на носу 3“, „как разбило погодою на носу ящик, упали в воду 13“ — применительно к ядрам, картечи, анзолям следует, что по крайней мере часть орудийного запаса хранилась в непосредственной близости от пушек главного калибра на носу в особом ящике.

Из ручного огнестрельного оружия моряков галерного флота в росписях обычно упоминаются на каждой из полугалер и

скамповей от 1 до 8 флотских мушкетонов, 3 пары пистолетов, также 3–13 пудов пуль.

Предназначавшиеся для флота мушкетоны имели крупный калибр ствола: у образцов производства Олонецких петровских заводов 1709, 1711 и 1720 гг. и Петербурга 1712 г. 27,5–28,8 мм. Флотские мушкетоны имели круглый ствол с конической каморой, куда загонялась до заклинивания крупная свинцовая пуля (106,5 г) или картечь (свинцовые шарики более 0,5 см в диаметре), благодаря чему они приобретали большую начальную скорость при выстреле. Длина этих мушкетонов с прикладом по сохранившимся образцам составляла 1,24–1,34 м, масса 5,9–6,3 кг¹⁰⁸.

В качестве холодного оружия моряки на полугалерах и скампавеях располагали палашами, которые, согласно образцам первой четверти XVIII в., имеющимся в Музеях Московского Кремля, были стальными, обоюдоострыми. Длина клинков морских палашей 95–107 см¹⁰⁹. Были на галерах и от 5 до 12 „топоров приступных“¹¹⁰ — своеобразное оружие галерного флота; имелось также приблизительно такое же количество „топоров русских“ и обычно 1–3 тесака.

Подавляющее большинство экипажей галер составляли не моряки, но офицеры и солдаты сухопутных полков. Как они были вооружены?

Из полковых архивов удалось извлечь данные о вооружении в 1714 г. 10 из 15 полков, участвовавших в Гангутской баталии. Вооружение пехотинцев, как вытекает из изученных материалов, соответствовало самым высоким европейским стандартам, в наличии имелось ручное и огнестрельное, и холодное оружие. Всё вооружение было единообразным. Пехотинцы имели на вооружении гладкоствольное кремнёвое ружье (фузея), шпагу или резе палаш. Все или почти все фузеи были снабжены штыком, что было очень важно в случае рукопашного боя¹¹¹. К примеру, в Воронежском полку в 1714 г. было 1447 фузей (только 5 из них без штыков), 1911 шпаг; из менее широко распространённого оружия в полку были 294 пистолета для офицеров, 299 копий солдатских (пикинерских), 72 алебарды урядничьих и капральских, 8 полупик подпрапорщических.¹¹²

Другие типы ружей, помимо фузей, в 10 полках, участвовавших в Гангутском сражении, вооружение которых было изучено, являлись редким исключением. Лишь в Московском полку наличествовало 7 нарезных ружей с кремнёвым замком — шту-

церов (фузей 1183) и в Нижегородском 6 штуцеров (816 фузей)¹¹³. Солдатские пехотные кремнёвые ружья — фузеи, согласно указу Петра I, должны были иметь калибр 19,8 мм, длину ствола 1,02 м, общую длину 1,42 м. Для стрельбы из них использовались бумажные патроны с зарядом пороха (ок. 13 г) и круглой свинцовой пулей (34 г). Убойная дальность стрельбы из них достигала 300 шагов (ок. 200 м), скорострельность 1—1,5 выстрела в минуту. Пробивную способность пуль, которыми стреляли из фузей, мож-

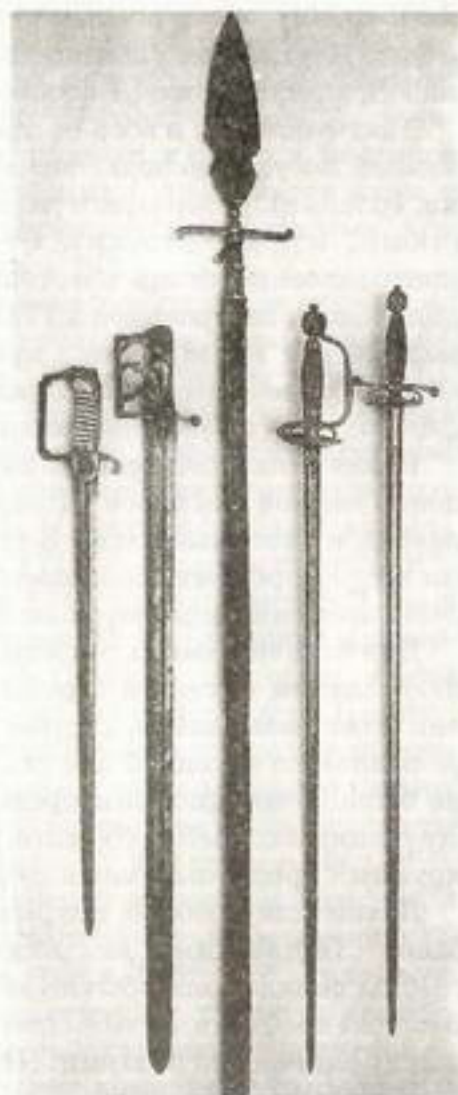

Вооружение рядового состава Российской армии эпохи Петра I (сверху вниз): шпала, фузея, мушкетон, штык, ручная мортирка, багнет, клинок палаша. Сталь, медь, дерево. ГИМ

но оценить на основе данных середины XVIII в.: на расстоянии в 43 м стреляли по 17 железным кирасам тульского производства и из них 12 кирас были пробиты насквозь, 5 получили большие вмятины. Вес такого ружья составлял около 5,2 кг¹¹⁴.

Гвардейские офицерские шпаги, согласно хранящимся в Музеях Московского Кремля образцам, изготовленным на Олонецких петровских заводах в 1711 г., представляли собой стальные шестигранные обоюдоострые клинки длиной 1,01 м и общей длиной около 1,2 м. На одной стороне клинков выгравированы надписи: „OLONEZ 1711“, на другой: „ВИВАТ ВИВАТ ВИВАТ“. Рукояти шпаг были перевиты медной или стальной кручёной проволокой¹¹⁵. Обычные офицерские шпаги производства Олонецких петровских заводов 1712 г. из собрания Музеев Московского Кремля также являются стальными шестигранными обоюдоострыми. Длина клинка 71—75 см, общая длина 85—91 см. На одной стороне клинков шпаг — изображения предметов воинской принадлежности, на другой — вензель Петра I и надпись: „OLONEZ 1712“. Рукояти шпаг перевиты посеребрённой проволокой¹¹⁶. Имевшиеся в полках, штурмовавших шведские суда в Рилакс-фиорде, алебарды — это стальные гладкие полукруглые топоры¹¹⁷.

Росписи галерных припасов позволяют раскрыть подробности службы на галерах „выборгского“ типа. Это возможно сде-

Холодное оружие офицеров Российской армии времени Петра I (слева направо): палаш, эспапон урядничий, шпаги. Сталь, позолота, дерево. ГИМ

лать потому, что в росписях досконально учитывалось всё казённое имущество, упоминался даже „лоскут от серых штанов“ или говорилось, что „1 флюгер мыши поели“.

Так, флагманы и обер-офицеры пользовались на галерах оловянной посудой (блюда, тарелки, ножи, вилки, ложки, кружки, солонки), унтер-офицеры, матросы и солдаты — деревянной (чаши, блюда, ложки). Столовые принадлежности для приготовления пищи изготавливались из меди. На полугалере „Дельфин“, построенной в 1714 г., по описи имелись в наличии медные три котла (один с крышкой), противень с крышкой, ендова¹¹⁸, две сковородки с крышками на ножках, двое щипцов, „уполовник“ и „решётка медная, чем пену сывают“¹¹⁹.

В росписях значится, что на полугалерах наличествовал „колокол медной для часов“. Имелись на всех полугалерах и скампавеях и песочные часы. В судовой колокол на полугалерах, согласно морскому обыкновению, „били склянки“, то есть для счёта времени с получасовым промежутком ударяли в колокол.

Для отдачи команд голосом на расстоянии, для переговоров на удалении служили „трубы жестяные гласящие“ или, как они тоже назывались, „трубы гласительные“. На полугалерах упоминается по одной-две таких трубы, на скампавеях же их не было. Очевидно, они предназначались только для начальствующих лиц высокого ранга, размещавшихся обычно на более крупных гребно-парусных судах — полугалерах.

Лавки для гребцов покрывались „кожами юхотными для банок“. Под банками, как писал в 1713 г. И. Ф. Бопис, солдаты-гребцы складывали обычно свои походные кожаные сумки¹²⁰. В случае необходимости солдаты могли ночевать на этих кожах между скамьями-греблями. Но обычно всё-таки на ночь галеры приставали к берегу, где и устраивались на ночлег. Историк С. Дальстрём посвятил специальное исследование „русским печам“, сохранившимся во множестве вдоль Финского побережья начиная от Берёзовых островов вблизи Выборга и далее к западу, в том числе и на Аландских островах. Такие печи складывались из неотёсанных природных валунов, имели вход-устье. Обычные их размеры: до 3 м в длину, до 2 в ширину и около 1 м в высоту. Печи эти служили в первую очередь для выпечки хлеба. Сооружали их русские солдаты, передвигавшиеся вдоль берега на гребно-парусных судах, не только в годы Северной войны, но и в ходе последующих войн со Швецией в XVIII — начале XIX в.¹²¹ Секретарь князя Д. К. Канте-

мира, а позднее в 1718–1738 гг. прусского посольства в России И. Г. Фоккеродт писал, что в период Северной войны, поскольку „галеры большею частью ходят на парусах и почти каждую ночь пристаю к берегу“, то „русский солдат нашёл это путешествие до того удобным и так привык к нему в короткое время, что с удовольствием садился на галеру; когда даже и ветер был противный, он лучше охотился грести вёслами, чем маршировать о поклажею за спиною“¹²².

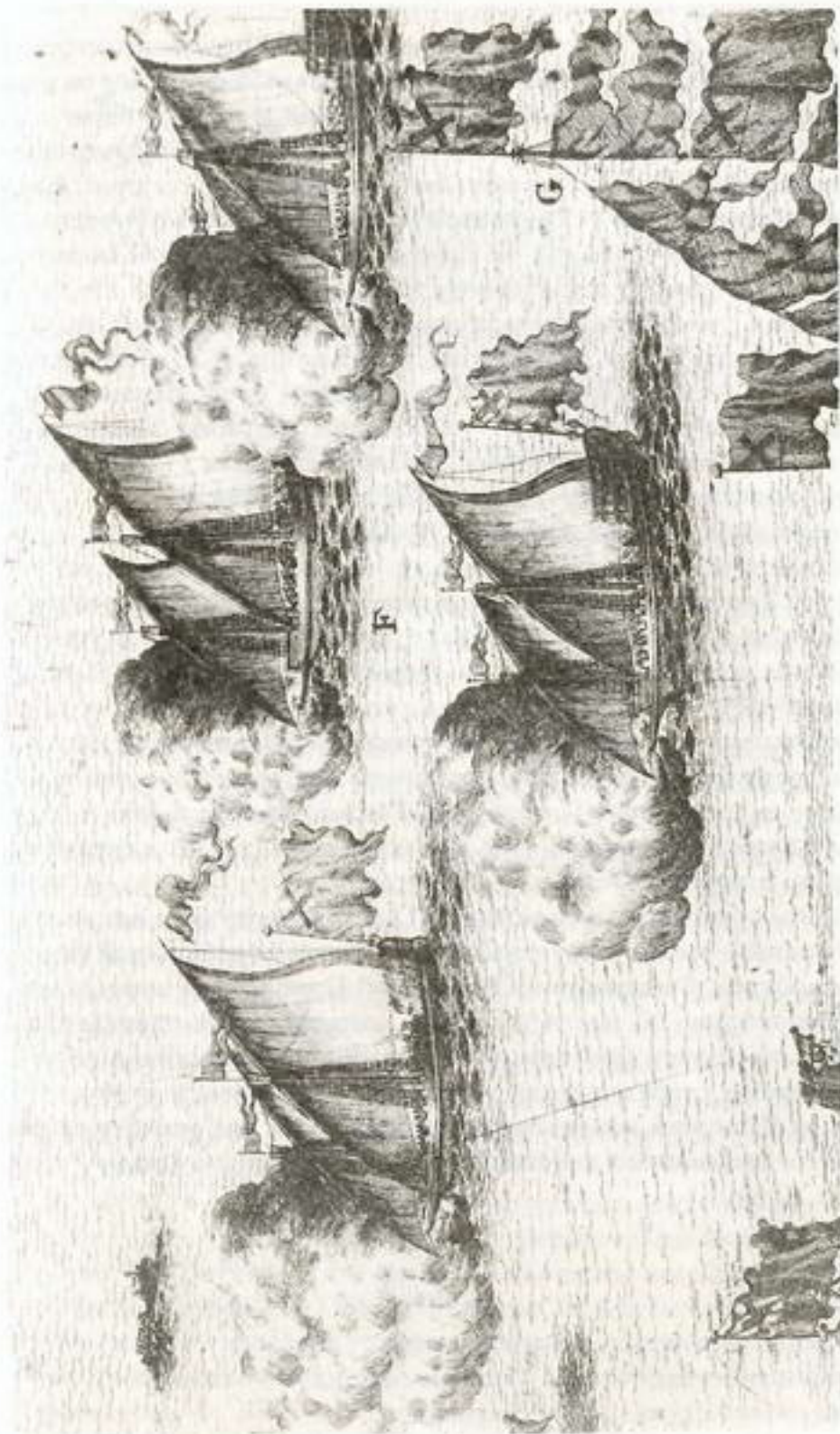
О мореходных и боевых качествах полугалер и скампавей „турецкого манира“, начало строительству которых для Балтийского флота было положено в 1711 г. на верфи вблизи Выборга мастером Ю. А. Русиновым, можно судить по собранным в 1732 г. Военской морской комиссией „мнениям“ офицеров галерного флота. По мнению участников гангутского похода 1714 г. — морских капитанов А. Ф. Миющика (в 1714 г. служил капитаном)¹²³, Ф. М. Хорвата (в 1714 г. капитан-поручик)¹²⁴, лейтенанта М. Д. Санторинио (в 1714 г. подкомит)¹²⁵¹²⁶, — а также лейтенантов С. Б. Коновницына, И. М. Кукарина и унтер-лейтенантов Л. И. Коптева и Я. Л. Судьяно, „которые галеры имелись быть строены в прошлых годах при... Петре Первом, бывшие турецким маниром, оные галеры и в шхерах зело быть способны, и мелководнее французского и виницыанского маниру галер, також на парусах и на гребле лехче и не столь деревисты (то есть массивны по конструкции. — П. К.) строены были“¹²⁷. Подобный ответ был получен Военской морской комиссией и от капитана А. Деопера, поступившего на службу в российский галерный флот в этом же чине ещё в 1696 г.¹²⁸, галерного капитана Ю. Н. Потиноти, принятого на русскую службу капитаном в 1705 г.¹²⁹, многоопытных галерных капитанов С. М. Камера, Л. Лицы и ещё девяти капитан-лейтенантов и лейтенантов: „... галеры... строены прежде турецким, французским и виницыанским маниры, токмо для способности шхер имеют быть турецким маниром галеры способнее, понеже оные ходят в воде мелче и как на гребле, так и на парусах лехче“¹³⁰.

Знающий офицер, унтер-лейтенант В. Я. Филисов, имевший в 1717–1718 гг. практику службы в галерном флоте Венеции и в 1719 г. обучавшийся морскому делу в Испании, высказал следующее: „Галеры турецкого маниру, которые делал мастер Юрья Русинов и на которых во время войны (Северной. — П. К.) служили, оные во время всякого случая (военных дей-

ствий. — П. К.) как в ходу на гребле и под парусами, и в повороте, и в подымании райн и в обороте — во всём к морскому случаю годны и лехки, но токмо маниром не так красивы, как виницианские, также и покаями каютными не так доволно¹³¹. В. Я. Филисов обращал внимание Военской морской комиссии на „лэхкость и скорость“ галер „турецкого манира“, что выгодно отличало их от галер французского и особенно венецианского типов. Он подчёркивал, что на галерах французского и венецианского типов „как в гребле, так и в подымании райн и в обороте оных не без тяжёлости и продолжения времени, а паче во время случая, как морская регула велит, не упуская времени“, что особенно важно учитывать потому, что на российских галерах в гребцах служат не каторжные невольники, а „честное салдатство“¹³².

Существенный недостаток галер „турецкого манира“ подметил капитан П. С. Рагозо. Он проделал большой путь во флоте: начал службу в 1705 г. матросом, прошёл через должности подкомита, комита (имея этот чин, он участвовал в гангутском походе 1714 г.¹³³), в 1717 г. получил обер-офицерский чин подпоручика, в 1720 г. стал поручиком и т. д.¹³⁴ На галерах „турецкого манира“, по его словам, он служил в 1713–1721 гг., и, как он засвидетельствовал Комиссии, на них „в походах быть во время великой погоды весьма опасно“, так как они имеют низкие борта¹³⁵. Наибольший ущерб от этого конструктивного недостатка скампавей „турецкого манира“ галерный флот потерпел осенью 1714 г., когда во время бурь погибло 16 скампавей¹³⁶. Это тяжёлое известие никто из приближённых царя некоторое время даже не решался сообщить ему¹³⁷.

Для обеспечения прохода в кампанию 1714 г. галерного флота к берегам Швеции по повелению царя был проведён ряд гидрографических исследований в полосе его предстоявшего движения. „Не для поиска над неприятелем, но для ведения пути“ Пётр I послал в августе 1713 г. с отрядом скампавей опытного моряка М. Х. Змаевича с задачей дойти до Або, следуя как можно ближе к берегу. Свой путь Змаевич должен был нанести на карту. Нужно отметить, что уже тогда, за год до знаменитых прорывов галерного флота у Гангута, Пётр I в случае, если бы путь галерам вблизи берега преградили шведские корабли, предлагал обойти их ночью со стороны моря¹³⁸. Выполнить задание царя Змаевич тогда не смог, надо полагать, из-за блокирования всех фарватеров шведским флотом. Ввиду

этого 2 сентября 1713 г. Пётр I указал Ф. М. Апраксину позднее выявить все места, где шведский корабельный флот мог задержать продвижение русских галер, подходя к самому берегу, и нанести их на карту: „... только ль что Ангут и Тереминде или ещё иные есть“¹³⁹. Одну из попыток исследовать галерный фарватер вблизи берега у Тверминне 7 сентября 1713 г. предпринял на шлюпках сам царь, но шведские корабли открыли огонь из пушек и двинулись к берегу¹⁴⁰. 10 сентября того же года Пётр I дал указ капитан-поручику Л. Доусу осенью — зимою установить все места до Або, где „могут неприятели большими кораблями свободно входить и скампаваем путь заграждать“, и сделать карты с указанием глубины и ширины проходов в шхерах для галерного флота. Не позднее февраля 1714 г. такие карты должны были быть присланы в Петербург¹⁴¹.

Тщательность подготовки к морской кампании 1714 г. подчёркивают и некоторые её детали. Например, царь взял на заметку как обстоятельство, которое могло быть использовано в будущую кампанию, такой факт, как тёмные ночи и густые утренние туманы у Гангута в сентябрьскую пору¹⁴². Или, 7 февраля 1714 г. Ф. М. Апраксин, видимо, по указанию царя распорядился „математическим ученикам“ Навигацкой школы произвести исчисления продолжительности дней и ночей в течение года для широт Петербурга, Гельсингфорса и Або¹⁴³. Эти расчёты также были полезны для боевых операций в финских шхерах, в первую очередь у Гангута.

Таким образом, к кампании 1714 г. в России был подготовлен большой гребно-парусный флот, усилен корабельный флот. В Петербурге, Финляндии и Восточной Прибалтике находилась приблизительно 90-тысячная армия, готовая к наступательным действиям против Швеции. Международное положение позволяло России сосредоточить усилия на достижении выгодного мира со Швецией военными средствами. Но для этого нужны были согласованные действия держав Северного союза.

МОРСКОЙ ПОХОД ПЕТРА I И Ф.М.АПРАКСИНА. ПОХОД КОРАБЕЛЬНОГО И ГАЛЕРНОГО ФЛОТА В 1714 ГОДУ. ДЕЙСТВИЯ ПЕТРА I И Ф.М.АПРАКСИНА. ПРОРЫВ РУССКИХ ГАЛЕР МИМО ШВЕДСКОГО ФЛОТА У ГАНГУТА 26–27 ИЮЛЯ 1714 ГОДА.

Начало кампании 1714 г. со стороны российского флота было отодвинуто необычно задержавшимся приходом весны. Если в 1711 и 1712 гг. Нева очистилась ото льда 8 апреля, в 1713 г. — 4 апреля, в 1715 г. — 2 апреля, то в 1714 г. — только 20 апреля¹. Командиры галерных эскадр лишь 27 апреля получили от генерал-адмирала приказ царя „спускать скампаваи непрестанно“, с тем чтобы закончить спуск на воду последних из них 28 апреля, на следующий день погрузить морской провиант, 30 же апреля разместить на галерах всех людей и „быть во всякой готовности“, ожидая приказа о выступлении в поход².

На острове Котлин подготовкой к выходу в море корабельного флота, находившегося там на зимней стоянке в военной гавани, руководил капитан-командор В. Шельтинга. К 8 мая 1714 г. все зимовавшие у Котлина военные корабли были выведены на рейд: 9 линейных кораблей (468 пушек), 5 фрегатов (176 пуш.) и 4 шнявы³.

9 мая 1714 г. галерный флот двинулся, по свидетельству очевидца, „в превосходном порядке и с беспрестанною пальбою из пушек“⁴ из Петербурга в море. Авангардом командовал корабельный шаутбенахт Пётр Михайлов, кордебаталиею и одновременно всем флотом генерал-адмирал Апраксин. Намечавшийся в качестве командира эскадры арьергарда галерный шаутбенахт И. Ф. Боцис неожиданно умер накануне ночью. На следующий день галеры подошли к Котлину⁵.

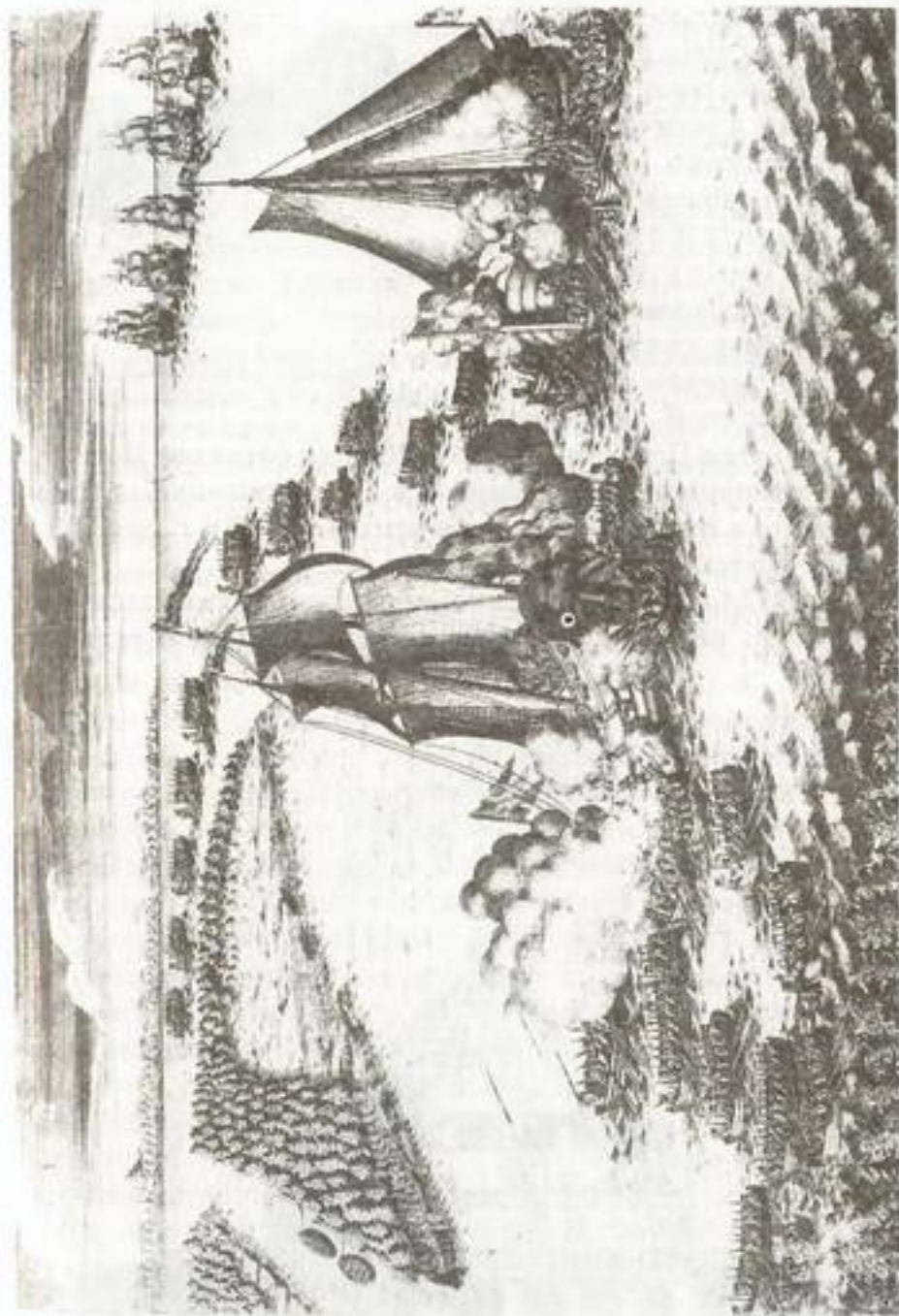
Пётр I. Худ. И. Г. Таннаэр.
1710-е годы

10 мая Пётр I осмотрел все стоявшие на рейде Котлина боевые корабли российского флота. В тот же день он отправил в Петербург письмо не сумевшему по болезни выехать на Котлин генерал-губернатору А. Д. Меншикову: „Поздравляю Вас сим днём, в которой мы оба получили орден Святого Андрея. Дай, Боже, чтоб Господь Бог вящее даровал ныне такого дела“⁶.

Царь намекал на тот первый бой на Балтийском море

в ночь на 7 мая 1703 г., когда он в качестве капитана бомбардирской роты Преображенского полка Петра Михайлова⁷ и поручик Семёновского полка А. Д. Меншиков, командуя 30 лодками, атаковали подошедшие к устью Большой Невы напротив Гутуевского острова 2 боевых корабля шведского флота: 10-пушечную шняву „Астрильд“ и 5-пушечный бот „Гедан“⁸. Тогда российские солдаты без артиллерии, используя только ружья, гранаты и холодное оружие, „по нарочитом бою“ захватили на бордаж эти 2 судна на виду у стоявшей мористее эскадры из 7 военных кораблей вице-адмирала Г. фон Нумерса⁹.

Это была первая морская победа россиян в Северную войну у только что отвоёванного у шведов участка побережья Балтийского моря. Как писал современник, Пётр I оценил её как „особое знамение провидения в пользу морских его предначертаний“¹⁰, повелел выпустить гравюру с изображением боя, офицеры и солдаты — его участники — получили золотые и серебряные медали с надписью: „Небываемое бывает“, а Пётр I и А. Д. Меншиков 10 мая 1703 г. были торжественно причислены к кавалерам ордена Св. Андрея Первозванного. Надо отметить, что в морском бою 7 мая 1703 г., единственном, в котором Петру I к 1714 г. довелось непосредственно участвовать, 30-летний капитан преображенцев проявил не только отвагу, но и воинское искусство: внезапность атаки, незаметное сосредоточение сил, нападение ночью и 2 отрядами с разных сторон.

Взятие шведских шнявы „Астрильд“ и бота „Гедан“ у устья Большой Невы 7 мая 1703 г.
Гравюра А. Ф. Зубова 1726 г.

К 1714 г. Пётр I уже имел заслуженную славу великого русского полководца. Ступенями на пути к его признанию в этом качестве стали проведённые под его фактическим руководством осады и штурмы сильных крепостей — Нотебурга (Орешек; 1702 г.), Дерпта (Юрьев, Тарту) и Нарвы (1704 г.), командование русскими полками в сражении со шведами у деревни Лесной в 1708 г. Вершиной полководческого искусства Петра I явилась знаменитая битва под Полтавой 1709 г., переломившая ход Северной войны и изменившая баланс военных сил в Европе. На море же вплоть до 1714 г. дар Петра I как флотоводца не был востребован.

11 мая 1714 г. царь принял на себя командование корабельным флотом, перепоручив командовать авангардом галер ге-

*Походная печать Петра I.
Начало XVIII в. Железо, резьба. ГИМ*

Кроншлот. Гравюра П. Пикарта

нералу А. А. Вейде. В тот же день галеры были введены в котлинскую гавань. 12-го с них сняли необученных рекрутов, на следующий день закончили формирование эскадр гребно-парусного флота и их личного состава: „переменяли шквалы и переводили полки“. К вечеру 13 мая вёсельный флот был подготовлен к походу от Котлина, но близлежащие воды ещё не очистились в достаточной мере ото льда¹¹.

Для боевых действий в 1714 г. Россией был снаряжен могучий гребно-парусный флот, каким до этого не располагала ни одна балтийская держава. Его главные силы, предназначавшиеся для военных операций у побережья Финляндии, насчитывали 99 полугалер и скамповей. Этот галерный флот организационно делился на 3 равные части по 33 галеры в каждой, которые именовались генеральными эскадрами авангарда, кордебаталии (средняя эскадра) и арьергарда. Каждая эскадра подразделялась на первую, вторую и третью дивизии по 11 галер в каждой, причём во вторых дивизиях эскадр имелось по одной скампавее „для лошадей“ — позднее их стали называть „конными“ галерами¹². Моряками каждой галеры назначался командовать один из чинов гребно-парусного флота, причём среди них было много нижних: 8 комитов (боцманов), 43 подкомита (боцманмата), 1 сержант, 1 каптенармус и 13 матросов. Знакомление с их именным списком, впрочем, не оставляет сомнений, что все эти нижние чины имели большой опыт службы на галерах. Многие из них являлись итальянцами, греками, южными славянами, которые приходили на службу в русский флот, имея за плечами обычно многолетний опыт походов на галерах в Средиземном море¹³.

Командовать галерным флотом во время похода 1714 г. был назначен генерал-адмирал Ф. М. Апраксин. Он принадлежал к старинному роду. Особую близость к Петру I получил благодаря тому, что его сестра Марфа была вдовой царя Фёдора Алексеевича, брата Петра I по отцу. С 1682 г. Апраксин стал комнатным стольником Петра I. В 1685 г. он был определён в офицеры сформировавшегося юным царём Петром гвардейского Семёновского полка, в 1687 г. пожалован Петром I в чин подполковника этого полка. В 1693–1696 гг. являлся двинским воеводой и губернатором Архангельска. Когда Азовский флот в 1699 г. ходил к Керчи, Апраксин был определён „в морские офицеры“. А в 1700 г. Пётр I назначил Апраксина за его „верные службы и видя его к морским делам прилежание и склон-

ность" главою Адмиралтейского приказа, ведавшего снабжением и строительством флота. В 1707 г. он был пожалован адмиралом и президентом адмиралтейств, со следующего года стал получать генерал-адмиральское жалованье и подписываться генерал-адмиралом¹⁴.

Глубокую характеристику Ф. М. Апраксину дал наблюдавший его долгие годы Д. Ден. Он писал, что по складу характера генерал-адмирал — флегматик и в силу этого „враг необдуманных и быстрых решений“, но при этом в течение многих лет он „дал неопровержимые доказательства храбрости и доблестного поведения“¹⁵. Д. Ден отмечал, что, „благодаря удивительным природным способностям и огромной памяти, он достиг достаточного искусства в морском деле и поразительно поддерживает свой авторитет как генерал-адмирал“¹⁶.

О служебных взаимоотношениях царя-моряка и генерал-адмирала Д. Ден отзывался таким образом: „Даже когда царь как низший по званию флагман, не сходясь с ним во взглядах, старается умалить мнение генерал-адмирала, ссылаясь на неопытность последнего и на то, что он никогда не видел иностранных военных флотов, граф Апраксин, к великой досаде царя, немедленно резко отвергает такое нелестное для него обвинение, хотя впоследствии он подчиняется царю со следующим обоснованием этого: «Когда я как адмирал спору с вашим величеством по званию флагмана, я никогда не могу уступить, но, коль скоро вы предстаёте царём, я знаю свой долг»“¹⁷. В марте 1714 г. доверенное лицо царя С. Л. Владиславич-Рагузинский сообщал в Царьград (Константинополь, Стамбул) подканцлеру П. П. Шафирову: „... сиятельнейший граф адмирал... ныне во великом кредиту у монаршеской пресветлости пребывает“¹⁸. В дипломе же Петра I Ф. М. Апраксину и его брату Петру на графский титул 1715 г. о роли первого из них сказано: „... он благоразумными поступками и мудрыми советами своими нам и нашему царству во многих делах и случаях великую службу показал“¹⁹.

Изучение исторических материалов летней кампании 1714 г. приводит к заключению, что генерал-адмирал Апраксин согласовывал с Петром I любой важный приказ, а в вопросах, имеющих стратегическое значение, безоговорочно следовал воле царя — корабельного шаутбенахта Петра Михайлова. При этом монарх-флотоводец стремился всеми возможными способами подчеркнуть, что все решения исходят от генерал-адмирала, что он

Медаль в честь Ф. М. Апраксина. 1708 г. Серебро, чеканка

лишь исполняет его приказы. Походный журнал царя 1714 г. пестрит неопределённо-личными фразами: „стали думать“, „послали указ“, „отправляли галеры“, „велено их атаковать“, „взяли резолюцию“ и т.п.²⁰ Крупный знаток эпохи Петра Великого профессор Н. И. Павленко подчёркивал, что „царь никогда не выпячивал своего руководства той или иной операцией, предпочитая скрывать за анонимными местоимениями множественного числа „мы“, „нас“ личный вклад в победу“²¹.

Наконец 20 мая корабельный и галерный флоты выступили от Котлина к Берёзовым островам вблизи Выборга. Корабельному флоту отводилась роль прикрытия галер от возможного нападения на них в открытом море шведского флота. Однако у Берёзовых островов обнаружилось, что дальнейшее продвижение галер на запад невозможно: шхерный фарватер от Выборга к Гельсингфорсу был ещё скован льдом²².

22 мая на генерал-адмиральской полугалере „Св. Наталия“ состоялся военный совет, в котором, помимо Ф. М. Апраксина и Петра I, приняли участие генерал-поручик В. В. Долгоруков и генерал А. А. Вейде. На нём были приняты решения о последующих действиях корабельного и галерного флотов. Корабельному флоту под командой Петра I в качестве ближайшей задачи ставился приход в Ревель. Вступать в сражение с корабельным флотом Швеции допускалось только в случае, если российский флот оказался бы не менее чем на треть сильнее неприятеля по числу одинаково вооружённых кораблей²³. Российские военачальники, таким образом, не считали целесообразным подвергать создаваемый столь большими усилиями

Балтийский флот риску баталии в условиях, когда не было твёрдой уверенности в возможности одержать победу.

Галерному флоту намечалось пройти финскими шхерами к Або, где располагались главные силы Финляндского корпуса генерала М. М. Голицына. После этого галерам следовало идти в Аландские острова и оттуда „на швецкую сторону“, чтобы действовать „на стекгольмском берегу“. Предусматривалось, однако, что неприятельский флот может воспрепятствовать продвижению галер к Або (подразумевались в качестве мест вероятной остановки галер шведами в первую очередь деревня Тверминне на востоке выступа в море полуострова Гангут и мыс Гангут на западной оконечности полуострова). В случае благополучного прохода мимо Гангута галерного флота учитывалась возможность того, что путь к территории Швеции от Аландских островов тоже будет перекрыт галерам шведским корабельным флотом в проливе, отделяющем острова от стокгольмских шхер. При таком развитии событий предполагалось сделать на Аландских островах крепость-базу для русских галер и сухопутных войск и провести вспомогательного значения действия галерным флотом от Васы по северо-западному берегу Ботнического залива, где корабельный флот шведов уже не смог бы помешать переходу через залив российских галер. Если бы галерный флот был остановлен у Гангута, то есть ему был бы закрыт путь к Або и Аландским островам, то Апраксину следовало известить об этом корабельного шаутбенахта Петра Михайлова, который к тому времени должен был прибыть в Ревель²⁴.

Анализируя решение военного совета 22 мая 1714 г., А. З. Мышлаевский пришёл к выводу, что Пётр I допустил тогда просчёт, так как его внимание было „привлечено не в стратегическую важную точку, не к гангутской позиции, а в сторону от неё, к Ревелю...“²⁵ Историк полагал, что вообще действиям российского корабельного флота в 1714 г. изначально отводилась вспомогательная роль флангового прикрытия продвижения в финских шхерах галер²⁶.

По нашему мнению, напротив, Пётр I первоначально мыслил действия галерного флота как вспомогательные. Царь, находившийся всегда там, где, ожидалось, должны были произойти решающие события, ещё сохранял в мае — июне 1714 г. надежду на присоединение к своему флоту в Ревеле датской эскадры и на нанесение совместными усилиями русско-датского флота решительного поражения шведскому корабельному флоту. Только при

таком развитии событий можно было рассчитывать закончить войну в 1714 г. Лишь уничтожение главных сил корабельного флота Швеции в „генеральной баталии“, морской Полтаве, расчистило бы последние препятствия к заключению мирного договора со шведами на условиях Северного союза. Силами одного российского галерного флота в 1714 г. можно было добиться важных успехов, но всё же не имевших своим следствием заключение мира со Швецией. Не лишившись своей последней надежды на оборону с помощью корабельного флота, Швеция могла ещё продолжать войну с Россией и обессиленной Данией.

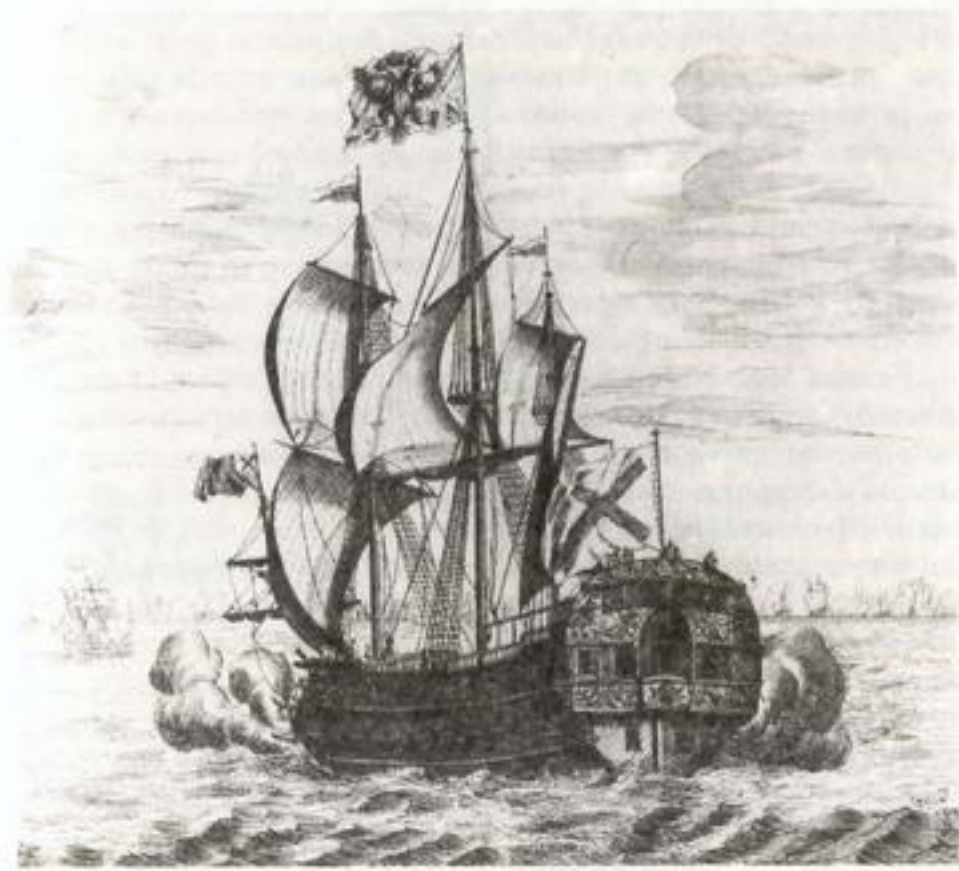
Переговоры с Данией о совместных действиях флотов против шведов продолжались. Полной ясности насчёт того, пришлёт Фредерик IV эскадру к Ревелю или не сможет этого сделать, ещё не было. 31 мая 1714 г. глава внешнеполитического ведомства России канцлер Г. И. Головкин писал П. П. Шафирову из Петербурга: „Его царское величество изволил поход свой от Кроншлота с флотом на море воспринять сего мая 20-го и с караблями и с фрегаты... к Ревелю намерен итти и тамо ожидать, чтоб возможно было случитца з дацким флотом...“²⁷ Головкин там же сообщал, что датское правительство ещё не ответило окончательно на русские предложения и, по имеющимся у него данным, в Дании „флот вооружают с поспешением“²⁸. В тот же день секретари дипломатического ведомства В. В. Степанов и А. И. Остерман также написали П. П. Шафирову, что от короля Дании относительно присылки им эскадры „ещё отповеди не получили“ и поэтому они не могут „знать, резолюетца ли он к случению с своим флотом, что б было гараздо добро, ежели б на то склонился и флот свой случил“²⁹.

„Чувствовалось всеобщее ожидание того, что текущим летом произойдёт что-то чрезвычайное как по причине наказаний, наложенных за упущения двух предшествующих лет, так и вследствие увеличения флота, который усиливался караблями, прибывшими в Ревель, чтобы соединиться с ним, а также решения царя принять командование лично на себя“, — так передавал настроение российских моряков в начале кампании 1714 г. служивший в русском флоте офицер-англичанин³⁰. Обстановка ожидания большого морского сражения флота Петра I со шведским отразилась и в письме секретаря „военных дел“ А. Волкова П. П. Шафирову от 25 июня 1714 г. из Петербурга: „Неприятельской флот, сказывают, что в 16 караблях в море, толко наши ево ещё не видали, но чают с помощью Божию увидетца“³¹.

Вплоть до 31 мая корабельный и галерный флоты стояли вместе у Берёзовых островов. Царь ждал очищения шхерного фарватера ото льда. До этого галеры необходимо было прикрывать от возможного нападения шведского корабельного флота. Требовалось также обеспечить дальнейшее согласованное продвижение на запад обоих флотов, оперативное взаимодействие между ними. Кроме того, важно было получить разведывательные данные о численности и передвижениях корабельного флота Швеции.

К Петру I поступали вынуждавшие к осторожности сведения о крейсировании значительного шведского флота в устье Финского залива и вблизи Ревеля. 16 мая капитан-поручик Н. А. Сенявин доносил царю из Ревеля, что несколькими днями раньше приобретённый для российского флота в Голландии линейный корабль „Перл“ не смог пройти к городу и вынужден был вернуться и зайти в порт города Пернов (Пярну), так как у входа в Ревельский залив были видны 16 боевых неприятельских кораблей³². На следующий день, 17 мая, согласно новому донесению Н. А. Сенявина государю, на ревельский рейд пришли 4 шведских линейных корабля, 3 фрегата и одна шнява. Линейный корабль со шнявой подходили ближе к гавани „для осмотра“, после чего вся эскадра пошла в море³³.

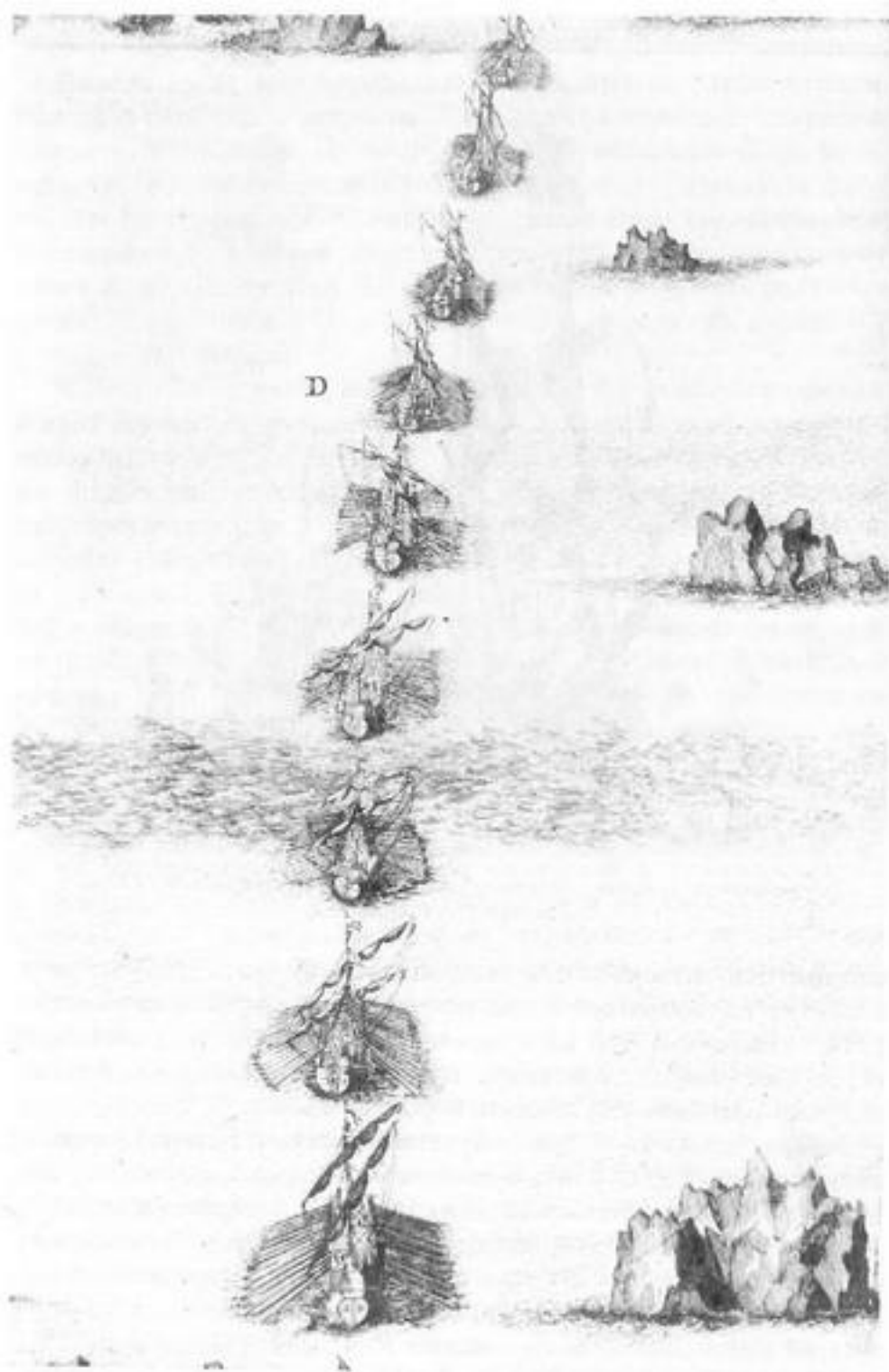
Приближавшимися к гавани Ревеля шведскими кораблями были, по шведским источникам, линейный корабль „Верден“ и бригантина „Гейя“. Шведы заполучили данные, что гавань Ревеля серьёзно укреплена больверками, на них установлены крупнокалиберные орудия. За больверками, по наблюдениям со шведских судов, стояли 4 линейных корабля³⁴ и несколько более мелких судов³⁵. Показателен сделанный по итогам разведки вывод о целесообразности и возможных результатах нападения силами шведского флота на укреплённую по распоряжению Петра I новую („к старому в прибавок“) гавань Ревеля, которую царь заложил 2 февраля 1714 г. в присутствии Ф. М. Апраксина и генерала А. А. Вейде³⁶, имея в виду, что с этого года она должна была стать главной базой для корабельного флота на Балтийском море в период летних кампаний. Адмирал Г. Ватранг писал Карлу XII после оценки состояния вооружённых тяжёлой артиллерией молв гавани: „Ввиду такого преимущества, по-видимому, невозможно напасть на них врасплох и причинить им какой-либо вред, даже если бы у нас имелся брандер...“³⁷ Гавань Ревеля, таким образом, по наблюдениям

54-пушечный корабль „Полтава“ под царским штандартом. 1713 г.
Гравюра П. Пикарта

неприятеля, вполне могла стать надёжной базой и убежищем в случае необходимости для российского флота в кампанию 1714 г. Задача Петра I заключалась в том, чтобы, уклоняясь от опрометчивых действий, собирая разведанные, благополучно привести корабельный флот в Ревель.

Медлительность Петра I обуславливалась в первую очередь неуклонным следованием выработанному стратегическому замыслу кампании. Только 31 мая галерный флот пошёл от Берёзовых островов к освободившимся ото льда шхерам Финляндии, а корабельный флот во главе с царём двинулся на юго-восток к урочищу Гаривалдай (Варивалдай) — возвышенности, покрытой лесом вблизи современного мыса Серая Лошадь на южном берегу Финского залива³⁸. В тот же день флот достиг Гаривалдая, где, как говорится в походных журналах, при неблагоприятных ветрах либо „за тихую погоду“ простоял на яко-

Поход российских галер в финских шхерах. 1714 г. С гравюры П. Пикарты

рях до вечера 4 июня³⁹. Однако погодные условия в сущности не были непреодолимой помехой продвижению флота к Ревелю, ибо, как справедливо заметил А. З. Мышлаевский, они не препятствовали вести напряжённую разведывательную деятельность с помощью рассылки для крейсерских операций различных судов из флота⁴⁰.

К вечеру 5 июня корабельный флот подошёл к острову Гогланд на полпути от Котлина к Ревелю, где снова стал на якоря. У Гогланда флот пребывал ещё несколько дней. Утром 10 июня с задувшим попутным ветром флот вновь пошёл к Ревелю и в ночь на 11 июня бросил якоря у входа в Ревельский залив⁴¹.

Движение на запад корабельного флота шло во взаимодействии с галерами Ф. М. Апраксина. До 4 июня по причине встречных ветров галерный флот продолжал находиться вблизи Берёзовых островов. В последующие дни вплоть до 10 июня корабельный и галерный флоты продвигались фактически параллельно: с галерного флота нередко наблюдали часть или весь шедший к Ревелю корабельный флот, иногда даже различали пушечные выстрелы с кораблей. 11 июня, когда корабельный флот подошёл к Ревелю, галерный прибыл к расположенному на противоположном берегу Финского залива Гельсингфорсу. Во время похода между флотами поддерживался не только зрительный контакт, но и шёл обмен письменными сообщениями⁴².

11 июня 1714 г. корабельному флоту салютовала из орудий не только ревельская крепость, но и 6 находившихся в гавани новых линейных кораблей Балтийского флота: 4 приобретённых в Англии и Голландии и 2 построенных у Архангельска. Купленный 70-пушечный корабль и оба архангелогородской постройки государь осмотрел в тот же день, 3 остальных через день⁴³. Эти 6 линейных кораблей заметно усилили российский флот: после перевооружения артиллерией и доукомплектования личным составом на них было 324 пушки и 2107 чел.

Всего же к 20 июня 1714 г., когда было завершено пополнение команд и перевооружение новых кораблей, на якорях вблизи Ревеля стояли в боевом построении 16 линейных кораблей⁴⁴ (854 пушки, 5623 чел.), 5 32-пушечных фрегатов (160 пуш.; 1000 чел.) и 3 шнявы (56 пуш.; 280 чел.) с общим вооружением 1070 артиллерийских стволов и 6903 чел. экипажей⁴⁵. На следующий день по приходе флота в Ревель Пётр I так заканчивал своё письмо А. Д. Меншикову, имея в виду веро-

ятное боевое столкновение со шведским корабельным флотом: „... дай, Боже, милость свою, пытаться мочно“⁴⁶.

А. З. Мышлаевский, проанализировав поход корабельного флота к Ревелю в мае — первой декаде июня 1714 г., пришёл к заключению, что „столь значительные морские силы“, сосредоточившиеся у Ревеля, не могли существенно повлиять на ход кампании. Изучение источников подвело его к выводу, что „маневрирование исполнялось неумело, суда теряли дистанцию и равнение“, которые являлись главными условиями для правильного построения в боевой порядок⁴⁷. Учёный полагал, что к тому времени, когда корабельному флоту была отведена серьёзная наступательная роль, „у нас были корабли, но не было моряков“ и „флот в этот период своего развития представлял собою то же, чем была сухопутная армия в 1701–1704 гг.: была отчасти дисциплинированная масса, но не было выучки, спайки частей, внутреннего духа“. Именно поэтому, считал А. З. Мышлаевский, в 1714 г. корабельный флот „слишком жался к Ревельскому порту“ и не принял участия в боевых действиях у Гангута⁴⁸.

По нашему убеждению, А. З. Мышлаевский сгустил краски. Пётр I, прибыв к Ревелю после 23-дневного морского похода, был иного мнения о боеготовности корабельного флота, считая, как выше было сказано, что „пытаться мочно“. Действительно, 6 июня 1714 г., когда флот стоял у Гогланда, шаутбенахт Пётр Михайлов отдал приказ командирам кораблей строго держать строй линии баталии — кильватерной колонны линейных кораблей под угрозой вычета месячного оклада жалованья за каждый случай нарушения, следить, чтобы промежутки между кораблями были одинаковые и не слишком большие либо, наоборот, маленькие. Причиной для приказа послужило то, что командиры кораблей в „другой уже раз“ не выполняли этих требований⁴⁹. Однако двум вызвавшим недовольство Петра I казусам с нарушением дистанции между кораблями в условиях похода в линии баталии не следует придавать преувеличенного значения. В приказе корабельного шаутбенахта Петра Михайлова от 6 июня 1714 г., по нашему мнению, в первую очередь отразилась его высокая требовательность к подчинённым.

Степень боеготовности российского корабельного флота в некоторой степени проявилась в его действиях против эскадры из 6 линейных кораблей под командованием вице-адмирала Э. Ю. Лиллье 18 июня 1714 г. в Ревельском заливе. А. З. Мыш-

Флагманский корабль Петра I в 1714 г. „Св. Екатерина“. С гравюры П. Пикарта 1716 г.

лаевский на основании изучения этого эпизода сделал относительно корабельного флота Петра I такой вывод: „масса судов и пушек была, но корабельный флот как боевая технически и тактически подготовленная сила всё ещё отсутствовал“⁵⁰.

Есть ли основания для столь однозначного заключения?

В шестом часу вечера 17 июня размещавшиеся на башне городского собора Ревеля наблюдатели сообщили, что к городу приближается неприятельская эскадра из 6 кораблей⁵¹. Шаутбенахт Пётр Михайлов немедленно отдал при-

казание В. Шельтинге сниматься с якорей, чтобы вступить с противником в сражение⁵².

Обстоятельства не благоприятствовали скорому выходу флота в море. Корабли находились за стенами гавани, было полное безветрие. Главное же заключалось в том, что после того как 14 июня у одного из моряков на корабле „Св. Екатерина“ нашли признаки моровой язвы, экипажи всех кораблей почти целиком вывезли на берег (оставив на них приблизительно по 30 матросов и 50 солдат) в целях предосторожности от возникновения эпидемии. Корабли чистили и окуривали дымом, а личный состав через день, согласно предписанию, должен был проходить медицинский осмотр. Перевооружение новоприбывших кораблей и их обеспечение экипажами также ещё не было завершено⁵³.

Тем не менее во 2-м часу ночи 18 июня выведенный из гавани при помощи буксировки скампавеями и укомплектованный личным составом корабельный флот при тихом ветре выступил навстречу шведской эскадре, подошедшей к Ревелю на расстояние около 10 вёрст. На рассвете шведы заметили выход из гавани русского флота и начали отступление. Погоня за эскадрой Лиллье продолжалась при слабом ветре около 16 часов, до 6-го часа дня⁵⁴.

Как свидетельствует участник преследования шведской эскадры, офицер российского флота Д. Ден, в погоне были за-

действованы 11 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шнявы, 7 галер и 9 бригантин. Четыре линейных корабля пришлось оставить в гавани „за недостатком офицеров и команд“⁵⁵. По наблюдениям Э. Ю. Лиллье, 18 июня в Ревельском заливе его эскадру преследовали 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 7-8 скамповей россиян⁵⁶.

Д. Ден вспоминал: „В 5 часов вечера около семи российских кораблей и два фрегата настолько приблизились, что со следующим галсом или через три четверти часа времени им предстояло непременно завести дело со сзади идущим кораблём“⁵⁷. Однако в этот решительный момент со шнявы „Принцесса“, на которой находился штурман Пётр Михайлов, был подан сигнал закончить преследование шведов и возвращаться к Ревелю. Причина прекращения русским флотом погони за эскадрой Лиллье названа в шканечном журнале корабля „Св. Екатерина“. Когда флоты стали приближаться к выходу из залива в открытое море, впереди на острове Нарген (Найссаар) был замечен дым, который мог означать сигнал о подходе к заливу со стороны моря главных сил шведского флота. В начале 6-го часа дня погоня была остановлена, и к утру следующего дня флот возвратился к Ревелю⁵⁸.

По свидетельству Я. С. Барша, служившего тогда капитан-поручиком на преследовавшем шведов линейном корабле „Архангел Рафаил“, в момент завершения погони шедшие в линии баталии российские корабли уже сумели выиграть ветер у шведской эскадры и стали на неё спускаться с целью атаки. После же возвращения кораблей к Ревелю, как писал Я. С. Барш, „во флоте зделалось великое ото всех роптание, что упустили неприятеля“⁵⁹.

Итак, вышеприведённый материал не подтверждает высказанных А. З. Мышлаевским резких характеристик боеготовности Балтийского флота Петра I. Российские моряки, во-первых, в сложившейся непростой обстановке сумели нагнать неприятеля, сохраняя боевое построение, и, во-вторых, горели желанием вступить с ним в бой и захватить в плен. Шведы, ухотившие от преследования 18 июня 1714 г., позднее говорили о недостатках на кораблях эскадры Лиллье. Например, на 66-пушечном корабле „Вестманланд“, как рассказывали служившие на нём, „людей...недовольно было, и ежели б началось дело, то б и из пушек некоторых стрелять было некому“⁶⁰.

Д. Ден писал, что после того как корабельный флот был выведен 17-18 июня для преследования шведской эскадры

Лиллье из гавани, он оставался в Ревельском заливе, где шло совершенствование его боеготовности: „ежедневно упражняя...людей“⁶¹. Царь продолжал надеяться на присоединение датской эскадры. Когда Фредерик IV написал Петру I, что принял решение воздержаться от отправления части своего флота к Ревелю, в ответном послании от 30 июня царь заявил, что такими действиями невозможно „неприятеля к миру склонить“, наоборот, „он, получа себе таким образом время к отдохновению, паче от того отдалён будет“, и по-прежнему убеждал короля прислать по крайней мере 5-7 линейных кораблей⁶².

Опытный дипломат Б. И. Куракин в письме из Гааги в Константинополь П. П. Шафирову от 25 июня 1714 г. давал глубокий анализ положения на театре военных действий. Он извещал, что король Дании в эту кампанию не желает предпринимать никаких наступательных действий ни на суше, ни на море, поэтому все силы Швеции обращены против российских войск и флота. Куракин откровенно сообщал Шафирову, что сомневается, что российский корабельный флот без содействия датчан в состоянии нанести заметный урон неприятельскому флоту, и подытоживал с разочарованием: „По состоянию всех дел, как можно видеть здесь, не чаю, чтобы сия кампания нам много плода принесла“⁶³. Спустя примерно месяц, 20 июля, Куракин снова писал подканцлеру Шафирову о том же: „... откровенно доношу... по всем письмам из Швеции, что шведы сильны на море... и не чаю, чтобы нынешняго лета как с одной, так и с другой стороны в действиях военных что знатного могло учиниться как сухим путём, так и морем“⁶⁴.

Отвечая на упреки Петра I в послании от 30 июня 1714 г., Фредерик IV 10 августа обращал внимание царя на то, что вооружение датского флота остановилось против его воли из-за полного опустошения казны, что посылать 6-7 кораблей к Ревелю он находит опасным, поскольку в Финском заливе действует сильный шведский флот и в случае пленения этой эскадры сама Дания окажется незащитной перед возможным нападением неприятельского флота⁶⁵.

Галерный флот после прибытия 11 июня к Гельсингфорсу продолжал оставаться там до 20 июня. Производилась разгрузка провианта с транспортных судов, загружался балласт, исправлялись повреждения галер. 21 июня он опять двинулся в поход. К вечеру 24 июня галеры Апраксина вошли в залив у Пой-кирки — места в глубине шхер, от которого начинается

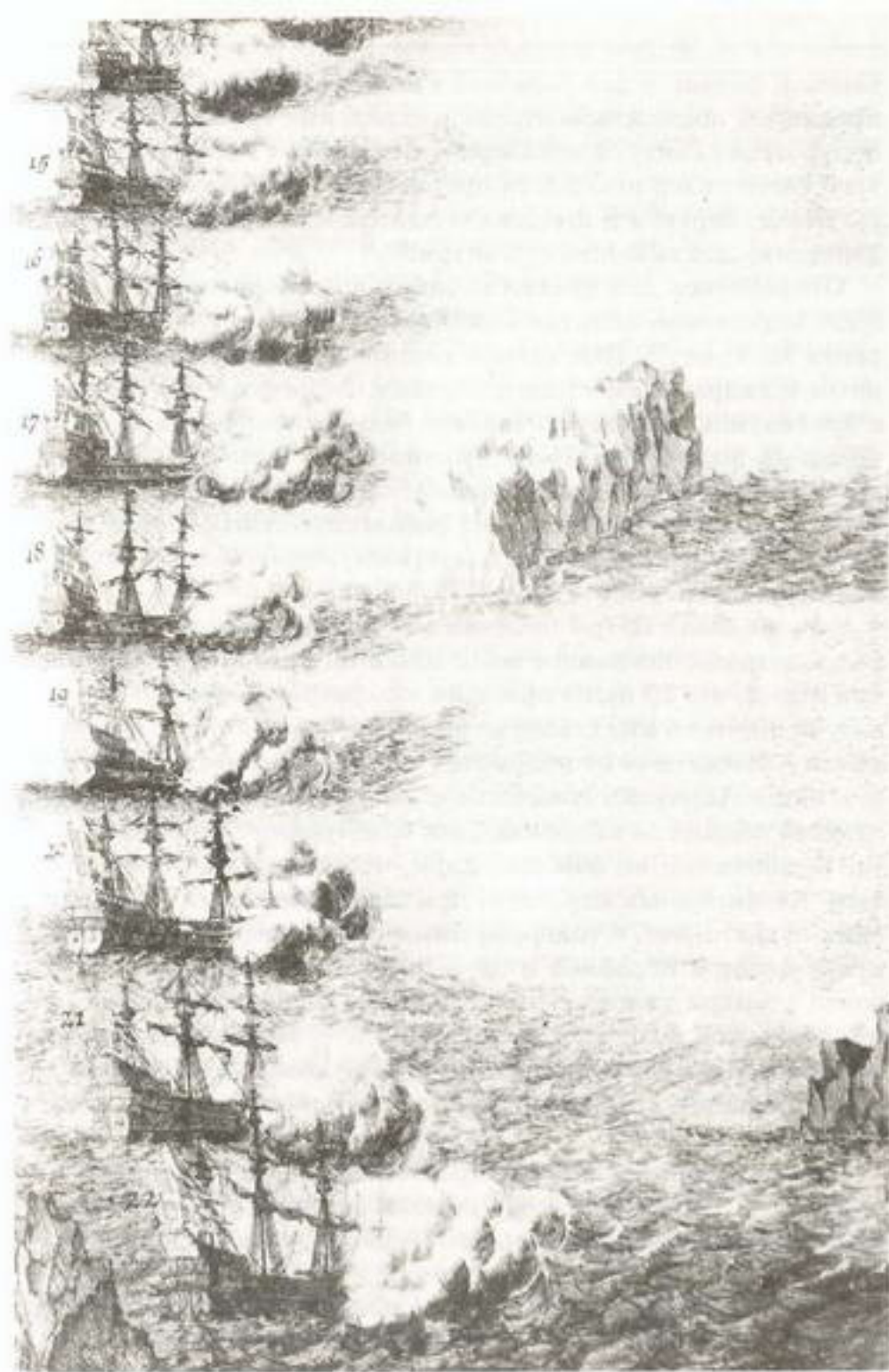
выступ в море полуострова Гангут. Началась выгрузка провианта для Финляндского корпуса М. М. Голицына со вспомогательных судов⁶⁶. На следующий день генерал-адмирал отправил на бригантине донесение царю, в котором, ссылаясь на показания 2 перебежчиков, матросов с флагманского корабля адмирала Г. Ватранга⁶⁷, писал о слабом состоянии неприятельского флота, стоявшего у Гангута, и просил шаутбенахта силами корабельного флота от Ревеля „учинить неприятельскому флоту диверсию“. Без отвлекающих действий

Г. Ватранг. Худ. Д. К. Эренштраль

корабельного флота во главе с шаутбенахтом Петром Михайловым, как полагал генерал-адмирал, возможность прорыва галер к Або мимо шведского флота, располагавшегося на расстоянии пушечного выстрела от побережья полуострова Гангут, была более чем сомнительна. Апраксин даже предлагал царю, если нельзя будет пробиться мимо неприятельского флота у Гангута, указать ему построить у Пой-кирки крепость и зазимовать со всем галерным флотом под её защитой⁶⁸.

Пётр I получил это донесение Апраксина 27 июня в Ревеле⁶⁹. 28 июня был собран военный совет для обсуждения предложения генерал-адмирала о „диверсии“ корабельным флотом. Было принято решение, что „диверсия“ непосредственно к расположению шведского флота у Гангута нежелательна, ибо если „далеко быть, то ничего не сделать, а ежели подойти, то без лоцманов отнюдь учинить нельзя“⁷⁰. Ввиду этого определили отправить из Ревеля штурманов, которые бы выявили фарватер для корабельного флота через финские шхеры, но не прямо к Гангуту, а из шхерного района восточнее Пой-кирки. Оттуда намечалось продвигаться вдоль берега на запад, соединиться с галерами и при слабом ветре или в полное безветрие с помощью буксировки атаковать флот противника и, если не удастся большего, „выбить с того места“ флот Ватранга, занять позицию у Гангута, после чего галерам „дорога всюду откроется“. Если

Шведский корабельный флот на позиции у Гангута.
С гравюры П. Пикарта 1714 г.

таковой фарватер для кораблей в шхерах не будет найден, царь предлагал попытаться отогнать шведские корабли от берега полуострова Гангут артиллерийским огнём с побережья, после чего части галерного флота прорваться в Або-Аландские шхеры между берегом и шведским флотом или предпринять иные действия, „по тамошнему смотря“⁷¹.

Отправиться для поиска корабельного фарватера в шхерах было определено капитан-командору П. Сиверсу и капитану 3 ранга М. Грису⁷². Как только установился попутный ветер, 4 июля эскадра из линейного корабля, 2 фрегатов, 2 скамповей и бригантини пошла от Ревеля к Гельсингфорсу. На судах находились шаутбенахт Пётр Михайлов и штурманы для промеров пути для корабельного флота. Однако на подходе к Гельсингфорсу ветер изменился на неблагоприятный и стал „быть зело жесток“, после чего эскадра вынуждена была к вечеру 5 июля возвратиться к Ревелю⁷³.

5-го же июля Пётр I получил в Ревеле новое донесение генерал-адмирала, посланное им 2 июля на бригантине⁷⁴. Апраксин писал, что 29 июня прибыл с галерами к деревне Тверминне у восточного выступа в море полуострова Гангут и остановился в безопасном от неприятельского флота месте⁷⁵. 30 июня и 1 июля Апраксин совместно с Вейде и другими военачальниками ходили на шлюпках „для осмотра“ шведского флота. В донесении он извещал царя, что у Гангута стоят „в линию“ 15 линейных кораблей, при них находятся 2 бомбардирских судна, прам, 8 галер, за ними провиантские суда; в море крейсируют 5 кораблей и одна шнява. Генерал-адмирал требовал от царя указа: „... ежели будет способной случай, неприятельской флот нам проходить ли?“⁷⁶ И снова Апраксин в нерешительности испрашивал у царя указа, где зимовать галерному флоту, если прорыв мимо шведского флота у Гангута будет невозможен⁷⁷.

Своему подчинённому адмиралтейскому советнику А. В. Кикину Ф. М. Апраксин через несколько дней, 7 июля⁷⁸, писал едва ли не в растерянности, что поскольку „флот неприятельской положил линию самым нашим курсом“, то его никаким способом нельзя миновать, если только „в самую тихую погоду большим морем, отчаяв своё спасение, обойти“⁷⁹, то есть пройти мористее расположения шведских кораблей, растянутых главным образом вдоль берега полуострова Гангут на плёсе, как раз вдоль галерного фарватера.

Генерал-адмирал упоминал, что вскоре пришлёт чертёж расположения шведского флота у Гангута, который он приказал сделать⁸⁰. Рукописная карта, составленная, надо полагать, в ближайшие после 7 июля 1714 г. дни, с изображением всего театра военных действий приблизительно от Або до Ревеля имеется среди бумаг Кабинета Петра Великого⁸¹. Легенда карты под заголовком: „У Гангуда по осмотру стоят судов“ — содержит такие сведения о шведском флоте: „15 кораблей, 2 бомбардирских, 1 прам, 2 шнявы, 6 скамповей и несколько шкутов. Видно в море 6 крейцеров“. На карте у деревни Тверминне имеется пометка: „Мы стоим“ — место расположения русского гребно-парусного флота. Вдоль берега полуострова Гангут с востока на запад цифрами 4, 1, потом 3 помечены места стоянки 8 линейных кораблей шведов. Рядом с ними на Гангутском плёсе находились 6 „скамповей“ и 2 шнявы шведов. Напротив самого мыса Гангут стояли 7 линейных кораблей, прам и 2 бомбардирских судна. Мористее были 6 крейсеров.

В названном письме А. В. Кикину, как и в отправленном в тот же день письме князю И. Б. Львову, генерал-адмирал высказывался, что наилучшим вариантом в сложившемся положении было бы нападение российского корабельного флота от Ревеля на шведский у Гангута, так как шведский флот ненамного превосходит русский по числу линейных кораблей и в недостаточной степени укомплектован командами. При таком развитии событий, считал Апраксин, российские корабельный и галерный флоты совместными действиями могли бы разгромить шведский флот у Гангута⁸².

Такой план действий Апраксин отстаивал и в донесении царю от 14 июля 1714 г., добавляя, что если „возможно призвать датчан хотя б не за малые деньги, то б истинно флот неприятельской весьма пропасть мог“⁸³.

12 июля капитан-командор П. Сиверс был послан с инженером И.-Л. Люберасом и несколькими штурманами от острова Нарген при выходе из Ревельского залива, где стоял флот, с эскадрой в составе фрегата „Св.Павел“, шнявы „Наталья“ и 2 бригантин к Гельсингфорсу⁸⁴, и 14 июля посланные прибыли к галерному флоту у Тверминне. На следующий же день Ф. М. Апраксин отправил их, согласно распоряжению Петра I, искать проход в шхерах для корабельного флота⁸⁵.

Сам же царь явно медлил и, послав к генерал-адмиралу Сиверса, якобы „за противным ветром“ вернулся от Наргена с

Чертеж театра военных действий с обозначением расположения шведского флота у Гангута. Ок. 7 июля 1714 г. РГАДА (Кабинет Петра Великого)

корабельным флотом к Ревелю. 13 и 14 июля царь осматривал залив Рогервик к западу от Ревеля, промеривал глубины⁸⁶. Позднее там Пётр I заложил военную гавань для Балтийского флота (Балтийский порт; ныне Палдиски). Лишь утром 18 июля, так и не дождавшись прибытия эскадры датского флота, получив донесение генерал-адмирала от 14 июля, царь на фрегате „Св. Павел“ в сопровождении 6 линейных кораблей и шнявы отправился к противоположному берегу Финского залива. В тот же день по приближении к шхерам Пётр I пересел на скампавею, корабли же были отпущены обратно к Ревелю⁸⁷.

Оставляя корабельный флот у Ревеля, шаутбенахт Пётр Михайлов передал командование флотом капитан-командору В. Шельтинге. В случае неприятельского нападения он приказал „всякой доброй отпор чинить“ и, если противник снова, как 17–18 июня 1714 г., появится с малыми силами, то атаковать его самому⁸⁸.

Канцлер Г. И. Головкин, осведомлённый о возможных вариантах действий Петра I, 1 августа 1714 г. писал из Петербурга подканцлеру П. П. Шафирову и послу в Константинополе М. Б. Шереметеву, что 20 июля монарх прибыл в галерный флот, стоявший у Гангута. Головкин ожидал известий, что царь по ознакомлении с ситуацией либо пожелает возвратиться к корабельному флоту в Ревель, либо даст приказ корабельному флоту прийти „в случае“ к галерному, либо будет действовать на месте силами одного галерного флота. Конец письма был следующий: „... и какия действия будут чинитца, вскоре время покажет. Дай, Боже, счастье“⁸⁹. Канцлер ещё не знал, что „счастье“ было к тому времени получено: прорыв русского флота и пленение шведской эскадры из 9 судов уже совершились.

Прибытие 20 июля Петра I в расположение галерного флота сразу же активизировало военные действия у Гангута. 21 июля государь вместе с другими военачальниками ходил на шлюпках „для осмотра неприятельского флота“. Ночью для наблюдения за флотом адмирала Г. Ватранга „за один остров“ был выдвинут сторожевой отряд из 15 галер. На следующий день, 22 июля, Пётр I с той же целью ездил к мысу Гангут по берегу⁹⁰.

Итак, Пётр I на месте ознакомился с расположением, численностью и составом шведского флота у Гангута. По записи в походном журнале царя за 22 июля, там находились 13 линейных кораблей, 4 фрегата, прам („блокгоус“), 2 бомбардирских галиота, 2 шнявы, 6 больших и малых галер, 3 судна

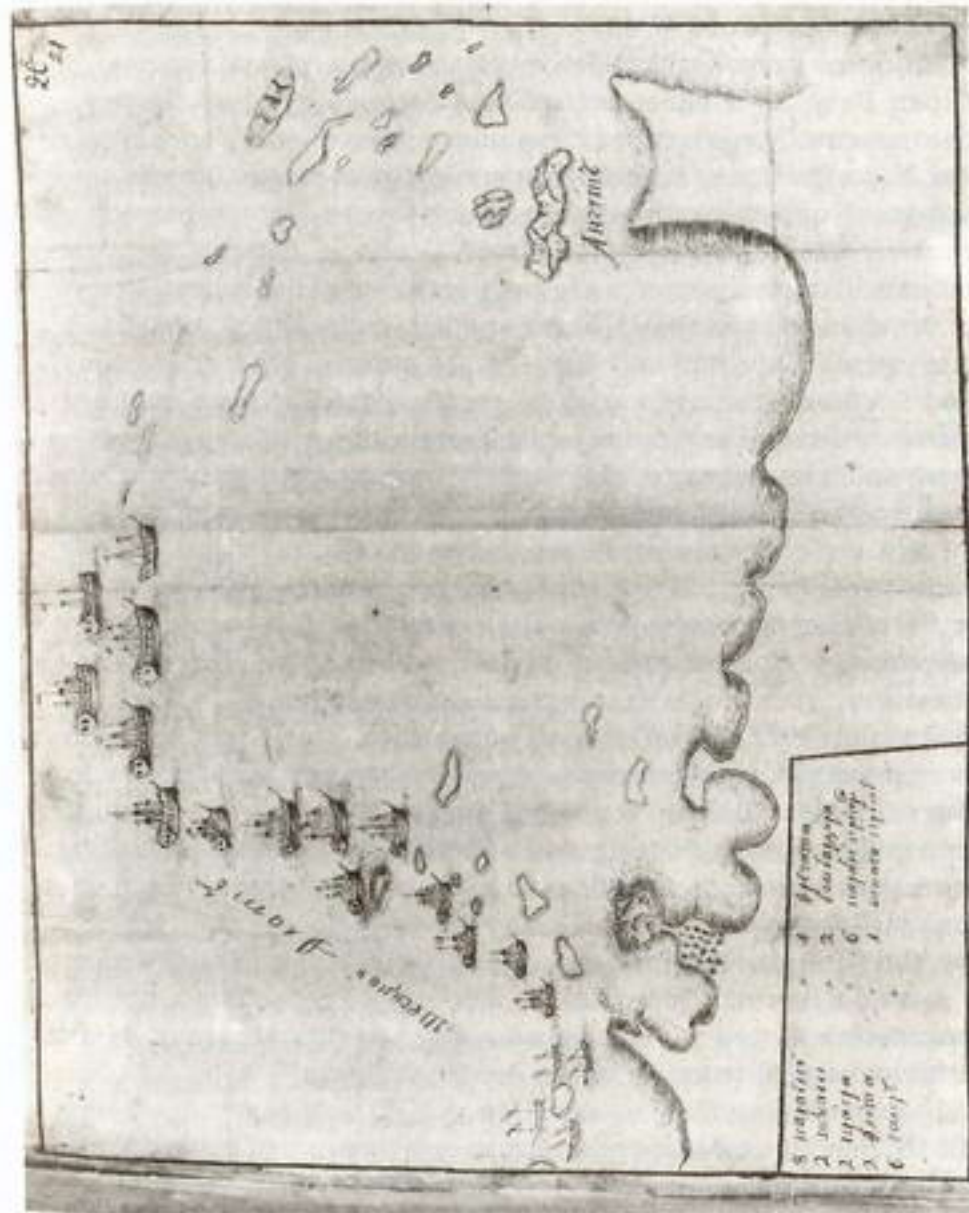
наподобие русских бригантин. Командовали шведским флотом 4 флагмана: адмирал, вице-адмирал и 2 шаутбенахта. Далеко в море виднелись 6 крейсировавших кораблей⁹¹.

Полным хозяином положения, казалось, был шведский флот; россияне же вынуждались к бездействию перед сильной позицией шведов. В сложившейся обстановке нужны были неординарные решения. Выход был найден в устройстве в самом узком месте полуострова Гангут переволоки. Лишённый возможности миновать шведский флот морем, Пётр I решил обойти его по суше.

В походном журнале генерал-адмирала сообщается, что 23 июля „ездили для осмотра того места, где можно перетаскивать суды“⁹². Измеренная длина перешейка, намеченного для строительства волока, составляла 1170 трехаршинных сажней (2527 м). К вечеру того же дня на место постройки были посланы по 100 человек от каждого пехотного полка и по 50 от каждого батальона гвардейских полков⁹³.

Отданный 23 июля Ф. М. Апраксиным приказ предусматривал устройство бревенчатого помоста, в основании которого были бы 4 линии уложенных параллельно брёвен-лежней. Поперёк лежней следовало уложить настил из брёвен, по которому предполагалось тянуть скампаваи. Брёвна должны были быть длиной 9,5 аршин (6,8 м), толщиной „в отрубе“ в пядь (18 см) „или малым больше и меньше“. Волок по всей протяженности был разделён на 3 участка примерно по 400 сажней: первый сооружался усилиями эскадры авангарда, средний — кордебаталии, последний — солдатами эскадры арьергарда. Офицеры галерного флота должны были показать, как изготовить особые сани „на две скампаваи“ каждые для перетаскивания судов по бревенчатому накатнику-помосту. Работы планировалось провести скрытно, „дабы неприятель не мог ведать, что у нас делают“, для чего приказывалось жителей деревни Тверминне переписать поимённо, запретить им выходить из деревни, установить с этой целью караульные посты⁹⁴.

По устроенному таким образом волоку россияне не намеревались перетягивать весь галерный флот. Цель предприятия названа в походном журнале царя: „.... велено мост делать, дабы несколько лёгких галер перетащить и пропустить для действ и тем неприятеля привести в комфузию, чтоб удержать неприятель никак не мог“⁹⁵. Переташенные в лежащий к западу от волока залив Норр-фьёрден скампаваи должны были, таким

Чертеж расположения шведских кораблей у Гангута, 1714 г., июль, РГАДА (Кабинет Петра Великого)

образом, привести в замешательство противника, подтолкнуть его к действиям, которые бы ослабили позицию шведского флота у Гангута, создали условия для прорыва морем главных сил русского галерного флота.

Замысел устройства переволоки оправдал себя полностью. Адмирал Ватранг и ранее испытывал беспокойство по поводу существования узкого перешейка полуострова Гангут между заливом Халл-фьёрден, лежащим к северу от деревни Тверминне, и заливом Норр-фьёрден западнее полуострова. Этот перешеек так и именовался по-шведски „драгет“ — волок, переволока. Местные жители использовали его для кратчайшей переправы по суше мелких судов волоком. Едва прибыв с эскадрой кораблей к Гангуту из Карлсруны, Ватранг 27 апреля 1714 г. созвал военный совет, на котором единогласно было решено перейти с флотом от мыса Гангут к деревне Тверминне, где было бы удобнее вести наблюдение за переволокой⁹⁶. В тот же день адмирал „разъезжал по островам“, знакомясь с условиями для стоянки флота у Тверминне. Он посчитал это место подходящим для расположения там флота, с тем чтобы не пропустить русские галеры морем и одновременно чтобы, как записано в морском журнале Ватранга, „так называемый драгет к востоку от Тверминне не оказался... пагубным“ для исхода всей операции⁹⁷.

Однако на следующий день после того, как 4 мая шведский флот перешёл к Тверминне, совет флагманов постановил вернуть флот обратно к мысу Гангут, поскольку, во-первых, плёс у Тверминне был признан слишком тесным, неудобным для входа и выхода корабельного флота, во-вторых, он изобилует множеством островков и утёсов, что затрудняло манёвры кораблей по пресечению возможного прорыва русских галер, особенно в ночных условиях и, в-третьих, переволока при расположении флота у Тверминне всё равно оказывалась на значительном удалении от места стоянки флота⁹⁸.

В послании на имя короля Карла XII, отправленном 2 июля 1714 г., на другой день после прихода галерного флота Апраксина к Тверминне, адмирал Ватранг докладывал, что если противник станет перетаскивать свои галеры или какие-нибудь мелкие суда через переволоку, то он этому ничем не сможет воспрепятствовать, но против прохода русских галер мимо Гангута он предпримет все возможные меры⁹⁹.

19 июля Ватранг отдал приказ капитану А. Сунду с 2 галерами и 2 шхерботами отправиться как можно дальше в шхеры

к северу от мыса Гангут и собрать точные сведения о противнике, который, по полученным адмиралом данным, якобы уже перетаскивал „несколько галер и судов через переволоку“¹⁰⁰. А. Сунд возвратился утром 21 июля с известием, что был вблизи переволоки и крестьяне сообщили ему, что русские не переправляли там никаких судов¹⁰¹.

25 июля на флагманский корабль Ватранга 64-пушечный „Бремен“ явились 4 местных крестьянина о сообщении, что россияне собираются перетаскать свои галеры через сделанную ими переволоку из залива к северу от Тверминне за полуостров Гангут. Крестьяне извещали адмирала, что уже всё подготовлено к перетаскиванию судов и неприятель приступил к осуществлению своего плана.¹⁰²

Это известие поставило Ватранга в затруднительное положение. Необходимо было помешать замыслам россиян, поскольку, как задиктовал шведский адмирал для записи в свой журнал, если бы противнику „удалось переправить свои суда, то он этим самым приобрёл бы господство в шхерах и, следовательно... стоянка здесь ни к чему не послужила бы“¹⁰³. На срочно созванном совете флагманов было единогласно постановлено послать к месту переволоки с западной стороны эскадру из прама „Элефант“, всех имевшихся галер и 2 шхерботов под командованием шхутбенахта Н. Эреншельда, с тем чтобы он произвёл „разведку о намерениях противника“ и постарался воспрепятствовать осуществлению его планов. Вице-адмирала Э. Ю. Лиллье с сильной эскадрой из 8 линейных кораблей, шнявы и 2 бомбардирских судов определили отправить прямо к Тверминне с задачей „сделать неприятелю диверсию или же прогнать его галеры“¹⁰⁴. Эскадра Лиллье вышла в море в полдень 25 июля, вскоре к месту назначения двинулась и флотилия Эреншельда¹⁰⁵.

Командовавшему посланной в шхеры к северу от мыса Гангут шведской эскадрой шхутбенахту Нильсу Эреншельду 11 мая 1714 г. исполнилось 40 лет. Он был природным шведом, родился в тогдашней столице Финляндии Або в 1674 г. Волонтёром он поступил во флот в 1692 г., в подпоручики морской службы был произведён в конце 1694 г., в первые поручики — в 1698 г., в капитаны — 20 марта 1700 г. В возрасте 38 лет Эреншельд получил флагманский чин шхутбенахта.

Выход в море шведской эскадры был немедленно замечен сторожевым отрядом авангарда из 15 российских галер. Бывший на полугалере М. М. Голицына вместе с остальными во-

Н. Эреншельд. Карандашная копия (1843 г.) с несохранившегося портрета. Финляндский национальный музей. Из книги: История шведского флота. Мальмё, 1943. Т. 2

начальниками Пётр I испросил у Ф. М. Апраксина разрешение отправиться с отрядом галер ближе к мысу Гангут для наблюдения за передвижениями шведов. Требовалось выяснить, куда идёт эскадра Лиллье: к Ревелю, где стоял корабельный флот России, или для нападения на находившиеся в заливе у Тверминне российские галеры. Пётр I, обеспокоенный тем, что гребной флот находился „в зело опасном месте“, из которого имелся лишь один выход, который могла запереть эскадра Лиллье, „пред вечером“ с 20 галерами пошёл к островам, где стоял сторожевой отряд, и пробыл там всю ночь для отслеживания движения шведской эскадры¹⁰⁶.

Шведы тоже внимательно наблюдали за действиями рос-

М. М. Голицын. 1710—1720-е гг. Художник неизвестен. ГИМ

сиян. Со слов адмирала Ватранга, в его журнале появилась запись за 25 июля: „К вечеру ветер совершенно затих, причём мы заметили, как масса галер числом около 20 надвигалась с восточной стороны, по которым наши корабли открыли огонь“¹⁰⁷. Следовательно, отряд под командованием корабельного шаутбенахта вечером 25 июля вошёл в непосредственное соприкосновение с оставшимися у Гангута шведскими кораблями адмирала Ватранга.

Прибыв на место, командующий авангардом выяснил, что у Гангута находились теперь только 6 линейных кораблей¹⁰⁸ и 3 фрегата под командованием Ватранга. Остальные шведские корабли двигались в юго-восточном направлении. Налицо было явное ослабление сил шведского флота в ключевом пункте — непосредственно у мыса Гангут. В то же время продолжавшийся поход эскадры Лиллье создавал серьёзную угрозу для оставшихся в заливе у Тверминне 64 полугалер и скампавей — основной части российского вёсельного флота. Об увиденном царь немедленно послал письмо генерал-адмиралу с просьбой прибыть к галерам авангарда „для лутчей обсервации“¹⁰⁹.

В 6-м часу утра 26 июля Ф. М. Апраксин отправился на шлюпке к авангардному отряду. Собственноручное добавление Петра I в его походный журнал сообщает важные сведения: по прибытии генерал-адмирала к передовой эскадре галер стало видно, что эскадра Э. Ю. Лиллье повернула к Тверминне¹¹⁰.

Создавшееся положение делало обязательным принятие быстрых решений. Галерному флоту у Тверминне был послан приказ готовиться к выходу „из узкого места, где стояли, дабы неприятель не запер“. Дальнейшие действия обсуждались на многочисленных военных советах. Помимо Ф. М. Апраксина и Петра I, в них, надо полагать, могли принимать участие находившиеся на галерах передового отряда капитан-командор М. Х. Змаевич, бригадиры М. Я. Волков, П. Б. Лефорт, галерный капитан Я. А. Дежимон, капитан 3 ранга М. Грис и капитан-поручик П. Х. Бредаль. Наконец, „по многих воинских советах“, генерал-адмирал, „видя свободной обход“, отдал приказ 20 галерам под командованием М. Х. Змаевича и М. Я. Волкова, при которых был и П. Х. Бредаль, который, по словам Д. Дена, указывал путь¹¹¹, „объехать неприятельской флот морем“, воспользовавшись установившимся безветрием¹¹².

Прорыв галер начался около 9 часов утра (см. схему 1). По обходившим шведов со стороны моря русским галерам корабли Ватранга повели огонь („зело много стреляли“). Из-за безветрия паруса шведов беспомощно висели, и они стали буксировать свои большие корабли ботами и шлюпками к стремительно продвигавшимся галерам, но, как записано в походном журнале царя, „не вредили их ядры“. В итоге первые 20 галер под командованием М. Х. Змаевича и М. Я. Волкова, не получив повреждений и не имея потерь в людях, „в шхеры щасливо прошли“¹¹³. Г. Ватранг сообщал на следующий день в послании

Подпись М. Х. Змаевича. Из книги: Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов... СПб., 1832. Ч. 2

королю, что противник во время этого обхода для ускорения хода буксировал галеры шлюпками, хотя галеры, как он писал, „и без того хорошо шли на вёслах“¹¹⁴.

Наблюдавшие за успешным проходом первых 20 галер Ф. М. Апраксин и Пётр I почти сразу же послали 15 остальных галер авангарда вслед за отрядом Змаевича и Волкова. Командовавшим вторым отрядом галер П. Б. Лефорту, Я. А. Держимону и М. Грису генерал-адмирал дал приказ: если прорыв окажется невозможен, чтобы они „возвратились паки назад“. Неприятельские корабли снова буксировались к российским галерам, задувший слабый ветер позволил им продвигаться лавирами с помощью парусов.

Подпись М. Я. Волкова. 1714 г. РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

13ten Julii
 1715ten
 In unter foribund Boden
 uns abtorenen das sige
 sime alle mit in die
 Battelle z. wof, sige
 P. B. Lefort, 13ten Julii 1715
 Le Fort

Автограф П. Б. Лефорта на немецком языке. 1715 г. РГАВМФ.
 Фото Н. С. Туркина

Артиллерия Г. Ватранга вела по галерам огонь (“из пушек довольно стреляли”), но все усилия были напрасны. Как сказано в журнале Ф. М. Апраксина, галеры „шли на гребле зело порядочно, и в шхеры вошли, и с первыми случились благополучно“¹¹⁵.

Ослабленная посылкой к Тверминне отряда Э. Ю. Лиллье эскадра Г. Ватранга в условиях штиля или малого ветра не смогла ни воспрепятствовать проходу галер, ни нанести им какой-либо урон. Из посвящённых этому прорыву строк в журнале Ватранга видна полная обескураженность шведского флотоводца таким быстрым и лёгким успехом россиян.

Обратимся к продиктованным шведским адмиралом записям в журнале за 26 июля. Открываются они словами: „Полнейший

Подпись П. Х. Бредала. Из книги: Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов... СПб., 1834. Ч. 3

Расписка М. Гриси в получении медали и золотой цепи за участие в Гангутской баталии. 1715 г. РГАВМФ

штиль". Как только с кораблей шведской эскадры увидели „массу галер числом около 19, идущих от берега между скал в море“, Ватранг дал сигнал поднять якоря большей части своей эскадры — линейным кораблям „Бремен“ (64 пуш.), „Поммерн“ (56 пуш.), „Принц Карл-Фредерик“ (76 пуш.), „Сконе“ (66 пуш.), „Стокгольм“ (56 пуш.) и фрегату „Ревель“ (36 пуш.)¹¹⁶. Несмотря на интенсивную буксировку с помощью шлюпок и ботов, как зафиксировал в своём журнале Г. Ватранг, он „не мог подвергнуть... галеры серьёзному обстрелу“¹¹⁷.

Замешательство Г. Ватранга от бессилия сорвать проход русских галер в шхеры за мыс Гангут видно из его журнала: „Чем ближе ... я со своим кораблём... и другие наши суда подходили к ним, тем дальше они уходили в море и скрывались за острова, проходя мимо нас. Тотчас вслед за ними явилась вторая флотилия галер из 15 штук, которая держалась ещё дальше в море, и, несмотря на то что я и другие корабли стреляли по ним, они всё-таки прошли мимо нас“¹¹⁸. Прорыв мимо эскадры Ватранга всех 35 галер был завершён к полудню¹¹⁹.

Любопытно привести скудные строки воспоминаний офицеров — участников прорыва 26 июля 1714 г. Подпоручик Вологодского полка М. П. Кологривов говорил в 1720 г.: „А как был флот в Финляндии на море при Тверминде, и я был командован от полку на галерах з господином брегадиром Волковым, и проходили швецкой флот и, прошедши швецкия карабли, отоковали швецкия суда — один фрегат и шесть галер, и на штурме оногo фрегата я был“¹²⁰. Офицер Копорского полка, в 1714 г. подпоручик, Ф. Всполской сказал тогда следующее: „... в 714-м году, когда огребали карабелной неприятельской флот, был тогда на галере в команде брегадира Лефорта и фрегад-карабль и галеры отаковали...“¹²¹ Примерно в тех же словах упоминали об этом обходном манёвре и другие его участ-

ники: „... при Ангуте обходили швецкой карабелной флот с брегадиром Лафортом“ (Д. Ф. Сумин, в 1714 г. поручик Копорского полка)¹²²; „в 714-м году июля 26 дня у Ангут-мыса был в первой команде, и прошли швецкой карабелной флот, и был з господином Лефортом при отаке фрегат-карабля и галер швецких“ (Р. М. Ресин, подпоручик Шлиссельбургского полка)¹²³ и т.п.

Вышедшие в шхеры за полуостровом Гангут 35 галер едва не вступили в бой с двигавшейся им навстречу в полумиле от Гангута шхерной флотилией под командованием шаутбенахта Э. Д. Таубе. По словам шведского шаутбенахта, в 12 часов дня 26 июля он услышал стрельбу и вскоре увидел, что русский галерный флот огибает Гангут, следуя „по обычному абосскому фарватеру при лёгком зюйд-остовом ветре“. Юго-восточный ветер был попутным для россиян, и при дальнейшем продвижении вперёд флотилия Таубе была бы окружена и отрезана от моря российскими галерами. Таубе вынужден был тотчас же повернуть свою эскадру на обратный курс, чтобы, как он писал, „не быть взятым“¹²⁴.

Когда Ф. М. Апраксин и Пётр I посылали галеры в обход эскадры шведского адмирала, ими было получено известие, что вблизи того места, где велось сооружение помостов для переволоки скампавей, показалась неприятельская эскадра в составе прама, 6 галер и 2 шхерботов. Поэтому М. Х. Змаевичу тогда же были направлены 2 приказа, чтобы „он трудился оныя суды атаковать и с помощью Божиею чинить над оными воинской промысл“¹²⁵.

Поскольку своевременно Змаевич не получил ни одного из этих приказов, как узнал об этом генерал-адмирал от присланного им с вестями поручика галерного флота А. И. Лихудьева, в тот же день капитан-командору Змаевичу был отправлен с тем же поручиком третий приказ генерал-адмирала, ещё более уточнявший его задачи: „... подтверждаю, изволь трудиться, чтоб оным галерам и праму путь заступить и над оными с общаго с господами брегадиры согласия чинить воинской промысел, как честному командиру надлежит, что будет смотреть сам его царское величество“¹²⁶. В приписке к приказу сообщалось: „Получили ведомость, что оныя суды пошли к вам навстречу, для сего смотрите прилежно“¹²⁷.

После благополучного прохода 35 галер в шхеры за полуостров Гангут оба флотоводца, Ф. М. Апраксин и Пётр I, отправились на шлюпках обратно к Тверминне, прибыв туда в третьем часу дня¹²⁸.

Прорыв третьей части русского галерного флота за Гангут 26 июля 1714 г. резко изменил обстановку. Чтобы не допустить прорыва остальных 64 российских полугалер и скамповей, Ватранг поднял на „Бремне“ белый флаг — сигнал эскадре Лиллье возвращаться для соединения с адмиральской эскадрой. Вследствие безветрия днем 26 июля и в последующую ночь, эскадра Лиллье смогла окончательно подойти лишь „в дневную вахту“ 27 июля. Пытаясь до подхода этих сил исправить положение, шведский адмирал допустил новый просчёт. Вечером 26 июля по его приказанию ещё остававшиеся вблизи мыса Гангут корабли его эскадры были отбуксированы мористее. Ватранг обосновывал своё решение опасением того, чтобы „они в штиль не были захвачены неприятелем врасплох“ и атакованы им, тем более что главные силы эскадры, как он полагал, в этом случае не смогли бы им ничем помочь¹²⁹. Последовавшие вскоре действия россиян показали опрометчивость такого приказа. Ватранг оголил достаточное для прохода российских гребных судов пространство близ побережья. Боязнь же того, что эти корабли будут захвачены русскими также была преувеличенной. Как показали происшедшие на рассвете 27 июля события, бой россиян с этими кораблями с целью их пленения даже в условиях полного безветрия был нереален, вследствие близости главных сил корабельного шведского флота.

По возвращении в Тверминне корабельный шаутбенахт, как сказано в журнале Апраксина, „ничего медля, поехал для осмотра неприятельских судов“, появившихся с западной стороны переволоки. Генерал-адмирал же стал готовить к походу главные силы галерного флота. Поздно вечером 26 июля, записано в журнале Апраксина, „генерал-адмирал положил, чтоб со всем гребным флотом пробиваться сквозь неприятеля“¹³⁰.

Неужели Пётр I не принял участия в выработке этого принципиального решения?

Ответ на этот важный для выяснения роли царя в гангутской операции вопрос содержится в одном из вариантов походного журнала Петра I: „... понеже генерал-адмирал с шаубенахтом корабельным... между собой были не в ближнем разстоянии, а наипаче разлучила их темнота ночная, того ради в тою ночь против 27-го числа июля между помянутыми флагманами была пересылка чрез тайного кабинет-секретаря Макарова, и по той пересылке положено с галерным флотом пробиваться сквозь неприятеля“¹³¹. Из этого следует, что решение о прорыве главных

А. В. Макаров. С портрета неизвестного художника

сил галерного флота Пётр I и Ф. М. Апраксин принимали совместно.

Поздно вечером, когда уже темнело, на „Св. Наталье“ с выстрелом из пушки был дан сигнал похода, после которого все ещё остававшиеся у Тверминне полугалеры и скамповей в строю кильватерной колонны, одна за другою двинулись вдоль берега полуострова Гангут и к полуночи прибыли к острову, на котором размещался последний перед неприятельским флотом наблюдательный пост. Апраксин был готов предпринять ночной прорыв, но его пришлось отменить, поскольку „была весьма

ночь темна“ и нельзя было разглядеть, как расположились шведские корабли в связи с движением эскадры Лиллье. Осуществление прорыва было отложено до наступления утра. Ночью Апраксин получил донесение капитан-командора Змаевича, что „он неприятельския суды атаковал и уйти не могут“¹³². О характере действий М. Х. Змаевича удачно написал А. Я. Гловов: „... капитан-командор М. Х. Змаевич приблизился к... эскадре контр-адмирала Ереншильда, производил фальшивую на него атаку и между тем старался окружить его своими судами и привести чрез то сей швецкой отряд в блокаду, что наконец исполнил с желаемым успехом“¹³³.

Для того чтобы решить, „каким образом удобнее неприятельской флот обойти“, в третьем часу ночи на полугалеру Апраксина были призваны генералы А. А. Вейде и М. М. Голицын. Состоялся военный совет, на котором постановили двигаться между неприятельским флотом и берегом, так как прежним путём, обходя шведов мористее, идти было уже невозможно: туда сдвинулись корабли эскадры Ватранга и подходила эскадра Лиллье¹³⁴.

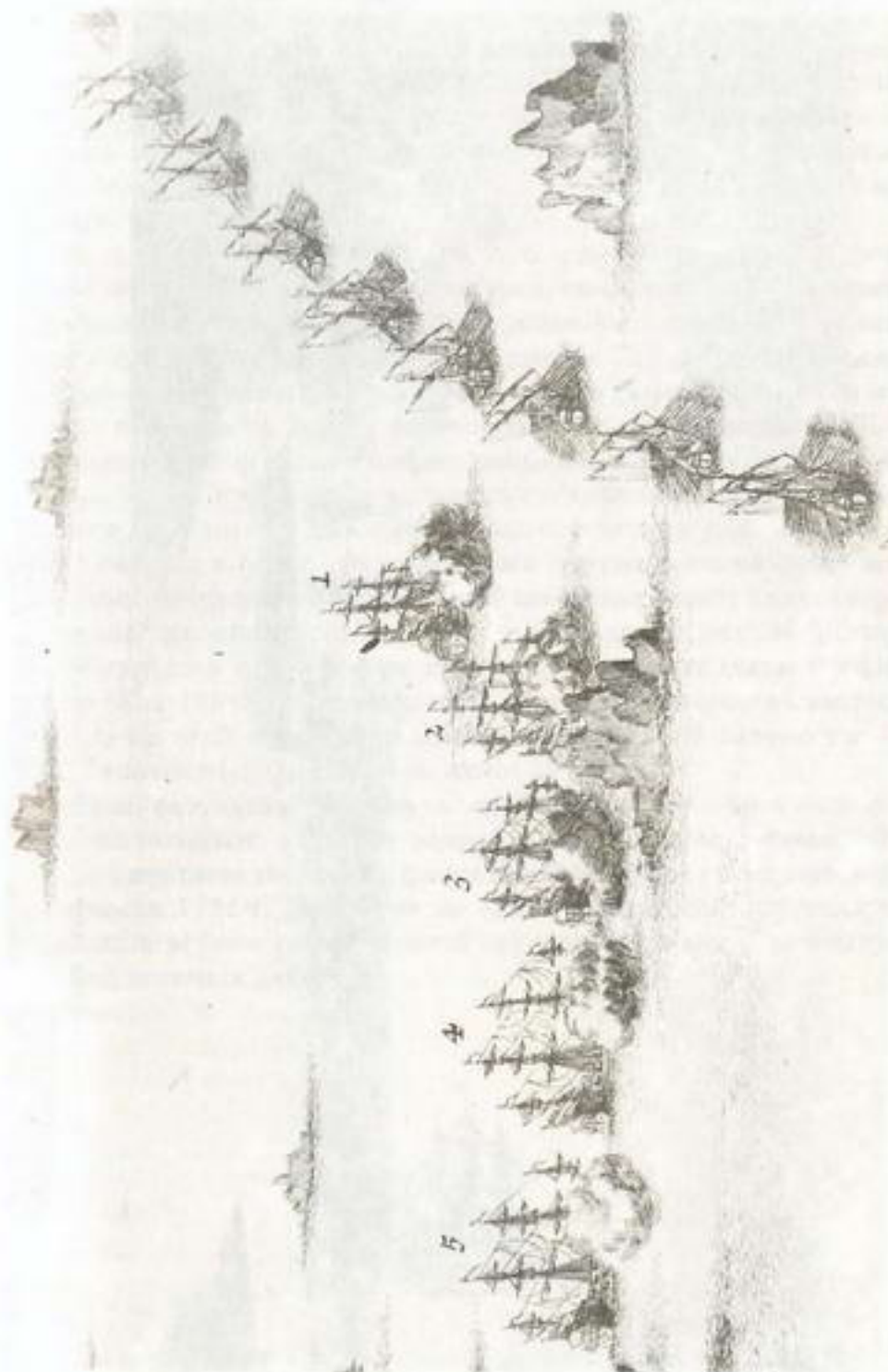
В 4-м часу утра российские гребные суда пошли на прорыв в том же походном порядке — одно следом за другим. Во главе вновь образованных из ещё находившихся к востоку от мыса Гангут галер трёх эскадр шёл с авангардом А. А. Вейде, затем

с кордебатальей Ф. М. Апраксин, замыкал цепь идущих на прорыв полугалер и скампавей генерал М. М. Голицын с эскадрой арьергарда. Шведские корабли по сигналу адмирала стремились под всеми парусами и с помощью буксировки подойти к месту прорыва. Однако было полное безветрие и лишь иногда с севера дул совсем не попутный шведам слабый ветерок. Бывшие несколько ближе к берегу 3 шведских корабля сумели путём буксировки ботами и шлюпками подойти на достаточное для ведения артиллерийского огня расстояние и, как отмечено в журнале Апраксина, „приблизясь, надмеру стреляли из пушек жестоко“. Россияне насчитали более 250 выстрелов¹³⁵. Д. Ден писал, что шведы „напрасно силились помешать им (галерам. — П. К.) пройти, так как, благодаря малым размерам и быстрой их хода, пущенные наудачу выстрелы мало оказывали действия“¹³⁶.

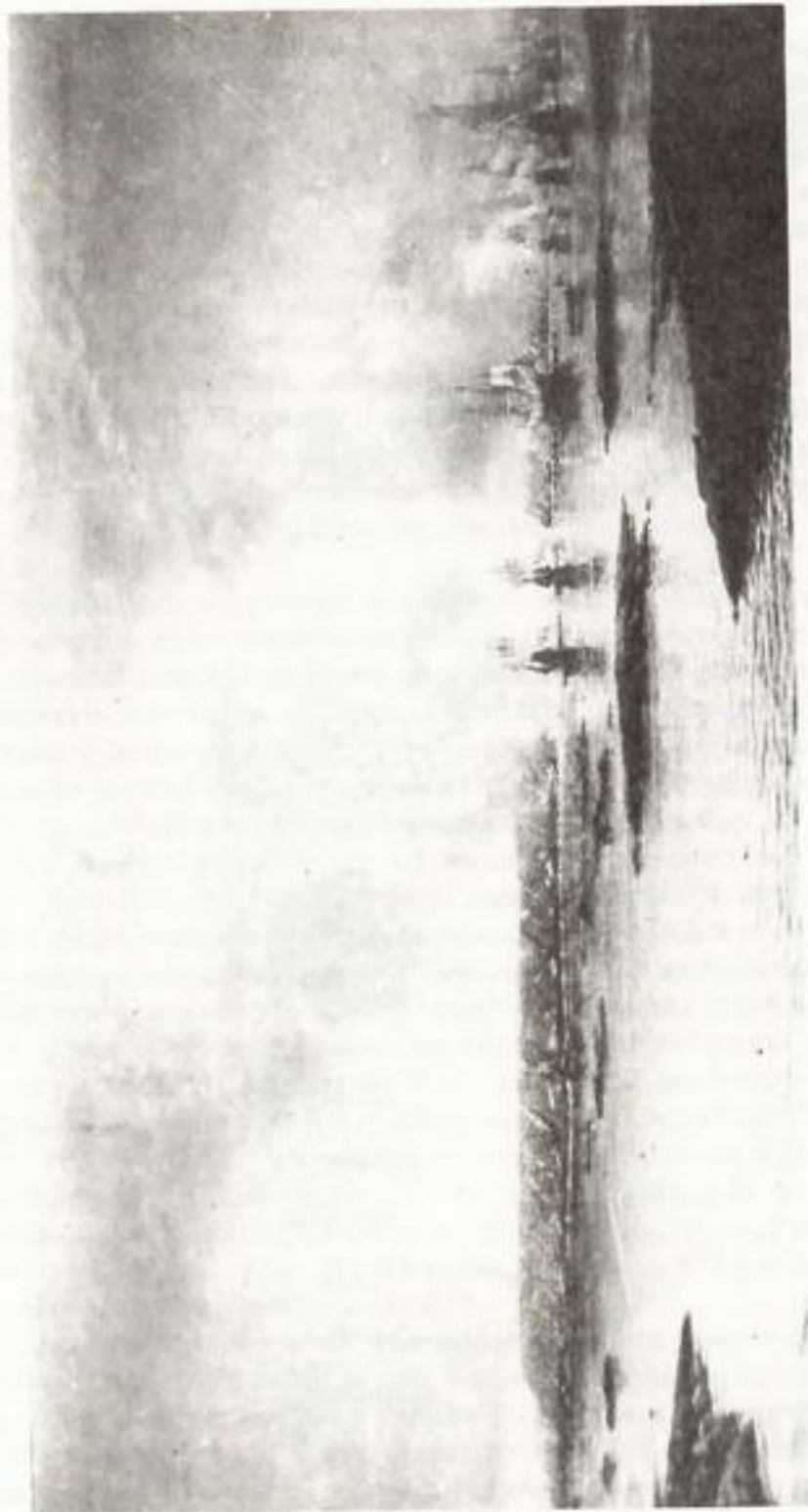
В походных журналах Апраксина и Петра I зафиксирован всего лишь один непосредственный итог открытого шведами по пробивавшимся на запад русским гребным судам артиллерийского огня: „все как суды, так и люди без вреда прошли, только у одного капитана ногу отбили“¹³⁷. Подробнее об этом эпизоде можно узнать из „сказки“ самого пострадавшего — поручика¹³⁸ Нижегородского полка И. К. де Колера.

Вот что он рассказывал об этом происшествии в 1720 г.: „... в 714-м году июля 27-го дня ранен я, как... Фёдор Матвеевич Апраксин и господин генерал... Адам Адамович Вейде прахадил швецкия карабли¹³⁹: ис швецкаго карабля ядром в 24 фунта оторвало у меня каблуки¹⁴⁰ и подошвы прочь у абеих ног, и от той раны лежал велми трудно, и от той раны имею и ныне болезнь“¹⁴¹. По словам И. К. де Колера, попавшее в него ядро осталось на галере, и позднее генерал-майор И. М. Головин взял его вместе с оставшимися от сапог голенищами и доставил их Апраксину¹⁴². Вспоминал, что, „как проходили в Ангуте мимо швецких караблей, в то число пробило... голеру ядром с швецких караблей“, и Ф. Масолов, бывший в 1714 г. прапорщиком Нижегородского полка¹⁴³.

Как виделся утренний прорыв мимо мыса Гангут русских гребных судов со шведской стороны, можно хорошо представить на основании записей в журнале Г. Ватранга. Первая запись за 27 июля гласит: „Мёртвый штиль и туман“, далее шведский адмирал надиктовал в свой журнал следующее: „Мы опять увидели большое количество галер числом в 60 под берегом: они

Атака шведским флотом прорывающихся у Гангута русских галер 27 июля 1714 г. С гравюры П. Пикарта

Прорыв русских галер у Гангуты 27 июля 1714 г. Худ. А. П. Боголюбов. 1876. ЦВММ

старались всеми силами пройти со стороны берега мимо наших кораблей к Гангеудду. Некоторые из наших кораблей, которые находились поближе, с помощью буксировки пустились им вдогонку... но, к нашему величайшему огорчению, и эта масса галер прошла мимо нас, несмотря на то что наши корабли довольно близко подошли к ним и обстреливали их из пушек¹⁴⁴.

Ватранг отметил в журнале, что одна галера, на которой были майор, ещё несколько офицеров, священник, 200 нижних чинов и мешок с деньгами, была взята-таки в плен во время этого прорыва¹⁴⁵. Из походных журналов Петра I и Апраксина и письма последнего выясняется, что эта галера наскочила на мель, и что часть людей удалось снять с неё шлюпками. Поскольку к ней подошли близко неприятельские линейный корабль, 2 бота и несколько шлюпок, остальной экипаж снять не смогли, так же как невозможно было вступить ради спасения этой галеры в бой с подходившими другими линейными кораблями противника¹⁴⁶. На взятой шведами в плен полугалере (именно так она характеризуется в полковом архиве Шлиссельбургского полка) были преимущественно солдаты и офицеры Шлиссельбургского полка¹⁴⁷. Полный же перечень взятых в плен на этой полугалере имеется в отдельной ведомости — 232 человека (среди них 6 моряков)¹⁴⁸.

Итак, результат прорыва галер 26–27 июля следует считать положительным. Главная задача была успешно решена. От исхода прорыва галерного флота зависела судьба всей морской кампании 1714 г. Пленение же одной российской полугалеры с экипажем было лишь частной неудачей и не могло повлиять на ход военных действий.

ГЛАВА III

ГАНГУТСКАЯ БАТАЛИЯ

ЗАБЛОКИРОВАНИЕ ШВЕДСКОЙ
ФЛОТИЛИИ Н.ЭРЕНШЕЛЬДА.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ РОССИЯН И ШВЕДОВ
К СРАЖЕНИЮ. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, СОСТАВ
И АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ ЭСКАДР.

НАЧАЛО БОЯ: АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ
ДУЭЛЬ ПРОТИВНИКОВ. ТАКТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕТРОМ I АТАКИ
ШВЕДСКОЙ ФЛОТИЛИИ. ОБХОДНОЙ
МАНЁВР В ТЫЛ ШВЕДОВ. АБОРДАЖ
ШВЕДСКИХ СУДОВ. БЫЛИ ЛИ ТРИ АТАКИ
ЭСКАДРЫ Н.ЭРЕНШЕЛЬДА? ПЁТР I КАК
ФЛОТОВОДЕЦ. ИТОГИ СРАЖЕНИЯ:
ТРОФЕИ И ПОТЕРИ. УЧАСТНИКИ БАТАЛИИ:
ЛЮДИ И СУДЬБЫ. НАГРАЖДЕНИЕ ЗА
ГАНГУТСКИЙ БОЙ.

С прорывом русских галер мимо шведского корабельного флота 26–27 июля 1714 г. была успешно решена первая и наиболее важная задача кампании: отныне собственно шведские земли, до того недосыгаемые, ставились под угрозу вторжения — немаловажный стимул для заключения Швецией мирного договора на условиях оставления России требуемых ею Лифляндии, Эстляндии, Ижорской земли и Западной Карелии — широкого выхода на Балтику.

Нельзя недооценивать и второй по важности и очерёдности задачи Российского галерного флота — запереть и захватить отделившуюся от главных сил шведского флота эскадру шаутбенахта Н. Эреншельда, зашедшую далеко в шхеры к северу от полуострова Гангут, что до крайности затрудняло возможность оказания ей помощи со стороны сосредоточившегося вблизи мыса Гангут корабельного флота адмирала Г. Ватранга.

*Пётр I в Гангутской битве.
Ок. 1715 г. Худ. И. Н. Никитин*

Разгром и пленение ещё только утверждавшимся на Балтике Российским флотом эскадры во главе с шаутбенахтом старой морской державы Швеции, несомненно, должны были иметь и огромное значение для укрепления уверенности россиян в своих возможностях на море — стихии, столь ещё незнакомой для большинства населения по преимуществу континентальной страны.

Каковы же были действия Петра I после того, как он днём 26 июля оставил генерал-адмирала у Тверминне и прибыл на переволоку?

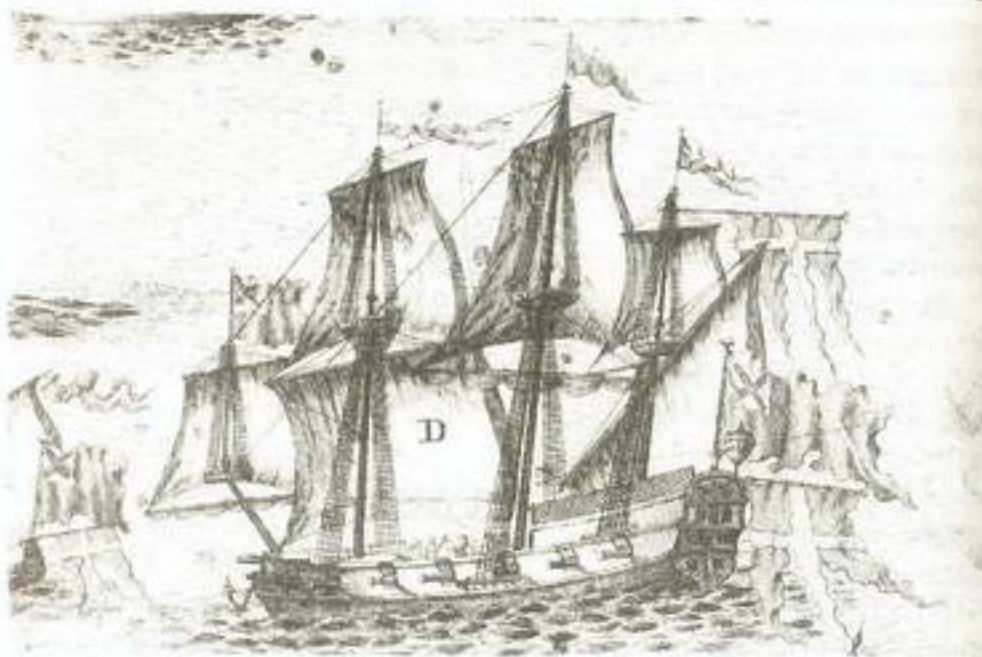
В источниках об этом имеются лишь глухие сведения, которые нуждаются в аналитическом разборе. Сразу же надо сказать, что выдвинутое С. В. Тиркельтаубом предположение, что Пётр I находился на борту галеры А. А. Вейде во время прорыва галер мимо мыса Гангут 27 июля¹, противоречит имеющимся источникам. Царь не упомянут в качестве участника прорыва в основополагающем первоисточнике — походном журнале Ф. М. Апраксина. Наоборот, в нём говорится, что от Тверминне Пётр I отправился „для осмотра неприятельских судов“ эскадры Н. Эреншельда. Апраксин прямо писал Змаевичу 26 июля, что за его действиями по блокированию неприятельской эскадры „будет смотреть сам его царское величество“. Косвенно свидетельствует о том, что в исходе суток 26 июля путь отступления флотилии Эреншельда был пресечён ещё до прибытия Петра I к 35 галерам, которыми командовали М. Х. Змаевич и бригадиры М. Я. Волков и П. Б. Лефорт, тот факт, что Апраксин получил известие, что суда Эреншельда „атакованы“ и „уйти не могут“, не от царя, но от капитан-командора Змаевича². Если бы Пётр I успел к тому времени присоединиться к передовому отряду из 35 галер, то такое донесение обязан был послать, как старший начальник, именно он.

Остаётся предположить, что царь прибыл к пробившимся в шхеры за полуостров Гангут 35 галерам ночью или утром 27 июля. Поскольку 63 галеры под командованием Апраксина подошли к месту, где стояли заблокированные суда Эреншельда, только к 12 часам дня („о полудни“) 27 июля³, то Пётр I имел время, для того чтобы подготовить к предстоявшему сражению галеры и продумать его план.

Именно из этого надо исходить при рассмотрении вопроса о диспозиции боя в Рилакс-фиорде. По мнению Ф. Ф. Веселаго, русские галеры перед батальей построили „по диспозиции, данной адмиралом“⁴. А. З. Мышлаевский оспорил это утверждение, считая, что Ф. Ф. Веселаго в этом случае не более чем неудачно употребил иностранное слово. Он полагал, что диспозиции для боя в узком смысле не было, „были лишь частные распоряжения“⁵. В одном из черновиков „Гистории Свейской войны“, целиком испещрённом пометками, дополнениями и другой правкой самого Петра I⁶, сказано: „Сию экзекуцию начал и совершил господин генерал Вейде... а диспозицию атаки имел корабельной шаутбейнахт“⁷, то есть царь. Такой документ, несмотря на проведённые к настоящему времени большие архивные поиски, до сих пор не обнаружен. Это заставляет думать, что Пётр I, готовя авангард галерного флота к бою, давал подчинённым ему военачальникам приказания устно в соответствии со своим замыслом хода предстоявшего сражения. Так характеризует его деятельность перед батальей и осведомлённый Д. Ден, по словам которого, царь „указал приблизительно 35 галерам подготовиться к бою, хорошо укомплектовать их личным составом и снабдить всем необходимым, назначив на них особых командующих офицеров“⁸.

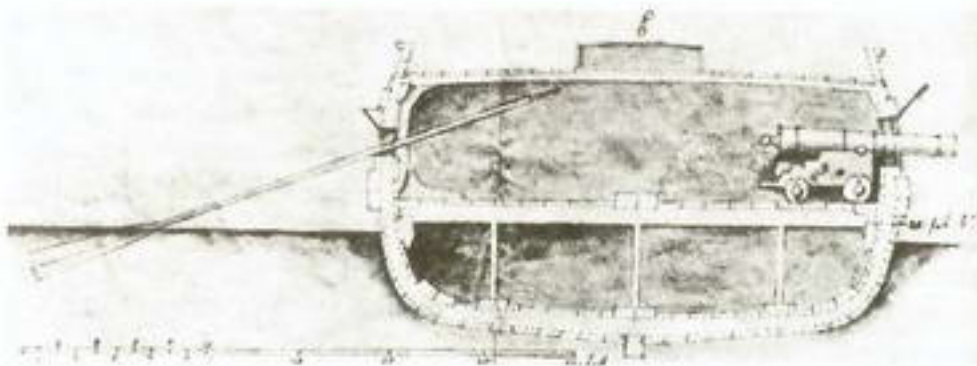
Существенной причиной того, что М. Х. Змаевич вечером 26 июля, Пётр I же утром следующего дня вплоть до подхода основных сил во главе с Ф. М. Апраксиным не начинали сражения с флотилией Н. Эреншельда, помимо необходимости подготовиться к нему и получить одобрение замысла боя от командующего галерным флотом, возможно, было и то, что прорыв галер мимо Гангута 26 июля потребовал крайнего напряжения физических сил солдат-гребцов. Им пришлось пройти большие расстояния в режиме ускоренной гребли. От деревни Тверминне вдоль берега до мыса Гангут примерно 10 морских миль (18,5 км), ещё около 10,5 морских миль (19,5 км) от мыса до места сражения в Рилакс-фиорде, если следовать кратчайшим путём. Галерам,

Прорыв галерного флота у Гангута и баталья в Рилакс-фиорде 27 июля 1714 г.
Графика П. Пикарта „План с прешпектом о бывшей акции..“

Прам „Элефант“. С гравюры Г. де Вита 1714 г.

обошедшим 26 июля шведский флот со стороны моря и искавшим флотилию Эреншельда в шхерах — скалистых, лесистых островах со сложнейшей береговой линией, узкими проходами, мелями и подводными камнями — пришлось пройти на вёслах ещё большее расстояние, прежде чем выполнить возложенную на них задачу — пресечь флотилию Эреншельда возможность ухода от места переволоки к главным силам.

Поперечный разрез шведского прاما. Чертеж Ч. Шелдона 1703 г. Использовался при постройке в 1703 г. в Карлскруне прамы „Элефант“. Государственный архив Швеции. Из книги: История шведского флота. Мальмё, 1943. Т. 2

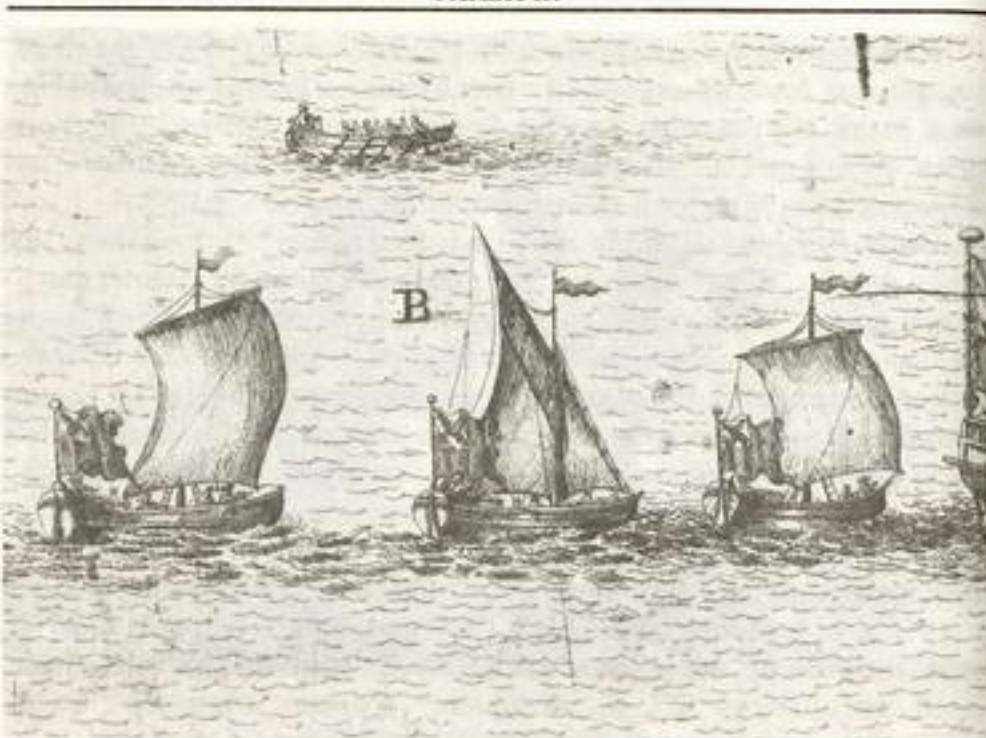
Как Эреншельд расположил в Рилакс-фиорде суда своей эскадры, готовясь принять бой с российскими галерами, известно. Они были поставлены для удобства ведения артиллерийского огня на якорях в линию полумесяца. В середине позиции находился 18-пушечный трёхмачтовый прам „Элефант“.

Вице-адмирал Лиллье оценивал „Элефант“ в послании королю как „одно из самых лучших оборонительных судов“ шведского флота⁹. Как правило, в шведских источниках той поры он именуется блокшифом¹⁰, но в списке судов шхерного флота, находившихся в стокгольмской эскадре в декабре 1713 г., перечислен среди фрегатов¹¹. В русских источниках он называется либо фрегатом, либо прамом. С фрегатом „Элефант“ сближало то, что он был трёхмачтовым, с прамом — сильное артиллерийское вооружение. Понятие „прам“ в Петровском флоте было тождественно употреблявшемуся крайне редко термину „блокгоус“: в собственноручном списке кораблей Петра I 1720 г. есть, к примеру, заголовок: „Блокгоузы, или прамы“¹². В шведской литературе XX в. „Элефант“ обычно именуют „блокгаузом“¹³ или прамом¹⁴.

По сторонам от „Элефанта“ были расположены 6 двухмачтовых галер, по 3 слева и справа. Галеры „Грипен“ (шв. грифон), „Трана“ (шв. серый журавль), „Эри“ (шв. орёл) имели на вооружении по 16 орудий, галеры „Вальфиш“ (шв. кит), „Геден“ (шв. щука), „Лаксен“ (шв. лосось) — по 14 орудий каждая.

Разноречивые сведения имеются в источниках насчёт того, два или три шхербота (небольшие одномачтовые суда для действий в шхерах) стояли во второй линии.

В печатной „Реляции“, походных журналах Петра I и Ф. М. Апраксина после описания сражения в Рилакс-фиорде помещён „Реестр взятым неприятельским швецким судам, сколько на оных взято пушек, также и людей“, в котором перечислены три шхербота: „Флюндра“ (шв. камбала) с 4 пушками 3-фунтового и 2 однофунтового калибра, „Мортан“ (шв. св. Мартин) с 2 пушками 3-фунтового и 2 однофунтового калибра и „Симпан“ (шв. рыба-подкаменщик) с 4 однофунтовыми малыми пушками. Три пленённых при Гангуте шхербота участвовали и в торжественном вводе трофейных судов в Петербург 9 сентября 1714 г. Отечественные и зарубежные историки, следуя вышеназванному „Реестру“, документам о триумфальном шествии по Неве 9 сентября 1714 г. и установившейся

Захваченные при Гангуте шведские шхерботы на Неве во время празднования Гангутской победы 9 сентября 1714 г. С гравюры Г. де Вита

традиции, единодушно утверждают, что в Рилакс-фиорде в составе эскадры Эреншельда находились три шхербота.

Однако в письмах-извещениях о победе у Гангута от 29 июля 1714 г. Пётр I писал, что Н. Эреншельд был пленён „с одним фрегатом, и шестью галерами, и двумя шхерботами“¹⁵. В походных журналах и царя, и Ф. М. Апраксина сказано, что 26 июля к западу от места переволоки появились „фрегат, и шесть галер, и два шхербота“¹⁶. Когда же генерал-адмирал подошёл 27 июля к месту предстоящего сражения, то, как записано в его журнале, „увидели неприятельской атакованной фрегат, стоящей на якоре, и при нём по обе стороны в линии по 1 шхерботу и по 3 галеры“¹⁷. По два шхербота в эскадре Эреншельда показывается и на гравюрах от 9 августа 1714 г., „Плане с прешпектом о бывшей акции меж российским адмиралом-генералом графом Апраксиным и швецким адмиралом Ватрангом...“ П. Пикарта и на гравюре М. Бакуа, изготовленной по заказу Петра I, сделанному в 1717 г. в Париже. Важно и основанное на воспоминании свидетельство о сражении 27 июля 1714 г. Ф. К. Роговского, в 1714 г. капитана Лефортовского полка: „... взяли швецкой фрегат, и шесть галер, и два шхербота“¹⁸.

Авторитетны и шведские источники, сообщающие, что шхерботов у шведов в сражении в Рилакс-фиорде было только два. О посылке именно двух шхерботов с Эреншельдом 25 июля говорится в журнале Ватранга¹⁹; это же утверждал на допросе на третий день после баталии командовавший „Элефантом“ капитан А. Сунд²⁰.

Действительно, третий шхербот мог быть внесён в „Реестр“ трофеев и участвовать в триумфальном шествии по Неве в качестве судна, пленённого 26–27 июля у Гангута, но совсем не обязательно в ходе боя в Рилакс-фиорде. На наш взгляд, он был захвачен 26 июля при прорыве 20 галер под командованием М. Х. Змаевича и М. Я. Волкова. Именно об этом бое, происшедшем в 11-м часу утра, упоминается, полагаем, в журнале генерал-адмирала после изложения хода прорыва мимо эскадры Ватранга первых 20 галер: „... потом слышана была в шхерах из пушак многая стрельба, и разсуждали, что не имел ли неприятель для одержания тамо батарей, однако ж, как потом известились, стреляли с наших скампавей по одном неприятельском боте“²¹. Возможно, это был тот шхербот, который капитан А. Сунд оставил у Гангута 21 июля по приказу Г. Ватранга для содействия проходившим мимо мыса шведским судам²².

Общая численность шведов на судах флотилии Эреншельда достоверно устанавливается на основе упомянутого ранее „Реестра“ взятым неприятельским швецким судам, сколько на оных взято пушек, также и людей“. Накануне боя на судах находились 15 морских офицеров (считая флагмана Н. Эреншельда), 10 сухопутных, 3 „неслужащих“, 913 унтер-офицеров, солдат и матросов — всего 941 чел²³.

Установить распределение шведов по судам в ходе сражения удаётся, сопоставляя хранящуюся среди бумаг Кабинета Петра Великого роспись кабинет-секретаря царя А. В. Макарова, бывшего 27 июля 1714 г. рядом с Петром I, в которой указана численность солдат и матросов на отдельных судах, и сделанный самим царём набросок с перечислением находившихся тогда на шведских кораблях старших и младших командных чинов. По этим документам, написанным явно вскоре по окончании баталии, на „Элефанте“ было во время боя 165 солдат, 70 матросов, 20 командных чинов (с Н. Эреншельдом — 21), на галерах соответственно: на „Эрне“ — 114, 26 и 9, на „Грипене“ — 116, 26 и 9, на „Тране“ — 114, 26 и 7, на „Гедене“ — 50, 26 и 6, на „Вальфише“ и „Лаксене“ одинаково по 50, 20 и 6. Общее

количество солдат, матросов и старших и младших командиров на „Элефанте“ и 6 галерах — 936 человек, вместе с шаутбенахтом Эреншельдом — 937 чел.²⁴

Сопоставление двух названных документов даёт возможность сделать значимое для изучения соотношения сил в бою и его хода заключение: на 2 шхерботах, стоявших во второй линии, Эреншельд оставил всего лишь 4 человек. Следовательно, практически весь личный состав был сосредоточен шведским флагманом на 7 кораблях первой линии и шхерботы участия в сражении фактически не принимали. Это видно и на гравюрах, изображающих баталию, от 9 августа 1714 г. и „Плане с прешпектом о бывшей акции...“ П. Пикарта: у бортов шхерботов нет клубов порохового дыма от артиллерийской стрельбы.

Нелогичный на первый взгляд шаг Эреншельда требует должного объяснения, поскольку, поставив во вторую линию шхерботы и оставив на них только 4 человек, он сознательно сокращал количество артиллерии, которое его флотилия могла использовать в бою. На шхерботах были малокалиберные 3-фунтовые и 1-фунтовые орудия, но всё же преднамеренное выведение 8-10 орудий из совокупной огневой мощи эскадры ослабляло силы шведов. Со стороны Эреншельда это была явно вынужденная мера. Что заставило его пойти на неё?

По нашему мнению, ответ следует искать в точном определении места боя, так как, видимо, шведский шаутбенахт просто не смог поставить шхерботы в первой линии по причине слишком тесного расположения его судов перед началом баталии. 26 июля российские гребно-парусные суда под командованием Змаевича имели приказ атаковать и захватить шведскую шхерную эскадру. Эреншельд мог предотвратить окружение и пленение своего отряда галерами Змаевича только найдя в шхерах сильную позицию, которая не позволила бы обойти его эскадру с тыла и флангов, прорвать линию кораблей с фронта, а также в наибольшей степени сузила бы фронт позиции с тем, чтобы как можно меньшее число судов из состава превосходящих сил российского галерного флота могли атаковать его флотилию. В выбранном Эреншельдом для боя месте в Рилакс-фиорде суда его эскадры не смогли разместиться в одну линию. Но шведский флагман оправданно пожертвовал огневой силой 8-10 пушек 2 шхерботов, поставленных во вторую линию, для того, чтобы иметь такую выгодную позицию.

В том, что Эреншельд сумел изыскать удачную позицию, не приходится сомневаться. Иначе трудно объяснить, почему Змаевич, располагавший 35 галерами и имевший приказ атаковать флотилию, не захватил шведов 26 июля. Конечно, солдаты эскадры Змаевича были до крайности утомлены многомильным ускоренным переходом на гребле мимо неприятельского флота, приближалась ночь, эскадра Эреншельда была лишена возможности вырваться из тупика, „уйти“, но главное, надо полагать, заключалось в том, что Эреншельд занял удобную для обороны позицию, к атаке которой следовало подготовиться. Немедленное вступление в бой с приготовившимися к упорному сопротивлению шведами сулило немалые потери. И прибывший со стороны переволоки Пётр I не пожелал без необходимой подготовки атаковать шведскую флотилию в первой половине дня 27 июля.

Итак, где же произошло знаменитое сражение?

Пётр I в письмах-извещениях об исходе Гангутской баталии определял место боя так: „... у Ангута, близ урочища Рилакс-фиель“²⁵. Рилакс упоминается в документах первый раз в 1437 г. в качестве места дворянской усадьбы²⁶. По-шведски название урочища означает Гора Рилакс. Ныне Рилаксом именуется якорное место к северу от острова Сведьехольма у выступающей в воды Рилакс-фиорда возвышенности с памятником погибшим в Гангутском сражении (1870 г.)²⁷, фиорд и деревня на полуострове Падваланд напротив северной оконечности острова Стурён.

Приведём имеющиеся точки зрения относительно конкретного места Гангутского боя. А. П. Соколов точно его не обозначил, написав, что Эреншельд построил эскадру „в полукружие между двух камней, тылом примыкая к третьему“²⁸. Ф. Ф. Веселаго полагал, что „шведские суда стояли вогнутой линией, прикрытой с флангов и с тыла каменистыми островками“, и на очень приблизительной карте, не учитывая её масштаба, нанёс позицию Эреншельда к юго-востоку от полуострова Падваланд²⁹. А. З. Мышлаевский использовал подробную карту Рилакс-фиорда и изобразил позицию шведов упирающейся флангами в острова Гавельсхольм и Лаккисёр, а тылом примыкающей к острову Стурён³⁰, то есть поперёк Рилакс-фиорда. А. Мюнте лишь походя заметил, что шведы заняли „сильную позицию между двумя островками“³¹, Х. Е. Уддгрэн писал, что суда Эреншельда лежали „вблизи от деревни Рилакс, рядом с островом Стурён, с юга от него“³².

В последующем в исторических трудах место сражения указывалось согласно карте-схеме А. З. Мышлаевского.³³ Однако мнение А. З. Мышлаевского о месте боя в Рилакс-фиорде плохо увязывается с данными источников. Расстояние поперёк Рилакс-фиорда между островами Гавельсхольм и Лаккисёр, где, по мысли историка, располагалась изготовившаяся к сражению флотилия Эреншельда, велико и составляет приблизительно 1300 м³⁴. Как было сказано в первой главе, наиболее крупные шведские галеры „Грипен“, „Трана“ и „Эри“, согласно проектному чертежу, имели длину 100 шведских футов (29,7 м), ширину 20 ф. (5,94 м), примерно соответствуя по размерам своего корпуса 16-баночным российским скампавеям 1711–1714 гг. постройки. Остальные 3 участвовавших в Гангутском бое галеры шведов были заметно меньше. Прам „Элефант“ имел длину корпуса 116 ф. (35,4 м), ширину 28 ф. (8,5 м)³⁵. Чтобы использовать наибольшее число орудий для ведения огня, „Элефант“ должен был стоять к русским судам бортом, галеры, наоборот, носом. Поэтому от Лаккисёра до Гавельсхольма поперёк корабельного фарватера Рилакс-фиорда можно было разместить в несколько раз больше прамов и галер, подобных тем, что были у Эреншельда. В случае такой расстановки незачем было отводить во вторую линию шхерботы. Глубины на линии между Лаккисёром и Гавельсхольмом значительные, мелей, являвшихся бы препятствием для движения российских полугалер и скампавей, нет. Почти сразу же у берегов названных островов глубины составляют 1,5–2 м, на месте якорной стоянки — 13 м, далее — 30–40 м, кое-где достигают даже 50 м. На банке посреди фарватера глубина более чем достаточная для гребнопарусных судов — 5,5 м³⁶.

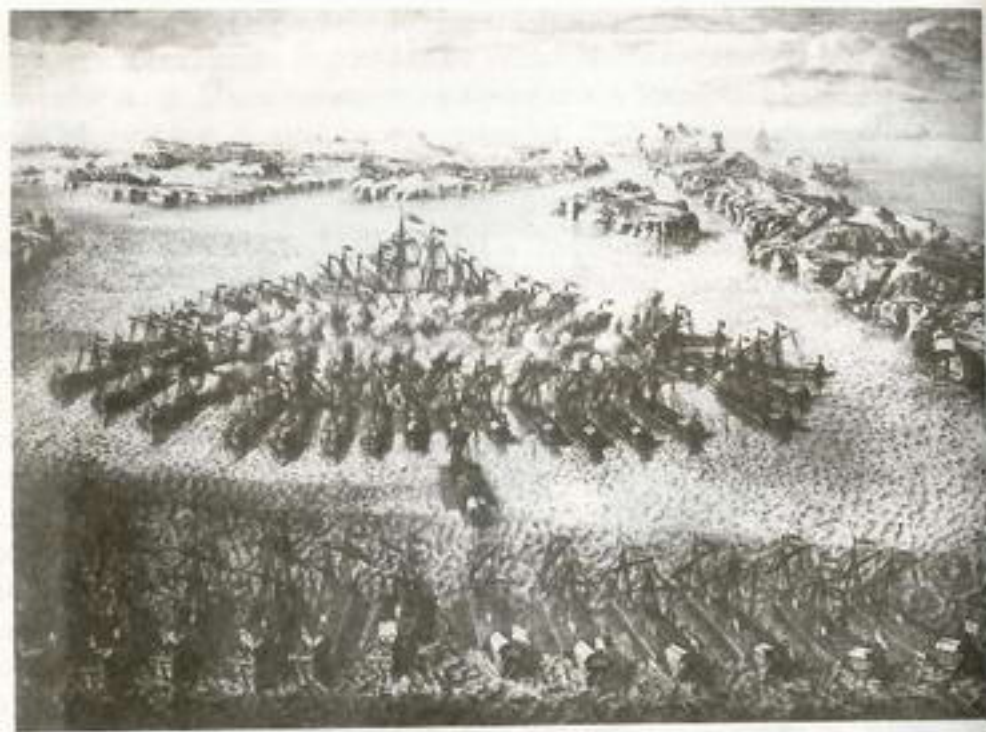
Если бы Эреншельд расставил свои суда так, как полагал А. З. Мышлаевский, то плотность и сила огня шведской артиллерии была бы весьма невысока. Против флотилии Эреншельда можно было бы выстроить в 2 линии поперёк корабельного фарватера Рилакс-фиорда весь российский галерный флот, создав многократное преимущество над шведами в артиллерии, количестве атакующих судов, численности их команд. Используя растянутость шведской линии, её можно было без труда прорвать, обойти с флангов. В этом случае 98 полугалер и скампавей российского флота одолели бы 9 судов шведов в самые кратчайшие сроки.

Высказана ещё одна, на наш взгляд, более обоснованная точка зрения на место боя между россиянами и шведами в

Российские моряки на панихиде в 1889 г. у памятника павшим (1870 г.) на месте Гангутского сражения. Фото из фондов ЦВММ

Рилакс-фиорде. В 1869 г. российские моряки по почину и под руководством видного учёного-гидрографа контр-адмирала В. А. Римского-Корсакова установили место, где, по преданию местного населения, были похоронены русские и шведы, павшие в давнем сражении. Возвышенность, у которой были погребения, именовалась жителями тех мест Гора (или Скала) мёртвых, две небольшие бухты по сторонам от неё — Залив убитых и Залив мёртвых. В 1870 г. на Горе мёртвых был воздвигнут памятник погибшим по проекту зодчего И. А. Монигетти, выполненный скульптором Н. И. Бариновым, — большой крест из серого сердобольского гранита³⁷. В записке В. А. Римского-Корсакова, прочитанной на открытии памятника, говорилось: „... весьма возможно, что шхерный фрегат или прам „Элефант“ стоял против... острова Гавельсхольмен, а шесть галер, по три на стороне, образовывали дуги полукружия, примыкая концами одна к... острову Сведегольму, а другая — к... мысу... к северу...“³⁸ (то есть к мысу острова Черинг). Гипотеза Римского-Корсакова была отражена в созданной в Главном гидрографическом управлении Морского министерства (существовало в

Гангутская баталия. Гравюра М. Бакуа, 1720-е гг.

1885–1918 гг.) карте-схеме³⁹. Точка зрения Римского-Корсакова вскоре была забыта (она не учтена уже А. З. Мышлаевским) и снова введена в научный оборот в нашей статье 1990 г.⁴⁰; С. В. Тиркельтауб в 1994 г. опубликовал воспроизведение созданной на её основе в Главном гидрографическом управлении карты сражения⁴¹.

В пользу того, что шведская флотилия стояла не перегораживая корабельный фарватер Рилакс-фиорда, но где-то вдоль берега полуострова Падваланд говорят очертания местности в тылу шведской эскадры на гравюре М. Бакуа с видом Гангутского боя. На ней верно переданы выступ полуострова, возвышающаяся на нём гора, острова Сведьехольм, Гавельсхольм и Черинг. Правда, суда шведов явно слишком отдалены от берега, их фланги отстоят на немалое расстояние от Сведьехольма и Черинга.

От Сведьехольма до Черинга по прямой около 800 м, и ставить 2 шхербота во вторую линию по причине тесноты шведам не было никакой необходимости. Напротив, контролировать такую протяжённую позицию эскадре Эреншельда было не по

силам. Русские галеры могли как охватить её с флангов, так и выйти в тыл шведам. При расположении шведских судов на линии между Сведьехольмом и Черингом россияне имели бы возможность разместить в первом ряду своего боевого построения значительно больше, чем 17, галер, поскольку, как говорилось в первой главе, длина 16-баночных скампавей постройки 1711–1714 гг. равнялась 30,5 м, ширина 5,3 м, вёсла же выступали за борт примерно на 10 м⁴². Но на гравюрах от 9 августа 1714 г., „План с прешпектом о бывшей акции...“ и с видом транспаранта, выставявшегося во время фейерверка в честь Гангутской победы 12 сентября 1714 г., показано не растянутое, а очень плотное размещение шведских судов, зажатых с трёх сторон сушей.

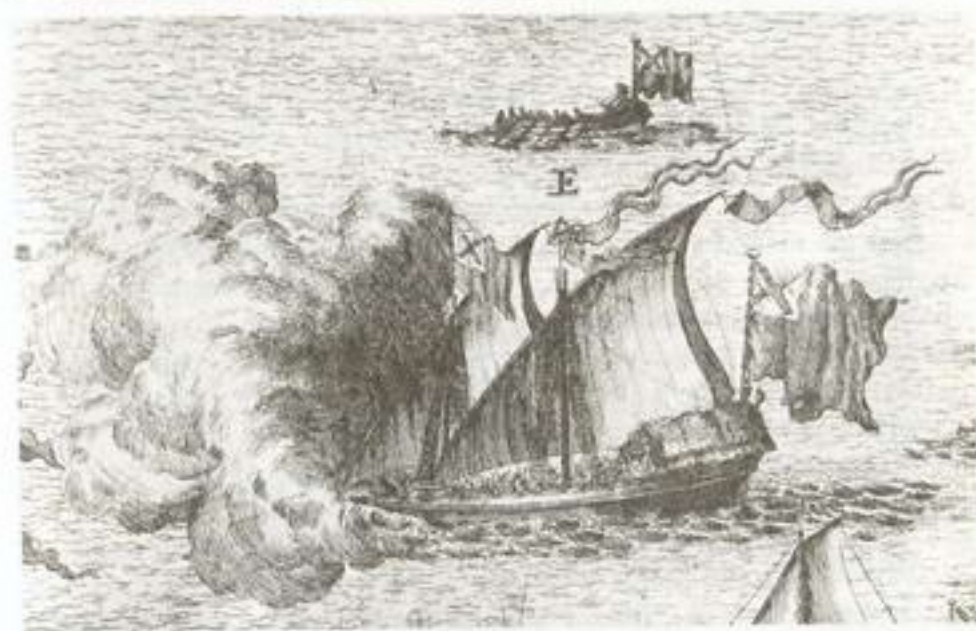
Голландский резидент Я. де Би сообщал в донесении от 9 августа 1714 г., что, как объяснил ему по изданной в тот день гравюре с видом сражения А. Д. Меншиков, Пётр I находился „с эскадрой совершенно в том положении, как изображено на... плане“ (гравюре от 9 августа 1714 г.), подаренном ему светлейшим князем⁴³. Следовательно, Меншиков засвидетельствовал Я. де Би, что на этой гравюре показано истинное местоположение эскадр и их боевой порядок.

При просмотре архивного дела из Кабинета Петра Великого нами обнаружен рисунок пером, по которому была создана данная гравюра. Пётр I послал его 29 июля 1714 г. вместе с „Реляцией“ от Гангута в Петербург А. Д. Меншикову для издания на его основе гравюры. Российские и шведские суда запечатлены на рисунке ведущими артиллерийский бой. В каждой из противостоящих эскадр они расположены тесно друг к другу, крайние на флангах галеры и россияне, и шведов едва ли не вплотную примыкают к суше⁴⁴.

Гравюра от 9 августа 1714 г., не считая немногих отклонений в деталях, повторяет рисунок. И на рисунке, и на гравюре в тылу шведской позиции, с нашей точки зрения, воспроизведены выступ береговой линии полуострова Падваланд (где ныне памятник), слева — залив, образуемый полуостровом и островом Сведьехольм, справа — пролив между островом Гавельсхольм и Падваландом, то есть фланги шведов упирались в острова Сведьехольм и Гавельсхольм, тыл же примыкал к полуострову Падваланд. Такая расстановка судов на линии приблизительно 400 м позволяла шведам вести плотный артиллерийский огонь из максимально возможного числа орудий, при-

Гангутское сражение. Рисунок пером от 28-29 июля 1714 г. РГАДА (Кабинет Петра Великого)

Скампавея шхутбенахта Петра Михайлова со шлюпкой.
С гравюры Г. де Вита 1714 г.

крыть фланги островами, ограничить количество атакующих русских судов. Дополнительный материал для выяснения точного места боя в Рилакс-фиорде могли бы дать подводные археологические исследования.

С российской стороны атаковать шведов с фронта по причине недостатка пространства для построения боевых порядков смогли только 23 галеры. На 24-й за боевой линией находился Пётр I, командовавший штурмовавшим шведскую флотилию авангардом⁴⁵. На основании отдельных упоминаний в архивных документах удалось установить наименования лишь 6 из 23 гребно-парусных судов, атаковавших флотилию Эреншельда с фронта: „Костёр“, „Ладога“, „Мусель“, „Плотица“, „Сом“, „Церапула“⁴⁶. Из этих 6 судов „Мусель“ и „Сом“ были построены в том же 1714 г., когда остальные — неизвестно. „Сом“ был 38-вёсельной полугалерой, „Мусель“ — 30-вёсельной скампавеей. Команда „Сом“ на 7 июня 1719 г., к примеру, насчитывала 236 чел. (222 сухопутных, 14 морских чинов), „Мусель“ — 133 чел. (соответственно 125 и 8 чел.)⁴⁷.

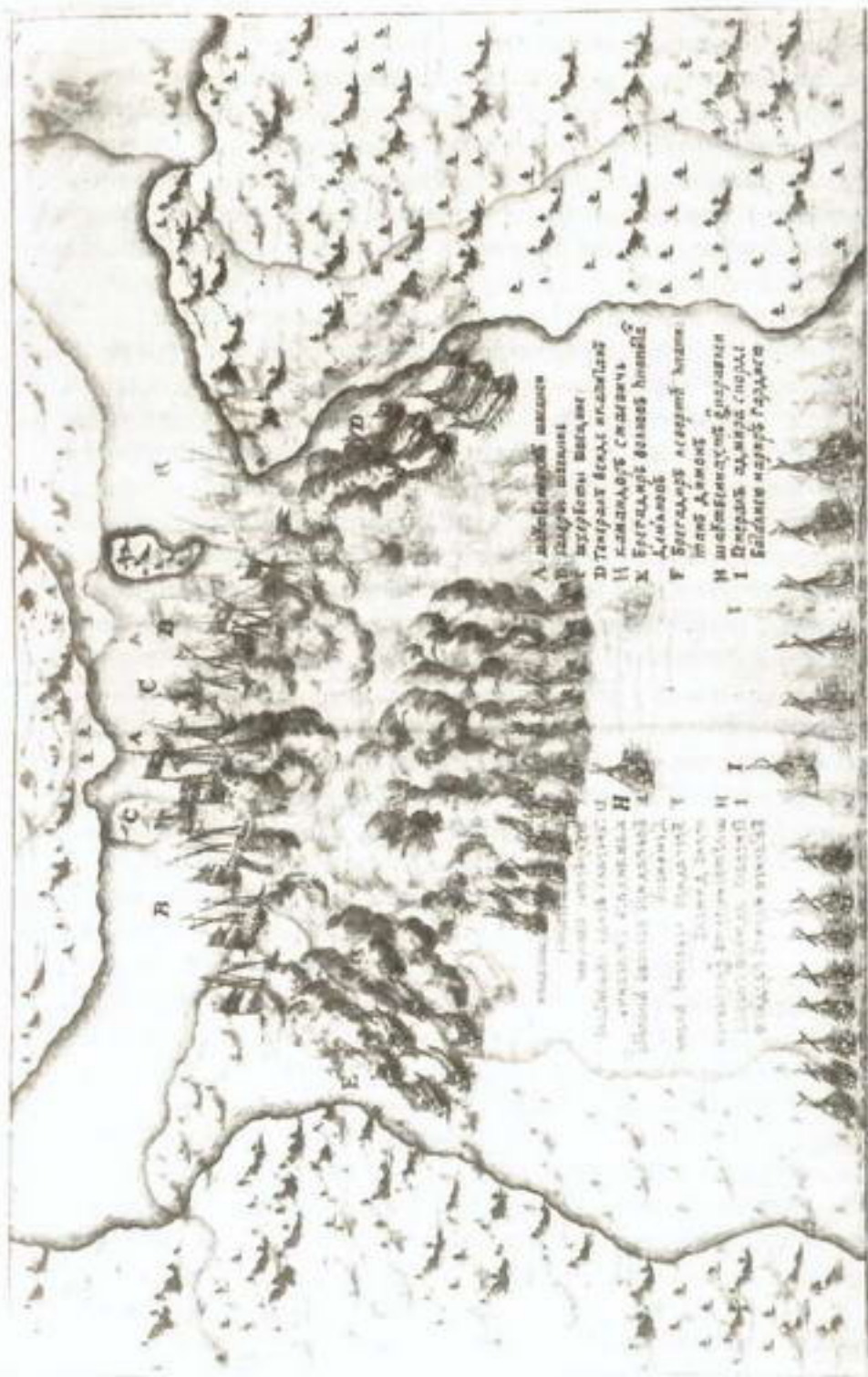
Расположение галер россиян во время артиллерийской перестрелки русской и шведской эскадр показано на рисунке пером из Кабинета Петра Великого, гравюрах от 9 августа 1714 г., „Плане с прешпектом о бывшей акции...“, овальной гравюре с

изображением щита-транспаранта, выставлявшегося 12 сентября 1714 г. во время фейерверка в честь Гангутской победы в Петербурге, и на гравюре М.Бакуа. В середине русской позиции мы видим линию из 11 галер, за которыми находилась „скампавея нашего шаутбейнахта карабелнаго“, на флангах стояли по 6 галер в 2 ряда по 3 в каждом уступом вперед (см. схему 2).

Важно выяснить соотношение сил противостоявших друг другу эскадр в артиллерии. Не учитывая бездействовавших в сражении малокалиберных пушек 2 шхерботов, шведы располагали 102 орудиями. „Элефант“, согласно гравюрам, был обращён к фронту российских скампавей бортом, что позволяло с наибольшей действенностью использовать его орудия. Прам имел 14 орудий 12-фунтового калибра и 4 3-фунтового⁴⁸. На гравюре Г. де Вита о вводе в Петербург пленённых при Гангуте шведских судов 9 сентября 1714 г., выполненной по рисунку наблюдавшего это событие П. Пикарта, и его же „Плану с прешпектом о бывшей акции...“ у „Элефанта“ показаны 8 окон для пушек с борта и 2 орудийных окна на задней стенке кормы для малых ретиральных (погонных) пушек⁴⁹. Следовательно, с прама огонь по 23 противостоявшим эскадре Эреншельда с фронта галерам россиян мог вестись только из 7 бортовых орудий 12-фунтового калибра и 1 3-фунтового. Допуская, что шведам удалось расставить 6 галер так, что все их орудия могли вести огонь по находившимся перед ними галерам, эскадра Эреншельда могла использовать для отражения приступа со стороны россиян 2 мощных, но малопригодных для сражения галерных флотов гаубицы 36-фунтового калибра⁵⁰, предназначенных для навесной и мортирной стрельбы (они были бы незаменимы в случае бомбардировки эскадрой Н. Эреншельда переволоки), 4 орудия 18-фунтового, 7 12-, 6 6-, 73 3- и 2-фунтового калибров⁵¹ — всего 92 орудия.

Как было показано ранее (гл.1), в кампанию 1714 г. куршейные орудия российских скампавей были 12-, 8- или 6-фунтового калибра, 2 боковых — 3-фунтового, остальные 2 пушки тоже относились к орудиям 3-фунтового калибра. Из этого следует, что если бы в сражении участвовали лишь скампавеи, то россияне располагали бы на 23 судах во время боя 23 12-, 8- или 6-фунтовыми орудиями, 46 боковыми 3-фунтовыми пушками на носу и ещё 46 3-фунтовыми пушками (всего 115 орудий).

Как будет видно из дальнейшего изложения, есть серьёзные основания предполагать, что среди 23 участвовавших во фрон-

Бой в Рюгенс-фиорде. Гравюра от 9 августа 1714 г. РГАДА

тальной атаке шведов галер были не только скампавеи, но и несколько полугалер (одна из них названа выше — 38-вёсельная полугалера „Сом“). Последние же имели на куршее 18-фунтовое орудие, 2 6-фунтовых по обеим сторонам от него и ещё 4–6 орудий 3-фунтового калибра. Таким образом, вероятное присутствие в боевом порядке россиян нескольких полугалер заметно усиливало совокупную артиллерийскую мощь авангарда Петра I.

Согласно гравюре П. Пикарта „План с прешпектом о бывшей акции...“, во время артиллерийской дуэли эскадр стреляли все 17 галер, стоявших в первом ряду: 11 центра и 6 фланговых⁵². Но на гравюре от 9 августа 1714 г. и на гравюре с видом щитатранспаранта, использовавшегося во время фейерверка 12 сентября 1714 г., показано, что огонь вёлся ещё с одной галеры из второго ряда левого крыла, крайней справа. Факт артиллерийской стрельбы с неё подтверждает и изображение баталии на гравюре М. Бакуа. Наибольшую степень доверия, однако, следует оказать рисунку, посланному Петром I с места сражения 29 июля 1714 г. в Петербург. На нём стреляющими показаны 19 галер: все 17 первой линии и по одной из второй линии фланговых отрядов — те, которые были ближе к центру.

Таким образом, в артиллерийском сражении эскадр с русской стороны на 19 ведших огонь галерах могло быть задействовано по меньшей мере (если не учитывать факта наличия в их числе, помимо скампавей, полугалер) до 95 орудий: 19 12-, 8- и 6-фунтового калибров и 76 малых 3-фунтовых пушек. Следовательно, в количестве орудий стороны были почти равны: не менее 95 пушек в действии у россиян и не более 92 у шведов. Артиллерия сторон приблизительно соответствовала друг другу и по калибрам, принимая во внимание, что 2 мощных гаубицы 36-фунтового калибра шведов для артиллерийского боя стоящих одна против другой эскадр были малополезны.

Для полноты картины произошедшего 27 июля 1714 г. в Рилакс-фиорде боя нужно сказать, что в Петровскую эпоху артиллерийские орудия хорошо стреляли картечью на дальность до 300 шагов, ядрами — до 1000 шагов; падая на воду, ядра могли рикошетировать⁵³.

Прояснить вопрос о дистанции при артиллерийской перестрелке эскадр можно, опираясь на свидетельство гребцов шлюпки подполковника Я. М. Бордовика, находившихся в самой гуще баталии: „... как стали (скампавеи. — П. К.) приста-

вать (к шведским судам. — П. К.), из мелкого ружья первая стрельба зачалась⁵⁴. Соответственно можно сделать вывод, что расстояние до шведских судов на фазе артиллерийского боя было таково, что не давало возможности вести ружейный огонь, имея надежду на нанесение сколь-нибудь ощутимого урона неприятелю. На учениях даже из более совершенного, чем в эпоху Петра Великого, гладкоствольного пехотного ружья образца 1808 г. в щитовую мишень высотой 183 см, шириной 122 см из всех выстреленных на расстоянии 100 шагов пуль попадало примерно 75%, 200 шагов — 50%, 300 шагов — 25%. В наставлении 1826 г. указывалось, что в условиях сражения из подобных ружей на расстоянии в 100 шагов поражало цель таких размеров лишь 10% выпущенных пуль. Обстановка морского боя (качка, отдача от орудийной стрельбы), естественно, снижала последнюю цифру точных попаданий до самых ничтожных величин. Видный историк оружия В. Г. Федоров заключал в силу вышесказанного: „При таком состоянии ручного огнестрельного оружия становится понятным, почему артиллерия в те времена имела решающее значение на исход сражений⁵⁵“.

Дистанция стрельбы на фазе артиллерийского боя, полагаем, превышала 100 м, что как раз и делало бессмысленным и ружейный огонь, и метание гранат из 6-фунтовых мортир, имевшихся на скампавеях (дальность стрельбы из последних составляла 110 м). Использоваться ружья и мортиры могли только при сближении со шведскими судами перед абордажем.

Пётр I сумел обеспечить количественный перевес в людях в бою в Рилакс-фиорде. Но насколько он был велик? Какова была численность личного состава на атаковавших шведов галерах?

Первым попытался ответить на этот вопрос А. З. Мышлаевский. Учёный, исходя из штатного комплекта экипажа имевшихся тогда во флоте скампавей „выборгского“ типа в 150 человек, предположил, что на 23 атаковавших с фронта позицию шведов галерах могло приближённо быть 3450 чел.⁵⁶ Историк не учёл того, что в боевом порядке российских галер могли находиться не только скампавеи, но и полугалеры со штатной численностью экипажей в 250 человек.

Для обоснования выдвинутого предположения А. З. Мышлаевский обратился к изучению обнаруженного им в архиве важного, но неполного источника — сводной ведомости, составлен-

ной по сведениям, которые были выписаны „ис поданных ведомостей от господ генералов, сколько которого полку и каких чинов было при взятии судов швецких“⁶⁵⁷. В названной ведомости приведены данные о штаб- и обер-офицерах, урядниках, нижних чинах и неслужащих из участвовавших в сражении в Рилакс-фиорде 11 полков: гвардейских Преображенского (257 чел.) и Семёновского (235 чел.), Первого и Второго гренадерских (304 и 248 чел. соответственно), Ингерманландского (701 чел.), Великолукского (260 чел.), Вологодского (119 чел.), Галицкого (227 чел.), Московского (122 чел.), Нижегородского (263 чел.) и Рязанского (204 чел.) — всего 2940 чел. Указано в ведомости, что в баталии командовали войсками генерал А. А. Вейде (при нём были генерал-адъютант Ю. Ю. Гейн и флигель-адъютант Дубровский) и бригадиры М. Я. Волков и П. Б. Лефорт (итого 2945 чел.).

В рассматриваемой сводной ведомости названы офицеры из ещё 4 полков и Морского батальона, также находившиеся на 23 галерах, штурмовавших боевой порядок шведских судов с фронта. Это 6 штаб- и обер-офицеров Шлиссельбургского полка, 9 Лефортовского, 3 Воронежского, 6 Копорского и 7 Морского батальона — всего 31 офицер, от прапорщиков до подполковника (итого 2976 чел.). А. З. Мышлаевский посчитал, что нижние чины перечисленных полков и Морского батальона не принимали участия в баталии. Причину столь странного отрыва офицеров от урядников и рядовых боевых частей он не назвал.

По нашему мнению, использованная А. З. Мышлаевским сводная ведомость просто была недописана по каким-то обстоятельствам. Среди бумаг походной канцелярии Ф. М. Апраксина есть „ведение“ от 13 апреля 1715 г. за подписью генерала А. А. Вейде и бригадира П. Б. Лефорта с сообщением численности сражавшихся „во время баталии, егда завоевали фрегат и галеры швецкие“, из Лефортовского полка — 325 чел.⁶⁵⁸, в т. ч. 14 офицеров. О числе тех, кто участвовал в сражении из состава Воронежского, Копорского и Шлиссельбургского полков, подобных документов нами не найдено.

Дополнить недостающие в сводной ведомости сведения об унтер-офицерском и рядовом составе участников боя в Рилакс-фиорде из Воронежского, Копорского и Шлиссельбургского полков можно по спискам получивших награды за Гангутскую баталию. В итоговом списке награждённых унтер-офицеров, рядовых и неслужащих от 7 февраля 1718 г. названы 53 человека из Воронежского полка, 116 — из Копорского, 88 — из

Шлиссельбургского (всего 257 чел.)⁶⁵⁹. Это число следует рассматривать как несколько заниженное, поскольку часть урядников и рядовых этих полков до момента награждения медалями могла выбыть. Из 325 воинов Лефортовского полка — участников баталии — медали, к примеру, получил 311 чел.⁶⁶⁰

Есть возможность достоверно установить и численность сражавшихся из Морского батальона. Позволяет это сделать хранящаяся в архиве „Роспись имянная морским служителем нижеписанных чинов, обретающихся при Санкт-Петербурхе и в армии, которые в баталию штурмовали швецкие суда“ от 3 декабря 1714 г., заверенная М. Х. Змаевичем⁶⁶¹. По „Росписи“, на указанную дату в Морском батальоне из участников сражения служили майор, 3 поручика, 3 подпоручика, батальонный квартирмейстер⁶⁶², из нижних чинов — подпрапорщик, 4 сержанта, 4 капрала, каптенармус, барабанщик и 91 рядовой (всего 110 чел., включая вышеупомянутых штаб- и обер-офицеров); ещё 89 человек, поимённо перечисленных в „Росписи“, служили в галерном флоте: М. Х. Змаевич, капитаны Я. А. Дежимон, Л. М. Демьянов, А. Ф. Миющик⁶⁶³, один поручик, один лекарь, из младшего командного состава — 2 комита, 8 подкомитов, из рядового — 26 пушкарей и 47 матросов. Кроме того, как сказано в „Росписи“ от 3 декабря 1714 г., были „побиты в баталию“ 3 подкомита, 4 пушкаря, 6 матросов, фельдшер Морского батальона и 2 матроса-иноземца (всего 16 чел.)⁶⁶⁴. Необходимо учесть также 110 убитых и 3 пропавших без вести в ходе боя в Рилакс-фиорде сухопутных чина (данные на 28 июля 1714 г.)⁶⁶⁵.

Получили золотые медали за баталию также и офицеры корабельного флота: капитан-поручик П. Х. Бредаль и капитан 3 ранга М. Грис⁶⁶⁶. Вручены были награды и находившемуся при Петре I его кабинет-секретарю А. В. Макарову, 2 царским денщикам С. И. Баклановскому и А. Юрову⁶⁶⁷, не учтённым в „Росписи“ от 3 декабря 1714 г. 4 гребцам шлюпки А. А. Вейде, квартирмейстеру и 12 гребцам шлюпки Ф. М. Апраксина, которые, согласно их челобитной, „во время баталии были з гоподами адъютантами в розезде“⁶⁶⁸.

Итак, если подвести общий итог, суммировав вышеизложенное, получается, что на надёжной документальной основе прослеживается участие во фронтальной атаке на шведскую эскадру в Рилакс-фиорде не менее 3900 чел. Нужно оговориться, что вычислить количество участников боя 27 июля 1714 г.

с точностью до единиц и десятков едва ли возможно, принимая во внимание состояние источниковой базы. С известной долей условности можно считать численность россиян — участников приступа на суда эскадры Н. Эреншельда с фронта — немного превышающей 3900 чел.

Имеющиеся среди бумаг походной канцелярии Ф. М. Апраксина документы дают возможность поставить и разрешить в принципе вопрос о том, как распределил Пётр I людей на 23 галерах.

Историки ещё не обращали внимания на важный для понимания флотоводческого искусства Петра I и общего замысла батальи источник — ведомость „Коликое число на штурме было з бригадиром Волковым штаб- и обор- и ундер-афицеров, капралов и редовых и неслужащих и ис того числа, что побито и ранено“⁶⁹.

Названный первоисточник содержит подробную роспись сухопутного личного состава, находившегося под командованием бригадира М. Я. Волкова и галерного капитана Л. М. Демьянова в отряде из 6 галер, образывавшем левое крыло боевого построения россиян перед сражением. Согласно ведомости, на 6 галерах размещались военнослужащие из 5 полков общей численностью 1273 чел. Хотя данные ведомости немного отличаются от тех, что имеются в анализировавшейся выше сводной ведомости об общем количестве участников сражения, это несколько не снижает её ценности (неточности в подсчётах возможны в любом из этих источников). В ведомости указано, что „на приступе“ были из гвардейского Семёновского полка 244 офицера, нижних чина и неслужащих, из Великолукского полка — 261 чел., из Второго гренадерского полка — 253 чел., из Галицкого — 251 чел., из Нижегородского — 264 чел.

Налицо факт особого усиления людьми левого крыла российского боевого порядка. Это заставляет предположить, что среди 6 галер левого фланга были не только скампавей (как уже упоминалось, штатное расписание команды скампавей — 150 чел.; на 6 скампавей — 900 чел.), но и определённое число полугалер (штатный комплект команд полугалер 250 чел.) — судя по общей численности экипажей судов левого крыла, 3 или 4 полугалеры.

Другой выявленный в архиве походной канцелярии Ф. М. Апраксина документ — ведомость за подписью генерал-майора И. И. Бутурлина с перечнем всех штаб-, обер-, унтер-офицерских

и рядовых чинов из 5 полков, датированная 30 июля 1714 г.⁷⁰ Ведомость содержит сведения об армейских чинах, размещавшихся на 6 галерах правого крыла — отряда, который находился под непосредственным командованием А. А. Вейде и капитан-командора М. Х. Змаевича. На этих 6 галерах, по ведомости, сражался 1461 человек. По полкам личный состав распределялся следующим образом: из Вологодского — 119 офицеров, урядников и нижних чинов, из Ингерманландского — 712 чел., из Московского — 122 чел., из Первого гренадерского — 304 чел. и из Рязанского — 204 чел.

Вышерассмотренная ведомость И. И. Бутурлина говорит о том, что и правое крыло было серьёзно усилено людьми. Исходя из численности сосредоточенных там людей (1461 чел. только сухопутных чинов вместо 900 чел. штатного личного состава на 6 скампавей), нелепо отрицать наличие на правом крыле полугалер. Наоборот, общее количество военнослужащих на судах правого фланга заставляет предполагать, что все они или, по меньшей мере, 5 из них являлись полугалерами. Название одной из них — 38-вёсельной полугалеры „Сом“, на которой сражались солдаты Вологодского полка, удалось установить благодаря челобитной от 23 мая 1716 г. находившихся на ней во время Гангутской батальи 2 матросов галерного флота и 3 солдат Морского батальона, обойдённых при награждении медалями⁷¹.

Совокупное изучение отложившейся в походной канцелярии Ф. М. Апраксина документации позволяет округлённо определить и численность личного состава на 11 галерах середины

89

Полугалера № 17 галерного флота капитана
А. А. Вейде М. Х. Змаевича
88 15, это в 30 человек

Расписка галерного капитана Я. А. Дежнева в получении медали и золотой цепи за Гангутское сражение. 1715 г. РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

боевого построения россиян перед баталией.

В упоминавшемся уже „ведении“ о количестве офицеров и нижних чинов Лефортовского полка, принимавших участие в бою в Рилакс-фиорде, от 13 апреля 1715 г. сказано, что на 3 скампавеях с бригадиром П. Б. Лефортом находились 325 штаб-, обер-офицеров, урядников и рядовых⁷². На 2 других скампавеях в отряде из 11 галер под общим командованием П. Б. Лефорта и Я. А. Дежимона, согласно аналогичному „ведению“ за подписью гвардии подполковника Преображенского полка князя В. В. Долгорукова от 26 ноября 1714 г., были солдаты Преображенского полка. На первой скампавее под командой капитана 2-й полковой роты С. Фёдорова — 130 чел., на второй под командованием капитана 7-й роты С. Ф. Пискорского — 127 чел. (всего 257 чел.)⁷³. На остальных 6 галерах центра были, согласно документам, 15 штаб- и обер-офицеров Воронежского, Копорского и Шлиссельбургского полков⁷⁴, соответственно 53, 116 и 88 нижних чинов этих полков, награждённых позднее за участие в сражении⁷⁵.

Подводя итог, получаем, что на 11 галерах среднего отряда в бою участвовали не менее 854 армейских чинов (моряки галерного флота и Морского батальона не входят в это число, они распределялись по всем 23 галерам). Такой „ослабленный“ состав этого отряда объясняется той ролью, которую намечал для него в предстоящем сражении Пётр I — артиллерийский бой и абсорбирование силами всех 11 галер одного прама „Элефант“.

В таком распределении личного состава и расположении 23 полугалер и скампавей атаковавшего шведов авангарда просматривается замысел Петра I — абордаж неприятельской эскадры начинать с флангов, постепенно продвигаясь к праму, стоящему в середине позиции.

Когда всё было готово к началу сражения, по приказу генерал-адмирала Апраксина к командующему шведской эскадрой

*П. И. Ягужинский.
Гравюра Г. Афанасьева*

для переговоров о сдаче в плен без пролития крови был послан в шлюпке под белым флагом генерал-адъютант П. И. Ягужинский.

Использовавший собственноручное жизнеописание шведского шаутбенахта К. Г. Торнквист писал, что, когда от русского генерал-адмирала к Эреншельду прибыл посланец, генерал-адъютант, и предложил ему сдаться, последний гордо ответил, что он не для того получил от короля несколько кораблей под свою команду, чтобы сдать их без боя, что он не собирается вести переговоры о сдаче в плен и чтобы Апраксин не тешил себя мыслью, что он может совершить такое, пока в его жилах течёт кровь⁷⁶.

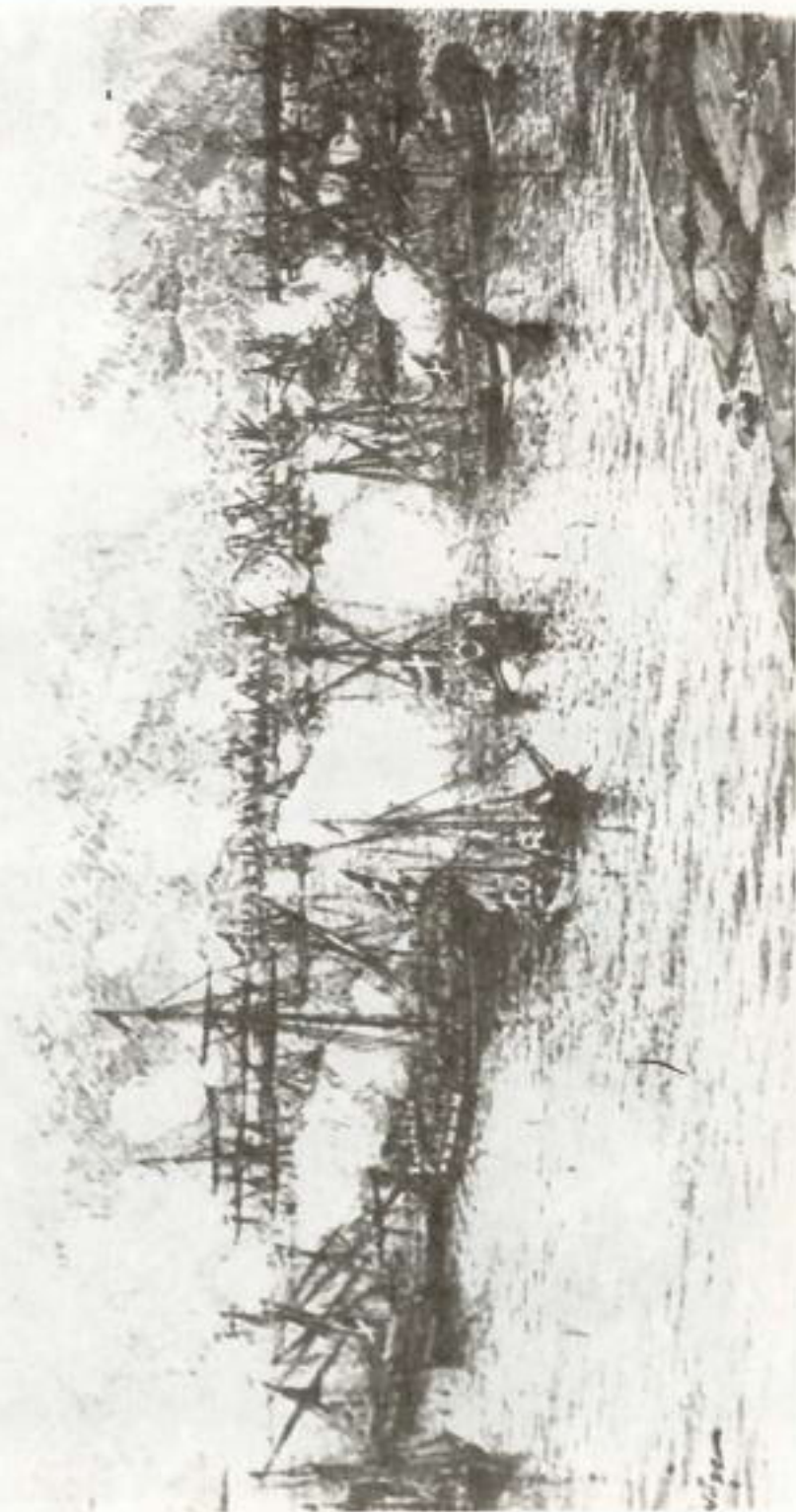
Служивший в эти годы в русском корабельном флоте англичанин Д. Ден в своём сочинении тоже передал ход переговоров. О них, конечно, шли разговоры в морской среде, вспоминать о них прилюдно могли также и Ягужинский, и сам Эреншельд. К этому источнику и восходят сведения офицера-англичанина. По Д. Дену, Ягужинский предложил шведскому флагману немедленно спустить флаг, указав на невозможность уйти и „на благоразумие избежать пролития христианской крови“, обещав при этом ему и всем его подчинённым хорошее обращение в плену. Ягужинский заявил, что в случае отказа незамедлительно со стороны российских галер начнётся „яростная атака“ и оставшимся в живых шведам придётся смириться с участью обычных военнопленных⁷⁷. Ответ Эреншельда в передаче Д. Дена напоминает слова шведского шаутбенахта, приведённые К. Г. Торнквистом: „Я всю жизнь служил с неизменной верностью своему королю и отечеству и, как я до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы. Царю как от меня, так и от подчинённых моих нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решил нас заполнить, мы ещё с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха“⁷⁸. Я. де Би в донесении парламенту Голландии от 9 августа 1714 г. из Петербурга, со слов А. Д. Меншикова, имевшего подробные сведения о баталии от особого посланца Петра I, участника баталии З. Д. Мишукова, сообщал, что Эреншельд дал на предложение Ягужинского „в умеренных выражениях твердый и положительный отказ“⁷⁹.

В соответствии с К. Г. Торнквистом, как только ответ Эреншельда был передан российскому генерал-адмиралу, последний в 2 часа пополудни отдал приказ о начале атаки, и „тотчас 35

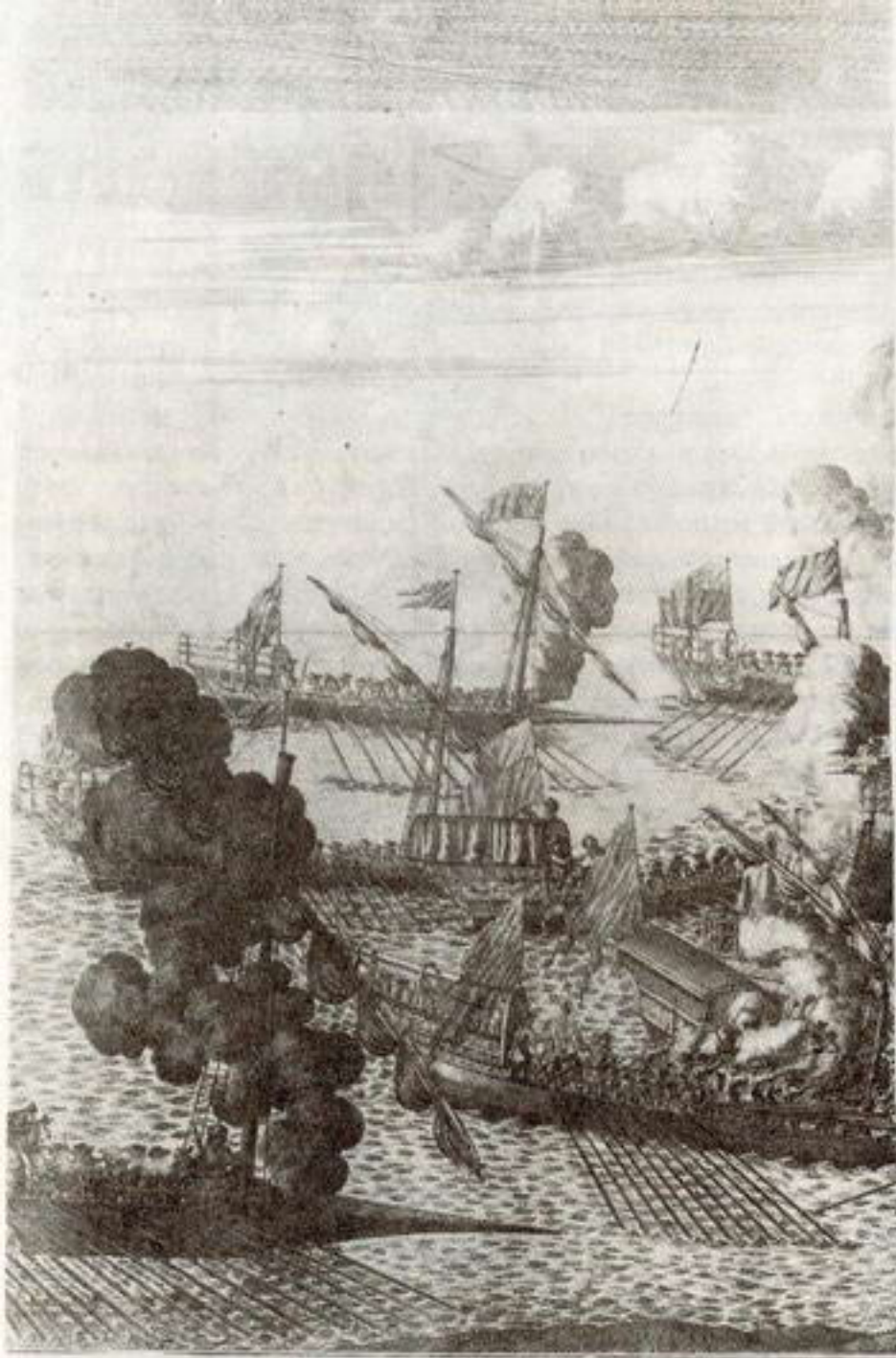
галер на всех вёслах атаковали 7 шведских кораблей“, стоявших в первой линии. Шведский историк рисует далее такую тактическую картину сражения. Подчинённые Эреншельду офицеры по его приказу не обращали внимания на орудийные выстрелы с приближавшихся российских галер до тех пор, пока противник не подошёл на расстояние полупистолетного выстрела (25–35 м). По словам историка, этот требовавший мужества и выдержки тактический приём „возымел хорошее действие“, и после второго залпа со шведских судов неприятель „под душераздирающие крики раненых повернул обратно с такой же поспешностью, как подошёл“⁸⁰.

В последующем изложении у К. Г. Торнквиста также на первый план выдвигается стремление россиян как можно быстрее свалиться на бордаж со шведскими судами. После отражения первого приступа на помощь атаковавшим 35 галерам русских посылаются ещё 95. „Эта угрожающая масса“ галер — весь галерный флот Ф. М. Апраксина — вступает в сражение со шведской эскадрой. „Борьба разгорелась с новой силой“, россияне „в дикой ярости“ штурмуют шведские суда. Шведы „десятикратно“ мстят россиянам за погибающих соратников. Однако „после второй отбитой атаки“ шведские галеры были побеждены. Но оставался ещё „прам, на котором Эреншельд являл собой образец храбрости“. Прам „Элефант“ тогда „был ещё в таком положении, что никто не осмеливался дерзнуть приблизиться к нему“. Наконец и прам был со всех сторон окружён множеством русских галер, подошедших прямо под его пушки. „Большая часть команды пала с оружием в руках“. Раненый Эреншельд в обгоревшей одежде повсюду организовывал оборону „в то время, когда русские готовились к последнему штурму“. В этот ответственный момент боя он подбежал к фалреп-трапу, чтобы удержать одного из офицеров, пытавшегося сойти в шлюпку и бежать. Именно тогда он получил новые раны в левое бедро и руку, от которых упал через поручни вниз головой, но, запутавшись в оснастке, так и остался в подвешенном состоянии за бортом до тех пор, пока его, уже без чувств, не пленили русские⁸¹.

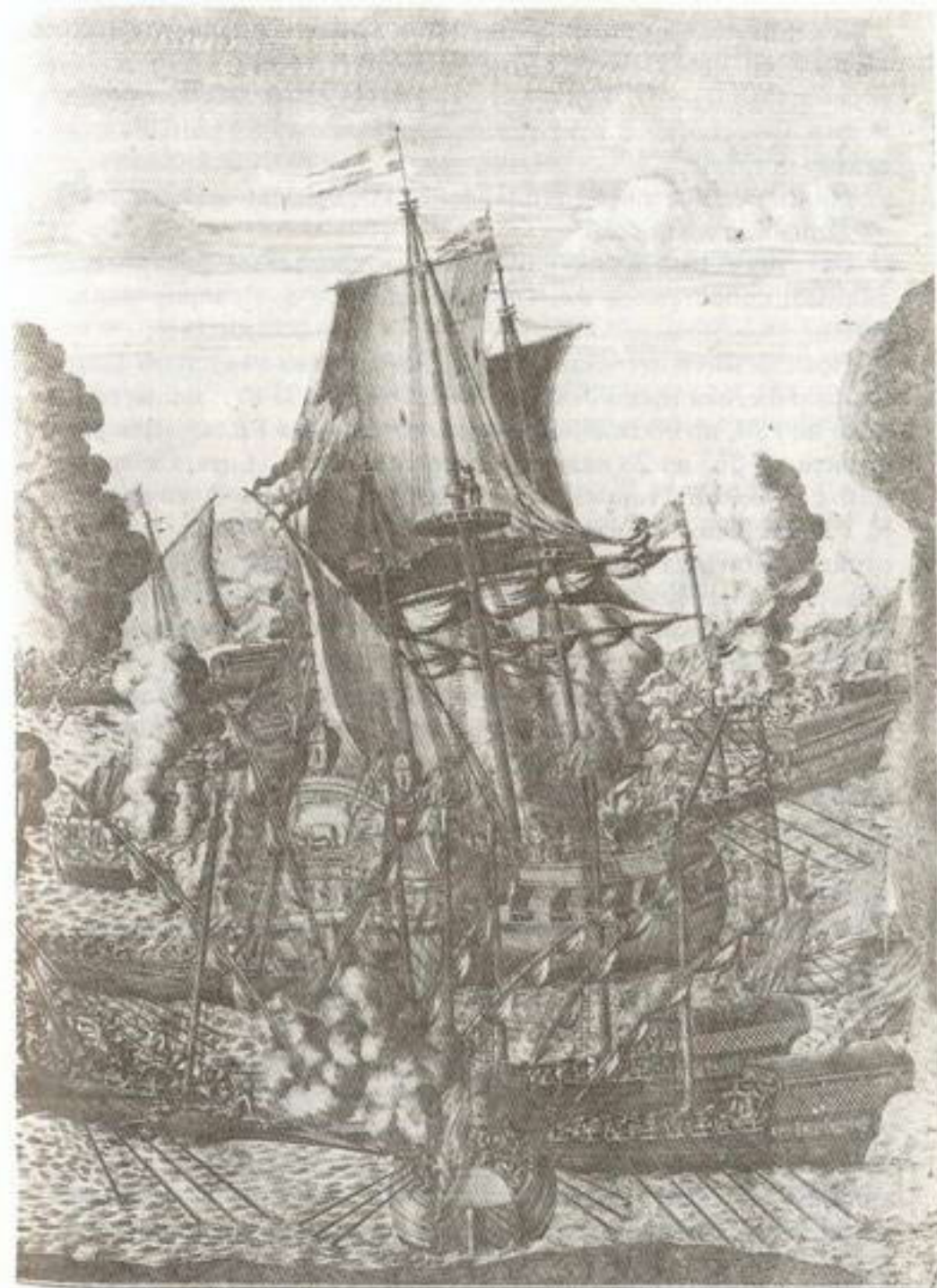
Такова „шведская версия“ сражения в Рилакс-фиорде. Возражая Й. А. Нордбергу, утверждавшему, что как раз сам Эреншельд хотел скрыться с места боя в шлюпке, К. Г. Торнквист

Гангутская баталия. Художник Я. Хэгг

БАТАЛИЯ БЛИЗЪ АНГУТА ПРИ

УРОЧИЩЕ РИАЛТО ШЕЛЪ 1798

с досадой писал в примечании: „Моё изложение является извлечением из собственноручного жизнеописания шаутбенахта (Эреншельда. — П. К.), с которого была сообщена заверенная копия. Она соответствует также написанному им раньше донесению-отчету“⁸².

Можно ли доверять сочинению К. Г. Торнквиста относительно описания хода боя?

Следует внимательно изучить приведённые им фактические данные, сопоставить их, где возможно, с достоверно известными.

Прежде всего, в составе российского гребно-парусного флота, прорвавшегося мимо Гангута 26–27 июля 1714 г., численность вала не 130, но 98 галер. Атаковали шведов в Рилакс-фиорде с фронта не 35, но 23 галеры. Данные о числе убитых в сражении с русской стороны (3000 чел.) завышены в сочинении К. Г. Торнквиста почти в 24 раза (127 чел. на 27 июля 1714 г.), о числе раненых (1600 чел.) — почти в 5 раз (с 342 чел.)⁸³. Неверно и утверждение, что всего-навсего 60 галер россиян были в состоянии из-за повреждений в ходе боя продолжить через 8 дней путь к Або⁸⁴, так как известно, что 1 августа 1714 г. „генерал-адмирал... со всем флотом галерным пошёл к Абову“⁸⁵. Иначе, согласно походным журналам Петра I и Ф. М. Апраксина, представляется и эпизод пленения Эреншельда: „Шаудбейнахт, опустя флаг, вскочил в шлюпку с своими гренадеры и хотел уйтить, но от наших пойман, а именно Ингермоланского полку от капитана Бакеева с гренадеры“⁸⁶. Преследование шлюпки шведского командующего, стремящегося скрыться со своими гренадерами, шлюпкой под андреевским флагом капитана С. Г. Бакеева изображено и на изготовленной вскоре после сражения П. Пикартом гравюре „План с прешпектом о бывшей акции...“⁸⁷

На „собственноручное жизнеописание“ Эреншельда, видимо, повлияла сложившаяся в шведской литературе в начале XVIII в. традиция преподнесения воинских дел шведов, когда, как обстоятельно показал литературовед Д. М. Шарышкин, изучавший дневники и разного рода жизнеописания шведов, пленённых под Полтавою, даже поражения их выдавались за победы⁸⁸. Сочинение К. Г. Торнквиста, как доказывает сопоста-

„Баталія близ Гангута при урочище Рилакс-фиель.“

Гравюра А. Ф. Зубова 1715 г.

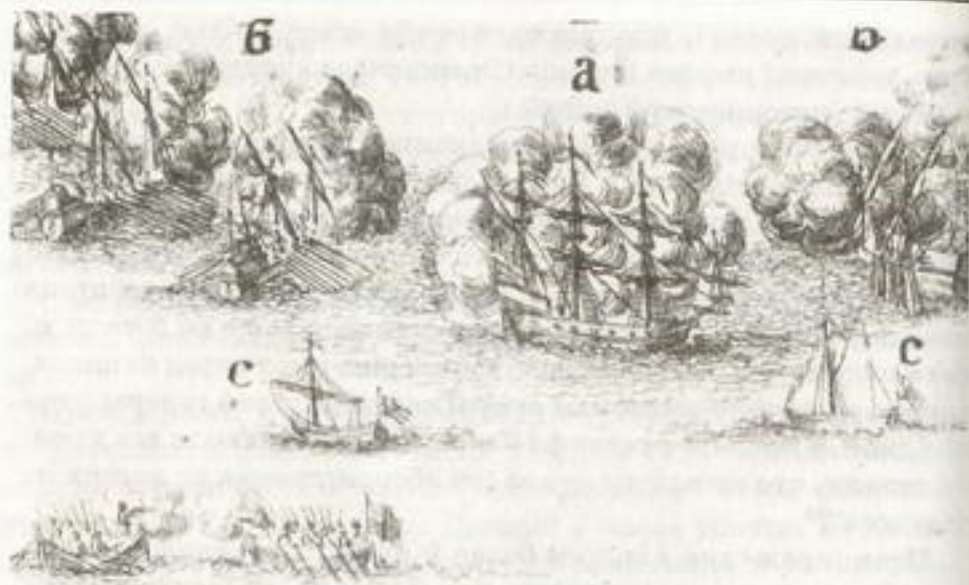
вительный анализ, пронизано, прежде всего, целью возвеличить действия шведов и самого Эреншельда в ущерб россиянам и за счёт исторической истины.

Походный журнал Ф. М. Апраксина содержит весьма краткое описание хода боя в Рилакс-фиорде. Получив от Н. Эреншельда отказ сдаться, „генерал-адмирал дал сигнал авангардии нашей — поднятием синяго флага с трынкетовой райны с единым выстрелом из пушки — оного атаковать, которая атака началась 2 часа пополудни и продолжилась даже до 5 часу; и, хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однако ж по зело жестоком супротивлении перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили; однако ж так крепко стояли, что ни единое судно без абордированья от наших не отдалось“⁸⁹.

Итак, сражение длилось более 2 часов,⁹⁰ отличалось чрезвычайно упорным характером, шведы, имея „несравненную“ с российской артиллерию (подразумевается наличие 2 36- и 4 18-фунтовых носовых орудий на шведских галерах), оказывали „зело жестокое“ сопротивление. После артиллерийской перестрелки бой перешёл в стадию абордажа. На этом этапе шведы, как и ранее, „крепко стояли“, отбиваясь от штурмовавших. Россияне действовали в жаркие минуты абордажной схватки храбро и самоотверженно. Их поведение ярко охарактеризовано в походном журнале Петра I: „Воистинну нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абордированье так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны“⁹¹. Одна за одной были захвачены галеры шведов, последним был спущен флаг на праме „Элефант“.

Так освещён ход боя в Рилакс-фиорде в походных журналах российских флотоводцев — Ф. М. Апраксина и Петра I.

После знакомства с этими основополагающими для истории Гангутского сражения русскими первоисточниками невольно возникает вопрос, почему в них говорится только об одной атаке россиян на шведскую позицию („атака началась... и продолжилась даже до пятого часа“). Во всех трудах историков, где подробно рассмотрен ход боя 27 июля 1714 г., говорится, что первые 2 лобовые атаки россиян были отбиты перекрёстным огнём сильной шведской артиллерии и только третья атака, направленная в силу этого на фланговые галеры шведов (что затруднило использование ими всей артиллерии), завершив-

*Пленение Н. Эреншельда шлюпкой капитана С. Г. Бакеева.
С гравюры П. Пикарта „План с прешпектом о бывшей акции...“*

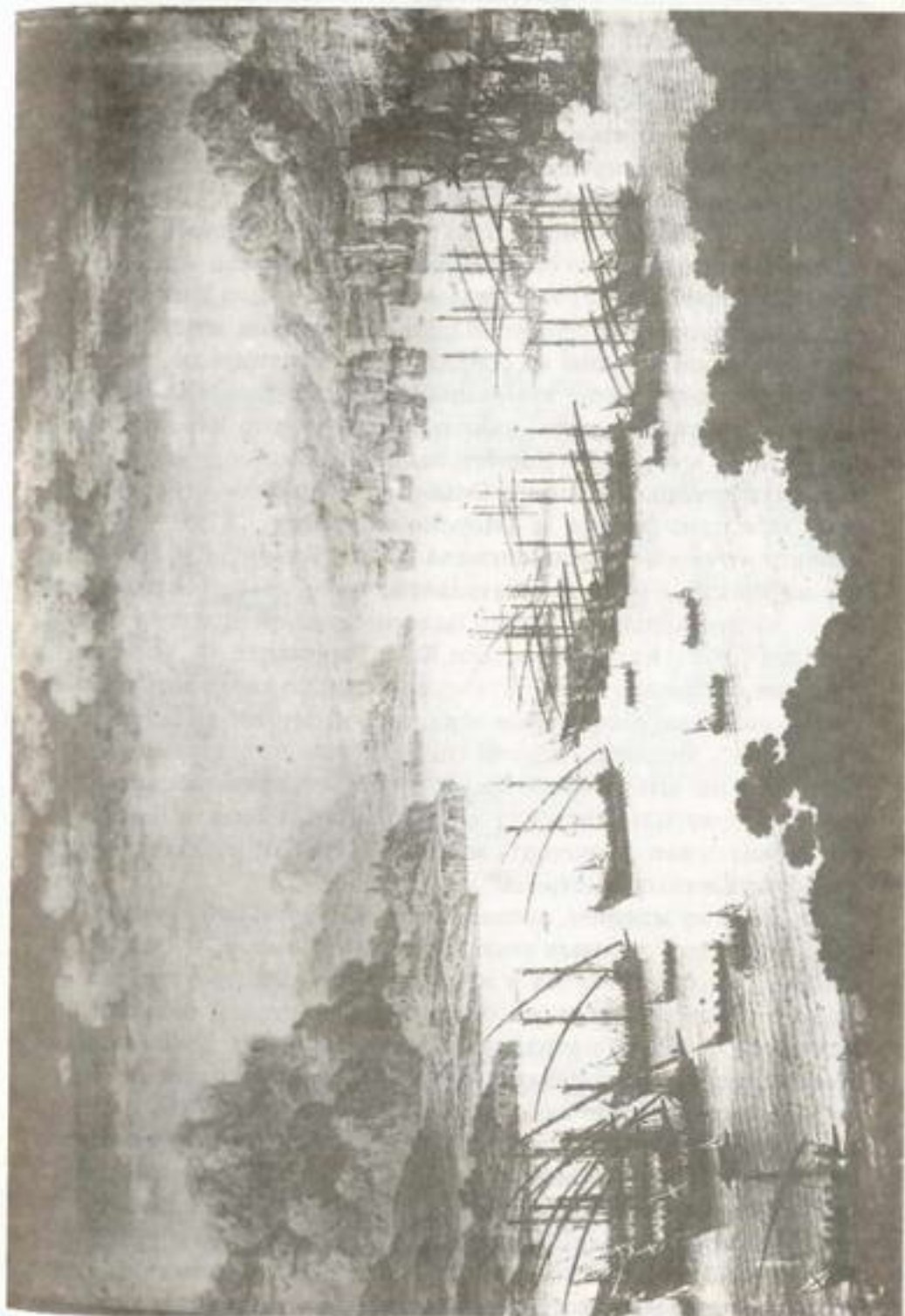
шаяся последовательным абордажем шведских судов, принесла победу русскому флоту.

Помимо описаний Гангутской баталии в походных журналах Ф. М. Апраксина и Петра I, есть ещё доказательства того, что шведы не отражали 2 атак российских галер. Хорошо осведомлённый Я. де Би так писал парламенту Голландии 9 августа 1714 г. из Петербурга о действиях россиян после получения от Эреншельда отказа сдаться: „... со стороны русских началась атака, горячо продолжавшаяся до того времени, когда русские, приблизившись к неприятельским судам, окончательно всеми ими овладели“⁹². Это ценное свидетельство, поскольку получено оно было Я. де Би непосредственно от А. Д. Меншикова, которому, как уже было сказано, детали боя были известны из уст З. Д. Мишукова, прибывшего в Петербург с места сражения по поручению царя.

Кроме того, в походных журналах Ф. М. Апраксина, Петра I, показаниях участников сражения упоминается только один сигнал для атаки шведов силами авангарда галерного флота (поднятие синего флага на тринкетовой рее с выстрелом из пуш-

Сражение русских галер с эскадрой Н. Эреншельда.

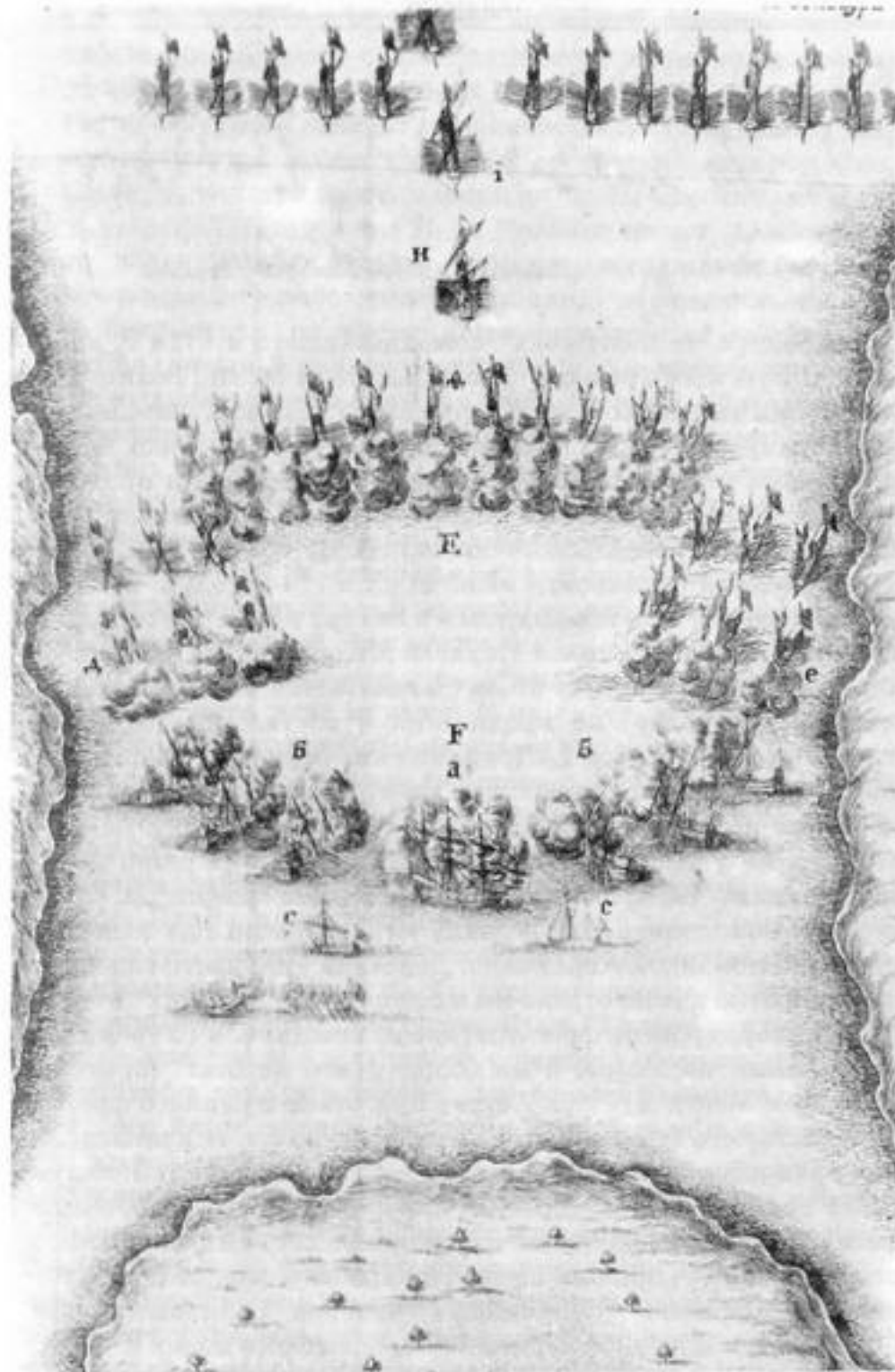
Худ. Гревенбрук. Первая треть XVIII в.

ки), который был дан с флагманской полугалеры Апраксина „Св. Наталия“⁹³, что также обосновывает утверждение, что атака шведской эскадры была лишь одна.

Значение вышеназванного сигнала раскрывается в изданной в Петербурге накануне открытия кампании 1714 г., 7 апреля, для офицеров галерного флота карманной книжке „Генералные сигналы, которые чинены будут во флоте его царского величества Всероссийского Петра Перваго от генерала-адмирала на весь флот гребных судов“. Седьмой пункт книги гласит: „Когда адмирал-генерал похочет, дабы авангардии итить или послать по рассмотрению на обордирунг к неприятелю, тогда будет поднят один флаг весь синей у тринкетовой андривели“⁹⁴ (то есть на канате, закрепляющем косую рею передней мачты. — П. К.), и райна тринкетовая к баталии поднята будет, и выстрелит из одной пушки“. Описание этого сигнала было включено и в приложение к „Морскому уставу“ (1720 г.)⁹⁵. Выяснение точного смысла сигнала с полугалеры „Св. Наталия“ также даёт ещё одно доказательство того, что атака шведской эскадры проводилась силами одного авангарда, а не всего галерного флота, как утверждали К. Г. Торнквист, Ф. К. Росваль и другие историки. Если бы генерал-адмирал хотел дать приказ, чтобы „все три генералные эскадры пошли на приступ к неприятелю“, он дал бы другой сигнал — поднял царский штандарт на флагштоке тринкетовой мачты, распустил при этом генерал-адмиральские флаги, приказал бы бить в барабан и литавры сигнал „в поход“, играть на трубах и одновременно дать 3 пушечных выстрела⁹⁶.

По нашему мнению, заявление Торнквиста, что шведам удалось отразить 2 лобовых атаки российских галер, — фальсификация. Она вписывается в круг тех сильных преувеличений, которые содержатся в его описании Гангутской баталии, согласуется с общей направленностью шведских сочинений на возвеличивание подвигов шведов в сражениях и одновременное принижение российской стороны. Любопытно, что с такой целью в „воспоминаниях“ шведских пленников в России нередко применялся приём утраты. Д. М. Шарыпкин привёл пример одного из сочинений такого рода: русские якобы трижды предлагали шведам сдаться под Переволочной в 1709 г., и лишь после троекратно повторенного предложения последние решились на сдачу, хотя в действительности это произошло по первому требованию⁹⁷.

Сражение в Рилакс-фиорде. С гравюры П. Пикарта
„План с прешпектом о бывшей акции...“

Подпись М. М. Голицына. РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

В „Экстракте о службах“ командовавшего в 1714 г. арьергардом русского гребного флота генерала М. М. Голицына о действиях вверенных ему галер сказано: „... как у посланного на абордирунг генерала Вейде с неприятелем началось дело, и в то время по сигналу он с шквadroю арьергардии пригрёб в сикурс, и неприятельския суда отдались“⁹⁸. В „сказках“ офицеров Второго гренадерского полка Г. Б. Нетесева и Т. М. Штока тоже имеются одинаковые записи: „...в 714-м году... во время взятъя фрегату был командрован в сикурс в команде господина генерала и ковалера князя Михайла Михайловича Голицына“⁹⁹. Однако в данном случае не подразумевается вступление в бой каких-либо галер, не входивших в состав авангарда под командованием Петра I. Приближение эскадры арьергарда к месту сражения было лишено даже демонстративного воздействия на неприятеля: шведы, скорее всего, его и не заметили, потому что густые клубы порохового дыма резко уменьшали видимость. Кроме того, перед эскадрой арьергарда, ближе к месту боя, стояла ещё эскадра кордебатальни под непосредственной командой Апраксина. Действия этой части галерного флота кратко и ясно отражены в офицерских „сказках“ 1720 г.: „когда обордировали фрегат и галеры швецкие, в то время стоял в линии на якоре, а на абордирунге не был“ (бригадир И. А. фон Менгден)¹⁰⁰, „в Ангуте при отаке швецкаго фрегата и до взятъя его был же и стоял з галерою во флоте в шквadre... генерала-адмирала графа Апраксина“ (подполковник Вологодского полка П. И. Засецкий)¹⁰¹, „прошли швецкой карабелной флот и стояли под фрегатом“, „прошли швецкой флот и стояли под фрегадом“, „прошли швецкой карабелной флот и стояли у швецкого фрегата“ (поручик А. Учителев, полковые профос С. Филатов и писарь Г. Зернов из Воронежского полка)¹⁰² и т.п. На гравюрах от 9 августа 1714 г., с изображением щита-транспаранта во время фейерверка 12 сентября 1714 г. и „План с прешпектом о бывшей акции...“ тоже показано, что галеры

кордебатальни во время сражения стояли в линию за местом боя (на них изображена лишь их первая линия).

В существующей литературе в качестве главной задачи россиян выдвигается захват шведских судов в абордажном бою, поскольку артиллерия галер авангарда якобы значительно уступала шведской. К примеру, Н. В. Новиков писал: „Обе первые атаки, после которых русские скампавеи вынуждены были отходить в исходное положение, показали, что фронтальная атака на неприятеля не обеспечивает возможности сойтись для абордажа, который являлся основной целью атакующих“¹⁰³.

Представляется, что бо́льшая часть времени в батальи при Гангуте ушла у россиян не на попытки, преодолев артиллерийский огонь шведов, сблизиться с неприятельскими судами для их абордажа, что стало бы причиной крупных потерь, но на его подготовку массивным орудийным огнём.

После того как на генерал-адмиральской полугалере прозвучал пушечный выстрел и на тринкетовой рее взвился синий флаг, начался первый этап сражения — артиллерийский бой эскадр Петра I и Н. Эреншельда. Артиллерийская перестрелка со шведами хотя и не привела к их сдаче, но тем не менее создала лучшие условия для абордажа на заключительной стадии сражения, сократив число потерь с русской стороны. Артиллерийский бой эскадр в Рилакс-фиорде запечатлён на рисунке пером от 28–29 июля 1714 г., гравюрах от 9 августа 1714 г. и с фейерверочным щитом-транспарантом 12 сентября 1714 г., гравюре „План с прешпектом о бывшей акции...“: российские галеры ведут ожесточённое артиллерийское сражение со шведскими праом и галерами, клубы густого порохового дыма частично скрывают очертания судов. Если 11 галер центра находятся на известном удалении от шведского боевого порядка, то фланговые отряды в значительно большей степени придвинуты к крайним галерам флотилии Эреншельда и сражаются на короткой дистанции.

Стоявший с корабельным флотом у мыса Гангут на расстоянии около 15 км от места сражения адмирал Г. Ватранг приказал отметить во флагманском журнале, что после обеда 27 июля со стороны берега слышалась „сильная пальба“, что, как предполагали на шведском флоте, означало атаку на эскадру Эреншельда в шхерах Рилакс-фиорда¹⁰⁴. Пётр I в письмах-известиях о Гангутской победе писал, что она была одержана „по многом и зело жестоком огне“¹⁰⁵. По показаниям подпра-

порщика А. Мачихина, сержанта С. Савельева, каптенармуса И. Привалова, бывших в бою на галере подполковника Нижегородского полка Я. М. Бордовика, в ходе сражения такой „был от стрельбы дым великой“, что они даже не могли разглядеть шлюпки, в которой находился Бордовик где-то рядом с галерами, на которых были под его командой солдаты¹⁰⁶. Й. А. Нордберг сообщает, что в бою дважды загорался прам „Элефант“, а перед тем, как россияне пошли на его абордаж, „пламя... вспыхнуло на праме в третий раз“. Факт последнего пожара отмечали также офицер флота Д. Ден¹⁰⁷, армейский капитан М. Камол и нижние чины — участники абордажа¹⁰⁸.

Обстановку сражения, характер действий российских офицеров и солдат живо передают материалы судебного дела по ложному обвинению подполковника Нижегородского полка Я. М. Бордовика в трусости в бою в Рилакс-фиорде. Находившийся на скампавее Бордовика капитан того же полка М. Камол свидетельствовал, что перед началом баталии, когда ещё с полугалеры генерал-адмирала не был дан сигнал вступить в сражение, на скампавею Бордовика прибыл полковник Рязанского полка И. И. фан Равенштейн и приказал Бордовику „сойти в шлюпку и командовать скампавеями“. Когда же подполковник стал садиться в шлюпку, „из пушки выпалили лозон до приступу“, и он, по словам Камола, приказал ему со скампавеей двигаться к праму „Элефант“ („приказал мне идти на неприятельской фрегат“), сам же „поехал в шлюпке“¹⁰⁹.

Подтверждает и дополняет вышеприведённое свидетельство М. Камола показание поручика того же Нижегородского полка Ю. Нетельгорста, бывшего в бою на той же скампавее Я. М. Бордовика. Он заявил, что И. И. фан Равенштейн отдал приказ подполковнику Бордовику „командовать левым крылом — тремя скампавей (имеется в виду левое крыло среднего отряда из 11 галер. — П. К.) и чтоб шли порядочно“. Когда был дан сигнал о начале сражения, Бордовик сел в шлюпку, после чего „поехал позади скампавей и, выняв шпагу... стал своей команды скампавеями командовать“¹¹⁰.

Одинаковые показания о характере действий командиров галер в сражении дали трое из гребцов шлюпки Бордовика. Об его поведении они говорили так: „В шлюпке поехал к скампавеям команды своей и, обнажа шпагу, стал управлять и приказывать скампавеям, чтоб шли порядочно и поспешали к делу, а как стали приставать, из мелкого ружья первая стрельба

зачалась, и тогда господин подполковник взошёл на скампавею...“¹¹¹.

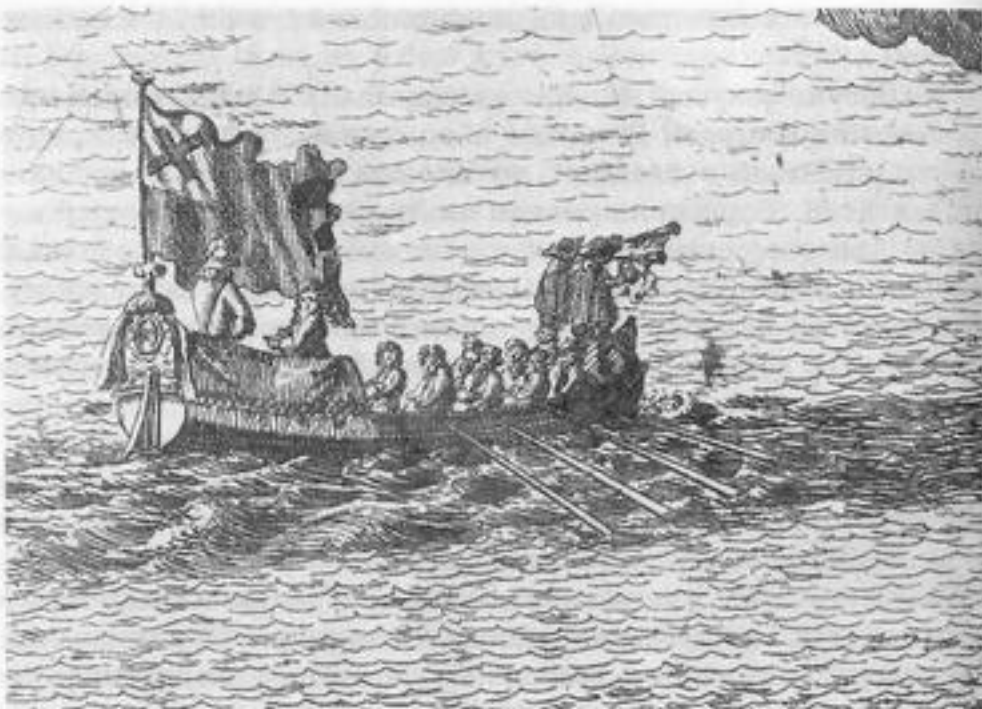
Вышеупомянутый М. Камол передавал и следующие подробности сражения. Во время абордажной схватки, когда галеры „пристали к фрегату“, только около 20 человек со скампавей Я. М. Бордовика смогли взойти на неприятельский корабль „за утеснением“ от скопившихся там людей, шведов и россиян, и потому, что на „Элефанте“ вспыхнул пожар. Скученность на палубе прам в момент его захвата россиянами была столь велика, что, по рассказу М. Камола, „от тесноты многие падали с фрегату в воду“¹¹².

Какова была роль ружейного огня в бою в Рилакс-фиорде?

Учитывая малую дальность прицельного огня из ручного оружия того времени (фузеи, мушкетеры, штуцеры, пистолеты) и особенно условия морского сражения (качка галер от орудийной стрельбы, густые клубы дыма), стрельба из него имела смысл только на предельно малых дистанциях. Нет оснований не доверять показанию гребцов шлюпки Я. М. Бордовика, утверждавших, что ружейный огонь россияне открыли лишь тогда, „как стали приставать“ к шведским судам.

Стрельба из ручного оружия велась перед абордажным штурмом и во время его, когда суда сблизилась на предельно малые дистанции. Обнаруженные в архивах полков — участников Гангутской баталии — сведения позволяют говорить об очень высокой степени интенсивности такого огня на заключительном этапе сражения. В полковой книге Ингерманландского полка, из состава которого в баталии участвовал 701 чел. (по другим сведениям, 712 чел.), записано: „В 714-м году при взятые шведского фрегата и галер выполнено пуль и картечь 19 852, весом свинцу 41 пуд 64 золотника“¹¹³. Следовательно, на одного человека приходится примерно по 28 выстрелов (картечью тоже стреляли из мелкого ручного оружия, например из мушкетёров). Бывшие в бою на галерах центра военнослужащие Копорского полка также вели ружейную стрельбу. В полковой книге отмечен расход: „Во время взятые шведского фрегада... выпалено патронов с пули 530, картечи зарядов 530“¹¹⁴, то есть воины полка также сделали немалое количество выстрелов пулями и картечью.

Итак, россияне вели сильный обстрел неприятельских судов из ручного огнестрельного оружия, о чём свидетельствуют приведённые выше данные из полковых архивов.

Шлюпка с гребцами и офицером. 1714 г. С гравюры Г. де Вита

Сам ход атаки шведской флотилии, его тактическая организация требуют внимательного изучения. А. З. Мышлаевский, к примеру, высказал такой взгляд на тактику Гангутского сражения: „О манёврах или поддержке тыловыми эшелонами не могло быть и речи по недостатку места; было несложное фронтальное столкновение, в котором не могло быть применено тактическое искусство ни тою, ни другою стороною. Под жестоким огнём ядер и картечи два раза подходили скампаваи Вейде к противнику и два раза были отбиты. Наконец, подпираемые с тылу прочими судами, отчасти охватив противника с флангов, суда двинулись на абордаж“¹¹⁵.

Изучение документов, свидетельств участников баталии даёт возможность по-иному оценить тактику российской стороны.

Во-первых, как выше было показано, единственную атаку шведской флотилии галеры центра и флангов начали одновременно, что лишало шведов выгодной возможности сосредоточить огонь всех своих орудий только на том отряде, который попытался бы атаковать первым.

Во-вторых, по словам уже упоминавшегося капитана Нижегородского полка М. Камола, после того как „из пушки выпа-

лили лозон (лозунг. — П. К.) до приступа“, то есть сигнал идти в атаку, всем 11 галерам центра было „повелено итти на фрегат“¹¹⁶ (фланговые отряды атаковали галеры шведов). Это принципиальная черта тактического замысла Петра I — ударить превосходящими силами, сразу же 11 скампавеями, по флагманскому кораблю противника, имевшему наиболее сильную артиллерию и высокие борты.

В-третьих, как ранее было документально доказано, Пётр I особенно усилил личным составом по сравнению с отрядом центра левый и правый фланги. По нашему мнению, он включил во фланговые отряды определённое число полугалер с более сильной, чем у скампавей, артиллерией.

В-четвертых, как удалось выяснить, в ходе боя в Рилакс-фиорде в тыл эскадры Эреншельда по приказу Петра I были посланы 4 скампаваи под командованием подполковника Лефортовского полка Д. Л. Порецкого. Одна из них (командиры: капитан галерного флота А. Ф. Миющик и капитан Лефортовского полка С. С. Мозалевский) вступила в бой на завершающем этапе сражения, 3 же других „к потребе (бою. — П. К.) не успели“. Этот обходной манёвр 4 скампавей, согласно найденному документу, был совершён „вкруг острова в тыл шведских судов“.

В существующей литературе вплоть до 1990 г. факт обходного манёвра 4 российских скампавей в тыл шведам не был отмечен¹¹⁷. Считалось, что расположение эскадры Эреншельда лишало россиян такой возможности. А. Мюнте, например, писал: „Эта позиция, бесспорно, была хорошо выбрана, ибо эскадра не могла подвергнуться нападению как в обход флангов, так и с тыла, но только с фронта, где подобно настоящей крепости лежал прам“¹¹⁸.

Описание манёвра скампавей в тыл противника обнаружено нами в архивном документе — „ведении“ А. А. Вейде от декабря 1714 г. В этом документе Вейде представлял к награждению золотыми медалями штаб- и обер-офицеров той скампаваи, которая успела завершить обходной манёвр и атаковать шведов с тыла. Приведём ниже текст этого важного источника.

„Ведение от дивизии моей Лефортовского полку и морского флоту офицером, которые были на скампавае с подполковником Парецким во время потребы на море с шведскими судами сего 1714-го году июля 27-го числа, в которую команду был послан с четырьмя скампавеями по указу царского величества вкруг

острова в тыл шведских судов чрез генерала-адъютанта Павла Ивановича Егозинского (П. И. Ягужинского. — П. К.), о чём вышепомянутый господин генерал-адъютант засвидетельствует письменно за своею рукою. А прочие 3 скампавеи ево, Парецковой, команды к потребе не успели, и на оных обретающиеся офицеры здесь никто упомянуты суть: морского флота капитан Миошик, Лефортовского полку капитан Сава Мозалевской, поручики Борис Третьяков, Василий Конищев, прапорщик Яков Войнов¹¹⁹.

В марте 1720 г. названные офицеры Лефортовского полка в рассказах о своей службе („сказках“) писали об этом примечательном эпизоде Гангутского сражения: „в 714-м году был на службе на голерах и командован был к шведскому фрегату и галерам на приступ“ (С. С. Мозалевский)¹²⁰, „был на галере полку нашего с подполковником Порецким, и, как фрегат и галеры швецкия брали, и я на галере был в сикурстве“ (от франц. secours — помощь; Б. М. Третьяков)¹²¹, „в 714-м году командован был к шведскому фрегату и галерам на приступ“ (В. Д. Конищев)¹²², „как брали фрегад и галеры швецкие, и я при том был“ (Я. Ф. Войнов)¹²³.

Находившиеся на других скампавеях посланного в тыл шведам отряда Д. Л. Порецкого офицеры также говорили о своём участии в этом обходном манёвре: „галеры швецкие атаковали, и командован я был з галерою в сикурства з господином подполковником Порецким“¹²⁴ (Иван Федоров сын Чириков, в 1714 г. капитан, командовал скампавеей¹²⁵), „как фрегад и галеры швецкие отоковали, и я при том был, и командован я был з галерою в сикурс з господином подполковником Порецким“¹²⁶ (Илья Федоров сын Чириков, в 1714 г. произведён в капитаны¹²⁷), „того ж числа взят шведкой фрегат и галеры, и я при том был и на той галере, которая была командована в сикурс с капитаном Чириковым“¹²⁸ (Г. Ф. Жемчужников, в 1714 г. аудитор¹²⁹), „я в команде был при отаке у господина подполковника Порецкова, и были в сикурсе, когда штурмовали фрегад, галеры швецкие“¹³⁰ (Петр Федоров сын Чириков, в 1714 г. прапорщик¹³¹).

Итак, свидетельства обходного манёвра 4 скампавей в тыл противника в ходе боя 27 июля 1714 г. в Рилакс-фиорде весьма многочисленны.

Изучение тактического построения Гангутского сражения заставляет отказаться от взгляда на него как на „несложное

фронтальное столкновение“, единственной хитростью которого являлся абордаж шведских галер, начиная со стоявших крайними на флангах, причём этот приём был якобы применён только после 2 отбитых шведами атак русских галер.

В сражении гребных флотов в Рилакс-фиорде Пётр I превосхитил главные черты манёвренной тактики, созданной применительно к корабельному флоту великим русским флотоводцем Ф. Ф. Ушаковым в конце XVIII в. Расположение флотилии Эреншельда в одной из бухт Рилакс-фиорда с прикрытыми сушей флангами и тылом, казалось бы, не давало россиянам возможности употребить какие-либо тактические приёмы, навязать противнику невыгодный ему ход сражения, но Пётр I блестяще справился с этой задачей.

В чём же проявилось флотоводческое искусство Петра I в Гангутской баталии — наиболее ярком примере его военной деятельности на море?

Пётр I разделил галеры своей эскадры на 3 отряда, поставив каждому из них особые задачи. Выделение в средний отряд 11 галер, которые должны были атаковать флагманский и самый мощный корабль шведской позиции — прам „Элефант“, позволило создать перевес в силах на этом направлении. В отрядах левого и правого крыла Пётр I сосредоточил непропорционально многочисленные по сравнению с центром боевого порядка отряды пехоты, что должно было обеспечить эффективный и быстрый захват шведских галер путём абордажа, начиная со стоявших крайними и постепенно продвигаясь к середине боевого построения шведов, где стоял прам. Это давало россиянам перевес в числе атаковавших шведов судов при взятии каждой галеры, а шведам мешало использовать всю их артиллерию для отражения этой фланговой атаки.

Полнейшей неожиданностью для шведов стал обходной манёвр по указу Петра I „вкруг острова в тыл шведских судов“ 4 российских скампавей, из которых одна успела принять участие в сражении.

Если взглянуть на действия русского авангарда в баталии в Рилакс-фиорде в целом, то понятным становится и общий тактический замысел сражения: шведской эскадре был нанесён одновременный удар по сходящимся к середине её позиции направлениям с флангов, центра и тыла, завершившийся последовательным абордажем, причём на абордаж прамы „Элефант“ пошли, уже овладев всеми галерами. Осуществление та-

кого плана баталии дало возможность обеспечить решительное превосходство в силах для абордажа и флагманского корабля шведов, и каждой из галер.

Важно отметить, что действия российского флота, шедшие по избранному плану, отличались слаженностью и чёткой последовательностью, отсутствием спешных, неподготовленных бросков и отбитых шведами атак.

Успех сражения во многом был подготовлен предшествовавшим этапу абордажа длительным артиллерийским боем. Во время сближения со шведскими судами с целью их последующего абордажа немалый период времени россияне, используя многократный перевес в числе ружейных стволов, вели сильнейший обстрел неприятеля из ручного оружия (только семь сотен пехотинцев Ингерманландского полка сделали до 20 000 выстрелов).

Следует выделить также такие черты сражения, как непрерывный характер атаки, использование в ходе боя общего резерва (для тылового обхода противника), постоянное творческое управление боем Петра I (именно в ходе баталии для атаки противника с тыла „по указу царского величества“ были посланы 4 скампавей). Инициативой в сражении при Гангуте целиком владели россияне: со стороны шведов, суда которых стояли на якорях, борьба носила позиционный характер, с русской же, наоборот, являлась ярко выраженной манёвренной.

Блестящая победа русского флота в Рилакс-фиорде была во многом следствием именно глубоко продуманной тактической организации сражения. Осуществлённое Петром I руководство морским боем близ урочища Гора Рилакс и его большая роль в проведении всей операции в целом позволяют поставить его имя первым в ряду великих русских флотоводцев эпохи парусных и гребных флотов: Г. А. Спиридова, Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, П. С. Нахимова.

Потери шведов убитыми в бою превышали российские почти в 3 раза (361 швед и 127 россиян), благодаря созданным к его началу материальным и моральным предпосылкам для достижения победы (соотношение сил в артиллерии и людях, высокие боевые и мореходные качества полугалер и скампавей, мастерская тактическая организация сражения Петром I, опытность русских солдат в артиллерийской стрельбе, владении ручным огнестрельным и холодным оружием, гребле и действиях на галерах, искусство моряков в управлении галерами и т.д.).

По выполненным к 28 июля ещё недалеко от места боя подсчётам, с русской стороны погибли из сухопутных чинов 8 штаб- и обер-офицеров, 101 урядник и рядовой, 1 неслужащий, 3 солдата пропали без вести, из моряков потери убитыми составили 14 нижних чинов (всего 127 человек). Общее число раненых 342 человека: из армейских чинов — бригадир М. Я. Волков, 16 обер-офицеров и 303 урядника и рядовых, из моряков — 22 нижних чина¹³². Обнаруженная среди бумаг личной канцелярии Петра I ведомость о числе убитых и раненых в сражении 27 июля 1714 г. сухопутных чинов за подписью А. А. Вейде, датированная 28 июля 1714 г., позволяет выяснить их численность по отдельным полкам. Согласно документу, Преображенский полк потерял в Гангутском бою 1 чел. убитым и 6 ранеными, Семёновский — соответственно 9 и 15, Ингерманландский — 3 и 35, Лефортовский — 8 и 28, Московский — 3 и 14, Нижегородский — 1 и 13, Вологодский — 4 и 27, Великолукский — 2 и 12, Галицкий — 11 и 27, Рязанский — 18 и 35, Шлиссельбургский — 11 и 19, Первый гренадерский — 17 и 25, Второй гренадерский — 6 и 42, Копорский — 16 и 21¹³³.

Сколько человек скончалось от полученных в сражении ран, точно неизвестно. В архивах удалось обнаружить лишь отрывочные сведения по 2 полкам, принимавшим участие в бою с эскадрой Эреншельда. В Лефортовском полку по состоянию на 28 июля 1714 г. значились погибшими в бою 2 каптенармуса и 6 рядовых и 28 человек — ранеными¹³⁴, из них позднее „от ран померло“ 4 рядовых¹³⁵. Из Шлиссельбургского полка, как было сказано выше, погибли 11 человек и 19 было ранено, из которых, по данным полкового учёта, „при Аbove от ран померло“ двое рядовых¹³⁶. Эти сведения говорят о том, что число погибших с российской стороны в сражении в Рилакс-фиорде с учётом скончавшихся от ран было несколько выше, чем по данным на 28 июля 1714 г., которые приведены в „Реляции о случившейся баталии...“

Количество убитых в сражении шведов, подсчитанное сразу по окончании сражения, отражено в „Реляции о случившейся баталии...“ — 361 чел. Однако за непродолжительный срок после сражения оно значительно возросло в связи со смертью многих раненных в бою в Рилакс-фиорде шведов.

О числе раненых в баталии шведских офицеров известно следующее. Вскоре после 27 июля 1714 г. Н. Эреншельд сообщил в письме адмиралу Г. Ватрангу: „... по должности своей...“

доношу, по какому образу я с камандою своею с российским галерным флотом в жестокою баталию случился, где я в левую руку и в левую ногу болю ранен и взят в полон... Там же упомянул Эреншельд и о ранении в бою командовавшего пра-мом „Элефант“ капитана флота А. Сунда¹³⁷. Согласно прило-женному к письму Ф. М. Апраксина Г. Ватрангу от 16 августа 1714 г. „Реэстру взятым шведским афицерам“, из 16 пленённых в Рилакс-фиорде шведских морских и сухопутных офицеров от шаутбенахта до прапорщика включительно от раны скон-чался один морской поручик¹³⁸.

Какое же было общее количество раненных в сражении швед-ских офицеров и рядовых? Историограф флота Н. А. Бестужев буквально повторил утверждение Ф. К. Росваля¹³⁹, восходящее в конечном счёте к жизнеописанию Н. Эреншельда; приводил слова Ф. К. Росваля, что „у шведов из 900 человек 3 капитана, 2 поручика и 700 нижних чинов убито и тяжело ранено“, и Р. К. Ска-ловский¹⁴⁰. Таким образом, если основываться на этих цифрах, то в ходе боя шведы потеряли тяжелоранеными, включая Эрен-шельда, 345 чел. (706 – 361 погибший = 345 чел.). Нужно учесть при этом, что сам Эреншельд, судя по „круглому“ числу убитых и тяжело раненных нижних чинов (700 чел.), назвал не совсем точное их количество.

Это число, взятое округлённо и без упоминания о тяжело-раненных (350 чел.), и закрепилось в отечественных трудах по истории баталии на протяжении последнего столетия после вы-хода в 1894 г. книги А. С. Кроткова, утверждавшего: „У шве-дов из 941 чел. было... ранено 350 нижних чинов...“¹⁴¹

Необходимо учесть и сведения, сообщаемые другими перво-источниками. Согласно хранящейся в Кабинете Петра Вели-кого ведомости с пространым заглавием „Коликое число при-нято при Ангуте изо флоту шведцких арестантов — морских служителей и артелеристов и от инфонтерии (пехоты. — П. К.) обер- и ундер-афицеров, капралов, и салдат, и неслужащих...“ от 29 августа 1714 г. за подписью подполковника А. К. Корре-та, во время препровождения пленных от Гангута на вышеназ-ванную дату „в пути померло от ран“ 39 солдат, 11 матросов, 3 боцмана и др. — всего 63 человека; ещё 15 солдат скончались в пути от болезней¹⁴².

Во время триумфального ввода в С.-Петербург пленённых при Гангуте судов 9 сентября 1714 г., по свидетельству оче-видца, ганноверского дипломатического секретаря в России

Ф.-Х. Вебера, после того как суда причалили к берегу, строем прошли Н. Эреншельд, „шведские морские унтер-офицеры, сол-даты и матросы в числе 200 человек“ и несколько позднее ещё 14 шведских морских офицеров¹⁴³ — все шведы, которые смо-гли принять участие в шествии, остальные не могли этого сде-лать по причине либо ранений, либо болезней. Впрочем, в рядах шведов в момент триумфального шествия могли находиться и те, чьи раны позволяли им ходить, а также уже вставшие на ноги после лечения. К примеру, сам Эреншельд, получивший в сражении 7 ран, всё же нашёл в себе силы во время парада идти пешком. Даже в письме от 16 декабря 1714 г., спустя почти полгода после баталии, пленённый шаутбенахт писал из Петербурга адмиралу Г. Ватрангу, что 6 из 7 его ран залечены, но от последней в левое бедро он продолжает тяжело страдать и лежит „в нестерпимой болезни“¹⁴⁴.

Несколько проясняет запутанный вопрос о числе раненых в сражении шведов и архивное „ведение“, где сказано, что 5 сен-тября 1714 г. на острове Котлин с возвратившегося из кам-пании флота от подполковника А. К. Коррета была принята группа из 254 человек „шветсаго полону“. Среди них явно было много тяжелораненных. Иначе трудно объяснить, почему из этих 254 человек к 13 сентября умерли 57, к 23 сентября — ещё 64 (осталось 133 чел.)¹⁴⁵. Ко 2 декабря 1714 г. всех швед-ских гангутских пленных на Котлине имелось 383, то есть почти до 200 из 580 пленных к этому времени скончались¹⁴⁶.

В связи с этим необходимо отметить, что английский учёный Р. Ч. Андерсон сильно преувеличил количество шведов, скон-чавшихся в плену от ранений: „пятью неделями позже вы-живших было немногим больше двухсот“¹⁴⁷. Не следует сме-шивать „немногим больше двухсот“ участников парада 9 сен-тября 1714 г. и общее количество оставшихся живыми пленных шведов: имелись ещё находившиеся тогда на Котлине раненые и больные.

Сочинение Й. А. Нордберга содержит ещё одно заслужива-ющее доверие свидетельство о численности раненых: к концу сражения оставшиеся в живых шведы были „большой частью раненные“¹⁴⁸.

Достоин внимания документ, дающий представление о со-держании шведов в первый период их плена. В письме петер-бургскому генерал-губернатору с острова Котлин от 16 сентября 1714 г. сообщалось, что „швецкой полон лечат морскаго флота

лекари". Шведы ежедневно получали „ветчины... на четыре человека фунт, а крупу и сухари против солдатских дачь“, находившиеся на излечении — также пиво и вино. Пленные выражали пожелание, чтобы вместо солдатских сухарей им выдавали муку для приготовления свежего хлеба и выпечки¹⁴⁹.

Анализируя вышеприведённые документы и свидетельства, можно заключить, что цифра погибших шведов, составлявшая на день битвы 361 человек, увеличилась к декабрю 1714 г. примерно до 550 человек за счёт умерших в плену раненых.

Кто же были те люди, которые одержали победу над шведами в Рилакс-фиорде?

Бравшие приступом шведские суда в Рилакс-фиорде российские полки обладали к 1714 г. большим и разнообразным опытом военных действий. Лефортовский солдатский полк, один из первых регулярных полков России, был сформирован ещё в 1642 г. и являлся отборной частью наряду с гвардией и ещё несколькими полками. Он сыграл выдающуюся роль в неудачном для россиян сражении под Нарвой в 1700 г., отразив вместе с гвардией шведское наступление и не позволив противнику завершить разгром русской армии. Гвардейские Преображенский и Семёновский полки выросли из потешных рот малолетнего Петра I и по праву считались наиболее преданными монарху, имели опыт походов под Азов 1695 и 1696 гг., многочисленных сражений в годы Северной войны, в том числе Полтавской битвы 1709 г., Прутского похода 1711 г. и, что очень важно, большой опыт действий на кораблях и галерах начиная с плаваний на Плещеевом озере в 1689-1693 гг.¹⁵⁰

Большинство остальных полков были набраны в 1700 г., когда формировались главные силы регулярной армии России. Их боевой путь проходил через суровые испытания Северной войны в борьбе с одной из лучших европейских армий — шведской. Все сражавшиеся со шведами при Гангуте полки относились не к гарнизонным. Они изначально были в составе действующей армии. Весьма типичен путь Московского полка: в 1700 г. сражался под Нарвой, в 1702 г. охранял Архангельск от вероятного нападения шведского флота, в 1703 г. участвовал в строительстве Петербурга, в 1704 г. действовал под Нарвой, потом в Белоруссии и на Украине, сражался в Полтавской битве 1709 г., брал Ригу в 1710 г., переносил тяготы Прутского похода 1711 г., в 1712–1714 гг. действовал на галерном флоте в Финляндии¹⁵¹. Первый и Второй гренадерские полки, сформиро-

ванные в 1708 г. из гренадерских рот, тоже входили в число лучших сухопутных частей Петра I¹⁵².

О личных качествах и служебных заслугах Петра I и Ф. М. Апраксина, сыгравших в руководстве кампанией 1714 г. и сражением 27 июля решающую роль, подробно говорилось ранее. Попробуем взглянуть на других участников Гангутской битвы, высветить их из общей массы людей, проследить их судьбы.

Один из активных участников боевых действий при Гангуте генерал А. А. Вейде (1667–1720 гг.) родился в немецкой семье, жившей в Москве. Вопреки воле родителей он бросил место аптекарского ученика¹⁵³ и посвятил себя военной службе. Вейде служил ещё в потешных войсках, тогда же был замечен и приближен Петром I, был участником Азовских походов 1695–1696 гг., в 1699–1700 гг. по поручению царя набрал дивизию из 9 регулярных пехотных и одного драгунского полков и провёл её строевую и огневую подготовку.

В написанном Вейде по заданию Петра I в 1698 г. Воинском уставе он говорил, что воинам прежде всего следует „всякому должность свою исполнять; ничего не пренебрегать, но всё, что к воинскому изготовлению прибыточно будет, учредить, дабы заранее благое изготовление против неприятеля учинить...“¹⁵⁴

В сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. генерал Вейде из-за вероломства Карла XII попал в плен и только в 1710 г. вернулся в Россию. Пётр I, конечно, не случайно назначил прибывшего вместе с главными силами галерного флота заслуженного генерала командовать атакой российских галер в Рилакс-фиорде. Служивший в 1711–1724 гг. в русской армии офицер П. Г. Брюс отмечал в своих воспоминаниях, что „в армии... его обожали, несмотря на строгую дисциплину“ и порядок в войсках, которых он искусно добивался, не унижая подчинённых¹⁵⁵. П. Г. Брюс свидетельствует, что, когда тяжёлый недуг поразил А. А. Вейде в 1720 г., царь едва ли не ежедневно навещал его и дал врачам строгое указание безотлучно находиться при больном, употребляя всё своё умение для его излечения, заявляя, что в случае его кончины он лишится „лучшего генерала и вернейшего подданного во всём государстве“¹⁵⁶.

Капитан-командор М. Х. Змаевич (1680–1735 гг.), сыгравший немалую роль и в осуществлении прорыва галер 26 июля, и в пресечении пути отхода эскадре Н. Эреншельда и в самом сражении в Рилакс-фиорде командовавший моряками галер правого фланга, „человек благородный и хороший солдат“ (оценка

Подпись А. А. Вейде. 1714 г. РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

Д. Дена)¹⁵⁷, „человек попремногу доброй“ (слова Ф. М. Апраксина, август 1714 г.)¹⁵⁸, родился в городке Перасте, расположенном на берегу Которского залива Адриатического моря.

Которский залив — южный фиорд, врезающийся приблизительно на 30 вёрст в материк, зажатый со всех сторон величественными скалистыми горами, разделённый ими на отдельные заливы и бухты, находился под самым боком у сохранявшей свою независимость от турок Черногории. Испокоин веков этот залив был родиной бесстрашных моряков-славян, бороздивших воды Средиземноморья. Вот каким увидел Пераст в 20-е годы XX столетия русский путешественник: „В глубине залива есть прекрасный городок Пераст. Это „мёртвый город“: триста каменных домов на берегу лазурных вод и едва двести жителей. Опустелые барочные дворцы, в которые изредка забежит коза; недостроенный каменный собор с зияющим поперечным разрезом; безлюдная набережная с большими кольцами для давно исчезнувших кораблей — всё напоминает о том времени, когда перастинцы грудью защищали родной город (как древняя Спарта, не обнесённый стенами), были лучшими моряками в Далмации и из лихих набегов на турок приносили домой славу и богатство. Вымерли знатные семьи Шестокриличей, Змаевичей,

Расписка М. Х. Змаевича за полученную гангутскую награду — золотую цепь. 1715 г. РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

Буровичей; опустели и заросли кустами их дворцы¹⁵⁹. В городском музее Пераста сохранился большой портрет М. Х. Змаевича, изображённого в латах и длинном белом парике (ныне находится в Поморском музее в Сплите), как и принадлежавший ему патент на чин капитан-командора, подписанный Петром I 1 мая 1714 г.¹⁶⁰

В 1709 г. перастинский капитан Мато Змаевич, виновный в убийстве на дуэли другого известного перастинца морского капитана В. Буровича (В. Буйович), спасаясь от суда и мести, бежал в Дубровник, затем в Константинополь к российскому послу П. А. Толстому¹⁶¹. Возможно, в решении М. Змаевича отдаться под защиту и покровительство российского монарха сыграло определённую роль то, что его старший брат римско-католический архиепископ в городе Бар на Адриатическом побережье с 1701 г., а с 1713 г. архиепископ Задарский Вико Змаевич, бывший поборником славянского единства, поддерживал некоторые сношения с Петром I¹⁶². В ноябре 1710 г. после объявления Турцией войны России М. Змаевич был вместе с П. А. Толстым заточён турками в подземелья Семибашенного замка в Царьграде. Освободившись, Змаевич прибыл в Карлсбад (Карлови-Вари) в Чехии, где 3 ноября 1712 г. пребывавший там Пётр I после двухчасового экзамена принял его капитаном в галерный флот¹⁶³. Чин капитан-командора он получил в следующем году за отличия в финляндском походе российского галерного флота.

По просьбе М. Х. Змаевича, оказавшего уже большие услуги Российскому флоту, 30 апреля 1716 г. Пётр I направил Венецианской республике, в составе которой была Республика Которского залива, грамоту, в которой просил простить М. Х. Змаевича за его „незапное случившееся преступление“, из-за чего он был „принуждён искать инде фортуны своей, оставя своё отечество“, и вернуть конфискованное у него в Перасте движимое и недвижимое имущество. Царь упоминал, что Змаевич, узнав о начале войны Венеции с Турцией, хотел получить отпуск с российской службы, но он „ради его доброго воинского искусства“ не согласился на это ввиду продолжения войны со Швецией¹⁶⁴. Осенью того же 1716 г. от венецианского дожа пришло уведомление о прощении Змаевича¹⁶⁵. В последующие годы Змаевич командовал галерными эскадрами, достиг чина полного адмирала (1727 г.), но вскоре был понижен в вице-адмиралы за злоупотребления с казёнными деньгами, припа-

сами и использование моряков на работах в личных целях. С 1729 по 1735 г., вплоть до самой кончины, вице-адмирал управлял Тавровским адмиралтейством вблизи Воронежа¹⁶⁶.

Командовавший вместе с М. Я. Волковым в Гангутской баталии левым флангом галер капитан Л. М. Демьянов был одним из самых многоопытных в галерном флоте России. В Москву он приехал ещё в 1699 г. и 19 июня явился в Посольский приказ для найма на службу в галерный флот. Он сообщил, что является уроженцем „греческие веры города Славони цесарского владения“¹⁶⁷. По его словам, отца его звали Демьяном и он служил в родном городе армейским капитаном („капитаном над войском“) и толмачом немецкого языка. Сам Лука до приезда в Москву имел уже приблизительно 27-летний опыт службы на галерах в Средиземном море. Начал он службу в Венецианской республике, где был „на галере порутчиком года с три“, потом „капитаном лет с четырнатцать“ во французской службе, затем с 2 галерами („фуркатами“), на каждой из которых было по 220 человек, в течение 6 лет промышлял у берегов Палестины, сражался с мусульманами, брал в плен „многих татар, и турак, и арапов“ и продавал их на Мальте. Позднее он „пошёл... в арапскую землю“, далее около года служил капитаном у римского папы, от которого поехал в Вену и в качестве капитан-поручика приблизительно 3 года служил на австрийских военных кораблях. Побывавший в 1698 г. в Вене Пётр I обратил внимание на Демьянова: „до него свою государскую милость показал“. Из Вены в Россию Демьянов приехал вместе с послом П. Б. Возницыным. Адмирал Ф. А. Головин 6 ноября 1699 г. принял его капитаном в Российский галерный флот с выплатой жалованья с 1 августа того года¹⁶⁸.

Лука Михайлов сын Демьянов (именно так его именовали в России) в полной мере использовал свой богатый опыт на службе в Российском флоте. Командуя галерой „Александр Македонский“, он 5–10 июня 1705 г. участвовал в отражении атак шведского флота на остров Котлин. А 18 августа того же года вёл бой со шведским кораблём у Кроншлота, во время которого его галеру пробили 5 неприятельских ядер. В 1707 г. он, „как добрый и искусный человек“, был послан во главе отряда из 9 бригантин „в крейсерство“ к острову Гогланд и вернулся с успехом; в 1708 г. он участвовал в походе гребного флота к городу Борго (ныне Порво) в Финляндии, который был взят. И в последующие годы он командовал не только отдельными су-

дами, но и отрядами галер¹⁶⁹. В 1719 г. Л. М. Демьянов достиг чина капитан-командора¹⁷⁰. Отпущен со службы в своё отечество он был уже по окончании войны со Швецией в 1725 г.¹⁷¹

Другой офицер галерного флота Францышко Марков сын Хорват 8 декабря 1714 г. получил гангутскую золотую медаль весом 11 червонцев¹⁷² за то, что участвовал во взятии 20 августа 1712 г. отрядом скампавей и бригантин вооружённой 14 пушками и 11 пищалями шведской шнявы „Рак“¹⁷³. Тогда же „за взятие фрегата“ в Гангутской баталии в качестве командира морских чинов на одной из галер Ф. М. Хорвату была вручена цепь для ношения медали весом в 22 червонца¹⁷⁴.

Ф. М. Хорват уже ко времени зачисления в галерный флот России был далеко не новичком в морском деле. Любопытны обстоятельства приёма его на российскую службу. Прибыл он в июне 1699 г. „к Москве собою служить великому государю в морском караване, в каком чину... великий государь укажет“. Допущен он был для словесного челобитья о поступлении на службу во флот к боярину Ф. А. Головину в селе Преображенском только спустя 4 месяца, 2 ноября. О своей прошлой практике мореходца он сообщил, что 4 года служил на галерах у испанского короля, потом 3 года на австрийских военных кораблях боцманматом, после этого 5 лет на французском торговом судне боцманом. На службу в Российский флот Ф. М. Хорвата приняли в чине боцманмата. В архивном деле об его зачислении во флот имеется и его собственноручная расписка о получении первого жалованья — несколько строк, написанных латиницей на одном из южнославянских языков¹⁷⁵.

Уже в 1704 г. Хорват командовал галерой на Балтийском море, но свой очередной чин боцмана получил лишь на седьмой год службы, в 1705 г.; поручиком он стал в 1709 г.; перед кампанией 1714 г. был произведён в капитан-поручики. В годы Северной войны Ф. М. Хорват командовал галерами, показал себя способным офицером. России он служил во флоте до тех пор, пока в 1734 г. по причине недуга, не позволявшего продолжать службу, не был уволен с сохранением половинного оклада жалованья¹⁷⁶.

С. С. Мозалевский, командир галеры, которая смогла обойти шведов с тыла в бою в Рилакс-фиорде, служил с 1698 г. и с самого начала проходил обучение солдатским навыкам под наблюдением генерала А. А. Вейде, после чего стал служить сержантом в Лефортовском полку. Он прошёл суровую школу Се-

В Д. М. Демьянову
 за взятие фрегата
 20 августа 1712
 11 червонцев
 Францышко Марков
 сын Хорват

Францышко Марков
 сын Хорват
 за взятие фрегата
 20 августа 1712
 11 червонцев
 Францышко Марков
 сын Хорват

дами, но и отрядами галер¹⁶⁹. В 1719 г. Л. М. Демьянов достиг чина капитан-командора¹⁷⁰. Отпущен со службы в своё отечество он был уже по окончании войны со Швецией в 1725 г.¹⁷¹

Другой офицер галерного флота Францышко Марков сын Хорват 8 декабря 1714 г. получил гангутскую золотую медаль весом 11 червонцев¹⁷² за то, что участвовал во взятии 20 августа 1712 г. отрядом скамповей и бригантин вооружённой 14 пушками и 11 пищалями шведской шнявы „Рак“¹⁷³. Тогда же „за взятие фрегата“ в Гангутской баталии в качестве командира морских чинов на одной из галер Ф. М. Хорвату была вручена цепь для ношения медали весом в 22 червонца¹⁷⁴.

Ф. М. Хорват уже ко времени зачисления в галерный флот России был далеко не новичком в морском деле. Любопытны обстоятельства приёма его на российскую службу. Прибыл он в июне 1699 г. „к Москве собою служить великому государю в морском караване, в каком чину... великий государь укажет“. Допущен он был для словесного челобитья о поступлении на службу во флот к боярину Ф. А. Головину в селе Преображенском только спустя 4 месяца, 2 ноября. О своей прошлой практике мореходца он сообщил, что 4 года служил на галерах у испанского короля, потом 3 года на австрийских военных кораблях боцманматом, после этого 5 лет на французском торговом судне боцманом. На службу в Российский флот Ф. М. Хорвата приняли в чине боцманмата. В архивном деле об его зачислении во флот имеется и его собственноручная расписка о получении первого жалованья — несколько строк, написанных латиницей на одном из южнославянских языков¹⁷⁵.

Уже в 1704 г. Хорват командовал галерой на Балтийском море, но свой очередной чин боцмана получил лишь на седьмой год службы, в 1705 г.; поручиком он стал в 1709 г.; перед кампанией 1714 г. был произведён в капитан-поручики. В годы Северной войны Ф. М. Хорват командовал галерами, показал себя способным офицером. России он служил во флоте до тех пор, пока в 1734 г. по причине недуга, не позволявшего продолжать службу, не был уволен с сохранением половинного клада жалованья¹⁷⁶.

С. С. Мозалевский, командир галеры, которая смогла обойти шведов с тыла в бою в Рилакс-фиорде, служил с 1698 г. и с самого начала проходил обучение солдатским навыкам под наблюдением генерала А. А. Вейде, после чего стал служить сержантом в Лефортовском полку. Он прошёл суровую школу Се-

В 1714 году 8 декабря
 Францышко Марков сын
 Хорват получил гангутскую
 золотую медаль весом
 в 11 червонцев
 за взятие фрегата
 „Рак“ в Гангутской баталии
 в качестве командира
 морских чинов на одной из
 галер Ф. М. Хорвату была
 вручена цепь для ношения
 медали весом в 22 червонца

верной войны, начиная от „конфузии“ под Нарвой в 1700 г., принял участие во многих боевых действиях, в том числе и в „генеральной баталии“ под Полтавою, и в Прутском походе 1711 г.¹⁷⁷

Достойный послужной список к 1714 г. имел капитан Ингерманландского полка С. Г. Бакеев, пленивший в Гангутском сражении Н. Эреншельда. Он начал служить в 1697 г., причём в коннице. В 1709 г. был переведён в Ингерманландский полк, участвовал в битве под Полтавою, осаждал Ригу в 1710 г., перенёс испытания Прутского похода 1711 г., осаждал Тоннинг и Штеттин в северной Германии. За пленение Эреншельда С. Г. Бакеев был произведён Петром I в майоры. В этом чине он служил и в 1721 г.¹⁷⁸

С 1689 г. служил в числе гвардейцев-преображенцев А. А. Весёлкин. К моменту схватки со шведами в Рилакс-фиорде он имел за плечами уже четверть века службы в регулярной армии и звание старшего поручика. Первый опыт службы на кораблях он получил ещё в 1691 г., когда был „на потехе в Переславле“, в 1693 г. был с царём в Архангельске, в 1696 г. во втором Азовском походе служил на галерах, в 1699 г. опять служил „на кораблях“ российского Азовского флота, ходил в морской поход к Керчи. В 1702 г.¹⁷⁹ А. А. Весёлкину довелось ходить на морских кораблях на Белом море от Архангельска до Соловков и Нюхчи. Перед тем как принять участие в штурме Орешка в 1702 г., он снова шёл „на корабле“. Возможно, на знаменитых малых фрегатах „Св. Дух“ и „Курьер“, перетащенных по Осударевой дороге с Белого моря? В ночь на 7 мая 1703 г. он вместе с Петром I участвовал в абордажном бою на взморье у устья Большой Невы, когда были захвачены шведские шнява „Астрильд“ и бот „Гедан“, — первой морской победе россиян на Балтийском море в годы Северной войны. Потом были ещё многочисленные бои на суше, Полтавская баталия, „турецкая акция“ 1711 г. Но тесная связь сухопутного офицера с флотом продолжалась: в 1710 г. он ходил „под Выборг флотом“, в 1713 г. „на галерах“ участвовал в походе в Финляндию, брал с моря Гельсингфорс. Таким образом, ко времени Гангутской баталии старший поручик А. А. Весёлкин обладал богатым опытом морской службы, хотя служил не во флоте, а в армии¹⁸⁰.

Среди моряков, участников Гангутской баталии, были и выходцы из так называемых матросов-заморян, прослуживших несколько лет с целью освоения „матроской науки“ на кораблях европейских морских держав.

Автограф майора Ингерманландского полка С. Г. Бакеева. 1716 г.
РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

Один из них Евстигней Захаров сын Соловьёв. Его жизненный путь вкратце был таков. В 1700 г. взят „в... государеву службу... на Москве в солдаты“ и тогда же послан „в матроскую работу на Воронеж“, где служил 2 года матросом. Вслед за тем через Архангельск отправлен в числе 150 малолетних матросов в Голландию „для учения немецкого и голландского языков, матроского чина против заморского обыкновения“. За границей пробыл 4 года¹⁸¹. Возвратившись, продолжал службу в Балтийском флоте¹⁸².

Во время боя 27 июля 1714 г. боцман Е. З. Соловьёв командовал „за квартирмейстера“¹⁸³ шлюпкой Ф. М. Апраксина, был с „господами адъютантами в розъезде“. В октябре 1716 г. он и 12 гребцов генерал-адмиральской шлюпки обратились с прошением наградить их медалями, поскольку их получили гребцы шлюпок других флагманов¹⁸⁴. 26 декабря 1716 г. боцман Е. З. Соловьёв собственноручно расписался в получении золотой медали весом в 7 червонцев¹⁸⁵, остальные гребцы его шлюпки, как рядовые, получили серебряные медали.

Другой матрос-заморянин Андрей Гаврилов сын Плотников в бою в Рилакс-фиорде, будучи подкомитом, командовал моряками¹⁸⁶ на галере „Мусельс“¹⁸⁷. Он был в числе отправленных в 1702 г. в Архангельск для последующего отъезда в Голландию молодых матросов¹⁸⁸. На 1 января 1708 г. он снова числился матросом на Балтике¹⁸⁹. А. Г. Плотников был одним из тех моряков, кто погиб в сражении 27 июля 1714 г.¹⁹⁰

Прорывался мимо мыса Гангут и наблюдал сражение в Рилакс-фиорде и командир Рязанского полка генерал-майор русской службы швед В. А. фон Шлиппенбах¹⁹¹, получивший генеральское звание от Карла XII ещё в 1701 г. Дважды разгромленный войсками Б. П. Шереметева в Эстляндии под мызой Эрестфер в 1701 г. и под Гумуловой мызой в 1702 г. и взятый в плен под Полтавой, на этот раз генерал был среди россиян, перейдя на службу к бывшему противнику.

Весьма показательно, что опыт, приобретённый сражавшимися с эскадрой Н. Эреншельда, был многими из них использован спустя ровно 6 лет, 27 июля 1720 г., в произошедшей в схожих обстоятельствах баталии у острова Гренгам в Аландских островах, когда российский галерный флот, заманив в узкое место шведские корабли, умелым манёвром окружил и взял на abordаж 4 фрегата. Более двух десятков матросов, пушкарей и солдат галерного флота и Морского батальона, участ-

Август 26 Морского Флота боцман Евстигней
Соловьёв матросой Плотников Андрей сын Плотников
Адмиралов, Медалей золотая весом 7 червонцев
Боцман Ф. М. Апраксина
Зачешилов
Зван Гаврилов

Расписка Е. З. Соловьёва в получении медали за участие в Гангутской баталии. 1716 г.
РГАВМФ. Фото Н. С. Туркина

ников боя в Рилакс-фиорде, штурмовали военно-морские корабли и в сражении при Гренгаме в 1720 г.¹⁹² Что касается сухопутных чинов, то в Гренгамском сражении из 16 полков, воины которых атаковали шведские корабли, 9 относились к числу участвовавших и в бою 27 июля 1714 г.¹⁹³ К примеру, из Московского полка, согласно поимённым росписям награждённых за Гангутскую баталию, серебряные медали получили 89 нижних чинов¹⁹⁴, из них 29 чел. выдали денежное вознаграждение за то, что они были „на обдордиунге при взятые шведских караблей и фрегатов“ в 1720 г. при Гренгаме¹⁹⁵ и т.д.

Все участники морского боя у урочища Гора Рилакс получили наградные медали: штаб- и обер-офицеры золотые, урядники и рядовые серебряные. Исследовавшая эту тему Л. С. Пискунова отмечала, что „невозможно найти что-либо сходное в практике любой другой армии Европы того времени“¹⁹⁶. В армии и флоте Петра I наградная медаль за участие в сражениях являлась одним из воспитательных мероприятий, призванных способствовать росту служебного усердия военнослужащих, их отваги в воинских делах, подъему боевого духа. Награждая золотыми и серебряными медалями участников Гангутской, ещё раньше Полтавской, „Левенгауптской“ и других баталий, царь продолжал русские традиции массовых пожалований золотых и вызолоченных серебряных монет за ратные дела в XVI–XVIII столетиях, причём, как и ранее, степени наград различались сообразно чинам лиц, их получавших¹⁹⁷.

Об изготовлении наградных медалей в Москве не позднее чем к середине сентября 1714 г. Пётр I написал в старую столицу сенатору князю Я. Ф. Долгорукову, осуществлявшему общее наблюдение за Кадашевским монетным двором, вместе с извещением о победе ещё 29 июля 1714 г. „изо флота от Ангута“. Царь требовал сделать специальные золотые медали, на которых бы „на одной стороне та баталия была вытиснута“, золотые цепи к ним, „чтоб через плечо надеть было мочно“, также золотые медали без цепей и серебряные из монет рублёвого достоинства¹⁹⁸.

В соответствии с приложенной к письму росписью надо было сделать 3 медали весом по 100 червонцев¹⁹⁹ с цепью к каждой весом ещё по 50 червонцев. Для высоких чинов указывалось отчеканить 5 медалей весом по 70 червонцев (цепи к ним по 30 червонцев), 11 — по 45 (цепи по 25), 21 — по 30 (цепи по 20), 40 — по 15 (цепи по 15); без цепей надо было отчеканить 50

медалей весом по 11 червонцев, 70 — по 7 (всего 200) и 1000 серебряных медалей для рядовых²⁰⁰, в общей сложности — 1200 золотых и серебряных медалей.

Кроме того, Пётр I требовал, чтобы Я. Ф. Долгоруков прислал, наряду с золотыми и серебряными медалями, ещё 500 „двойных“ и 1000 обычных червонцев. Эти 1500 золотых монет русской чеканки предназначались для денежного награждения участвовавших в морском сражении в Рилакс-фиорде 27 июля 1714 г.²⁰¹

О завершении изготовления золотых и серебряных гангутских медалей и их посылке в Петербург Я. Ф. Долгоруков написал Петру I 7 сентября того же года. Сенатор уведомлял монарха, что наградные медали „с великим поспешанием и с трудом деланы и сидели за оным (делом. — П. К.) денно и ночью“²⁰².

С лицевой стороны на золотых и серебряных медалях был выбит погрудный портрет Петра I в лавровом венке и доспехах, с оборотной — артиллерийский бой российского авангарда с флотилией Н. Эреншельда в Рилакс-фиорде. Надписи на обороте медалей: „Прилежание и верность превосходит силно“ — по краю медалей и „Июля 27 дня 1714“ — внизу, под изображением баталии²⁰³. Оказалось, что золотые цепи были сделаны неудачно, и их возвратили обратно на Монетный двор в Москву, где из них были изготовлены для медалей цепи большего веса²⁰⁴.

В последующем по мере награждения участников Гангутского сражения менялось в соответствии с реальными потребностями и первоначально определённое количество медалей различных весовых категорий: излишние золотые медали отправлялись в Москву на переделку, медали, которых не хватало, наоборот, дочеканивались и присылались в Петербург.

Первыми 30 ноября 1714 г. золотые медали получили бригадиры М. Я. Волков и П. Б. Лефорт, капитан-командор М. Х. Змаевич, генерал-адъютант П. И. Ягужинский и несколько офицеров гвардии и Ингерманландского полка, серебряные — 226 нижних чинов Преображенского полка²⁰⁵.

За участие в Гангутском сражении вручались „бригадирские“ золотые медали весом по 45 червонцев с цепью к ним в 75 червонцев, которые получали бригадиры и капитан-командоры, „полковничьи“ — по 30 червонцев с цепью в 60 червонцев, „подполковничьи и маеорские“ — по 15 червонцев с цепями в 30 червонцев, вручавшиеся также морским капитанам и капитанам гвардии. „Капитанские“ медали весом по 11 червонцев с цепями в 22 червонца получали капитан-поручики и

Наградная медаль за Гангутскую баталию 1714 г. Серебро, чеканка

поручики флота, подпоручики и прапорщики гвардейских полков, адъютанты и капитаны пехотных полков. „Поручичьи“ медали весом в 7 червонцев без цепей давались поручикам и подпоручикам армии и флота и унтер-офицерам гвардии²⁰⁶. Урядникам и солдатам — серебряные медали, соответствовавшие по размеру рублёвикам, из которых они и чеканились²⁰⁷. Отчеканенными в 1714 г. золотыми медалями весом по 100 и 70 червонцев было решено никого не награждать, и их отправили обратно в Москву для переделки²⁰⁸.

Золотых гангутских медалей всего за 1714–1717 гг. было „в роздаче“ в качестве наград участникам баталии 129: весом по 45 червонцев 3, по 30 — 2, по 15 — 17, по 11 — 34 и по 7 — 73; золотых цепей к медалям — 54, в том числе

по 75 червонцев весом 3, по 60 — 2, по 30 — 15 и по 22 — 34. Ещё одну медаль весом в 7 червонцев царь использовал в 1715 г. „для закладу карабля“²⁰⁹. Сверх того одну золотую медаль весом в 70 червонцев и 3 по 45 червонцев „царское величество изволил приказать оставить у себя“²¹⁰. Остальные медали червонного золота были оставлены в походной канцелярии Ф. М. Апраксина, частично отосланы в переделку, в том числе в памятные медали „новозавсёванных городов“ — побед русского оружия в Северной войне (взятие Аренсбурга, Выборга, Дерпта, Кексгольма, Нарвы, Ревеля, Риги, основания Кроншлота и пр.)²¹¹.

Намеченных первоначально Петром 1 1000 серебряных медалей для награждения урядников и рядовых не хватило. Потребовалось отчеканить новые их партии. В декабре 1715 г. в Петербург из Москвы отправили дополнительно 534 серебряных

медали, в феврале 1716 г. ещё 466²¹². В декабре 1716 г. Ф. М. Апраксин по причине того, что было „число немалое“ нижних чинов, которые „в 714-м году были на морской баталии при взятъ швецкого фрегата и галер“ и медалей для них было „недовольно“, заказал ещё 1500 штук²¹³. В феврале 1717 г. их уже привезли в Петербург²¹⁴. В итоге серебряных медалей было изготовлено 3500²¹⁵.

Всего участникам баталии в 1714–1717 гг., когда проводилось награждение, вручили 3135 серебряных медалей, одна была оставлена „для обрасца“ адмиралтейскому комиссару А. А. Беляеву; излишние 364 медали были возвращены в походную канцелярию генерал-адмирала²¹⁶.

Критерий, которым руководствовались при представлении к награждению медалями за бой в Рилакс-фиорде, назван в письме Ф. М. Апраксина генерал-майору Дюпре от 28 марта 1716 г., посвящённом выдаче гангутских медалей: „А которые полку вашего урядники и салдаты в то время на обордирунге не были, тем давать не надлежит“²¹⁷.

По неназванным причинам из команды той скампавеи, которая сумела на завершающем этапе боя выйти „вкруг острова в тыл швецких судов“, к наградам были представлены генералом Вейде только штаб- и обер-офицеры: капитан флота А. Ф. Миющик, Лефортовского полка капитан С. С. Мозалевский, поручики Б. М. Третьяков, В. Д. Конищев и прапорщик Я. Ф. Войнов²¹⁸. А офицерам остальных 3 скампавей, которые участвовали в этом обходном манёвре, но „к потребе не поспели“, как и нижним чинам всех 4 скампавей, медалей не полагалось вообще²¹⁹. Несмотря на представление А. А. Вейде, из офицеров галеры А. Ф. Миющика и С. С. Мозалевского награды — медали весом 15 червонцев и цепи весом 30 червонцев — удостоился лишь один человек — галерный капитан А. Ф. Миющик²²⁰. Из числа бывших во время сражения на галере царя получили награды лишь кабинет-секретарь монарха, 2 его денщика, 2 квартирмейстера и гребцы его шлюпки, все они, видимо, находились при особе корабельного шаутбенахта в его шлюпке рядом с галерой.

Участники Гангутской баталии, по каким-либо причинам обойдённые при награждении, подавали челобитные с просьбами о выдаче им медалей. Приведём выдержку из одной из таких челобитных солдата Морского галерного батальона О. Мещерякова: „В прошлом 1714 году... был на галере, как брали

изготовлены аналогичные серебряным памятным медалям и золотые с той же латинской надписью: „Первые плоды русского флота“. Металл для их чеканки был отдан по приказу Ф. М. Апраксина в феврале 1717 г., а через год 2 золотые медали „морской баталии о взятии шаудбенахта“ уже имелись в походной канцелярии генерал-адмирала²²⁶.

Заслуги генерала А. А. Вейде были вознаграждены производством его в кавалеры ордена св. Андрея Первозванного²²⁷, к которым царь и генерал-адмирал уже принадлежали.

Как развивались события по завершении морского боя с эскадрой Н. Эреншельда у урочища Гора Рилакс? Каковы были ближайшие последствия прорыва русского галерного флота 26–27 июля 1714 г. в шхеры западное полуострова Гангут? Как изменялась военная обстановка и чем закончилась кампания 1714 г.?

Как только последние 63 российские галеры утром 27 июля пробились мимо мыса Гангут, Г. Ватранг созвал „общее совещание для обсуждения вопроса, как... следует поступить с флотом“. Участники военно-морского совета, как сказано в журнале шведского адмирала, „единогласно признали необходимым оставить Гангеудд и отправиться на защиту шведских шхер“²²⁸. Осуществить это решение совета Ватранг смог лишь в самом начале следующих суток, потому что слабый ветер, перемежавшийся со штилем, задул только к вечеру 27 июля, и, когда ветер в полночь немного усилился, шведский флот вслед за адмиральским кораблём стал сниматься с якорей и лавировать к югу для выхода на рейд полуострова Гангут²²⁹.

Небезынтересно подчеркнуть, что в донесении на имя короля, которое Ватранг написал вскоре после прохода мимо него утром 27 июля главных сил галерного флота России и когда ещё не началось сражение с эскадрой Эреншельда, адмирал сообщал, что он „лишён возможности оказать... помощь“ 9 судам шаутбенахта Эреншельда, запертым в шхерах за Гангутом²³⁰.

Уже в пути утром 28 июля Г. Ватранг получил известие через посланного им накануне к Ф. М. Апраксину лейтенанта Энгельгольма, что флотилия Эреншельда „после тяжкого боя“ пленена россиянами²³¹.

В море 29 июля на своём флагманском корабле Ватранг снова созвал военно-морской совет для решения вопроса: отправиться ли на поиски русского флота к Ревелю или встать на защиту шведского побережья от российских галер. Как следует из морского журнала шведского адмирала, на совете „были взве-

шены все доводы за и против, но мнение большинства было за защиту шведских берегов“²³². Этому мнению Ватранг и последовал, предпочтя оборону собственно шведских земель от возможных десантов с галер поискам сражения с русским корабельным флотом у Ревеля.

В связи с действиями шведского командующего флотом 27–29 июля 1714 г., после того как российские галеры пробились к западу от позиции шведов у Гангута, уместно разобрать высказанное С. В. Тиркельтаубом мнение, что с точки зрения тактики бой 27 июля в шхерах Рилакс-фиорда „не был необходим и, более того, крайне опасен“. По его мысли, стоило только во время этого боевого столкновения „подняться небольшому ветру, и, увлечённые сражением, русские галеры могли оказаться запертыми в глухом заливе полуострова Падва мощным шведским корабельным флотом“. Историк считает, что благоразумнее было бы сразу же после прорыва российскому галерному флоту уходить далее в Абосские шхеры и к Аландским островам, не ввязываясь в сражение с припёртым к берегу и приготовившимся к обороне отрядом Эреншельда²³³.

Касательно вышеизложенного взгляда требуется отметить, что попытку заблокировать русские галеры между полуостровами Гангут и Падваланд шведский адмирал не только не предпринял, но даже и не упоминал в качестве возможного варианта действий, и позднее, как будет ниже сказано, его решение было признано правильным шведским правительством. Надо полагать, Г. Ватранг считал, что, во-первых, не успеет со своими глубоко сидящими в воде линейными кораблями и фрегатами пройти по сложному для судов таких размеров фарватеру вокруг полуострова Гангут и запереть для россиян проход между Гангутом и Падваландом и, во-вторых, что он тем более не сможет удержать на этом приблизительно 6-километровом участке российские галеры от прорыва, если шведы не сумели сделать это на несравненно более удобной позиции у мыса Гангут.

Невзирая на малую вероятность попытки шведов запереть и потом атаковать российские галеры в шхерах за полуостровом Гангут, Ф. М. Апраксин, как записано в его морском журнале, „кой час она баталия окончалась, без всякого медления... учинил сигнал итти со всеми судами паки к Ангуту, дабы неприятель не мог в том месте флотом своим заступить, и ночевали близ Ангута, где наш был караул, куды и завоеванья суды все приведены“²³⁴. Д. Ф. Сумин, служивший в 1714 г.

Памятная медаль в честь победы при Гангуте.
С гравюры середины XVIII в.

поручиком Копорского полка, говорил, что 27 июля он „был при отаке швецкаго фрегада и галер и во оное число от него, брегадира Лафорта, командрован был на галере на караул от неприятельскаго флота...“²³⁵ Другой офицер, в 1714 г. подпоручик того же полка, Ф. Всполской, вспоминал, что по окончании атаки флотилии Эреншельда галера, на которой он находился, была послана „на отводной караул близ неприятельских караблей“²³⁶ флота адмирала Ватранга. Следовательно, были приняты все необходимые меры предосторожности от шведского флота.

28–30 июля русский галерный флот находился вблизи мыса Гангут, к северо-западу от него. Войска отдыхали, велось наблюдение за движением корабельного флота шведов. 31 июля, когда шведский флот уже был вне пределов видимости, состоялся флотский праздник в честь одержанной победы. Галеры вышли на широкое место. Захваченные у шведов суда были поставлены полумесяцем, так, как они располагались во время баталии. Они образовали часть дуги замкнутой линии овальной формы, по которой выстроились все галеры Российского флота. Над трофейными судами распустили андреевские флаги, под которыми висели приклонённые книзу шведские флаги. Первой справа от шведских галер стояла скампавея Петра I, потом остальные суда авангарда, после них галеры кордебаталии и арьергарда. Посередине, прямо напротив „Элефанта“, заняла место полугалера Ф. М. Апраксина. На ней состоялся благодарственный молебен, по окончании которого шаутбенахт Пётр

Медаль в честь 250-летнего юбилея Гангутской победы. Худ. А. Королюк.
Отчеканена на Монетном дворе в Ленинграде. 1964 г. Бронза

Михайлов возвратился на свою скампавею и первым начал стрелять из орудий. Салют со всех галер из всех имевшихся орудий и ружей был произведён трижды. „И тако с сим триумфом толь преславная виктория окончилась“, — замечает автор морского журнала Апраксина²³⁷.

1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части скампавей к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы флота под командованием Апраксина направились к Або. 3–4 августа галерный флот прибыл к Або; 5-го двинулся в поход для занятия Аландских островов. На третий день, 8 августа, галеры достигли Аланда — главного острова архипелага²³⁸. Аландские острова были заняты без сопротивления шведов.

Шведское правительство было крайне обеспокоено вестями о проходе российского галерного флота мимо полуострова Гангут.

И. М. Головин.
С гравюры 1717-1720 гг.

Ульрика-Элеонора и несколько видных членов Государственного совета немедленно выехали во флот, для того чтобы совместно с адмиралом Ватрангом выработать мероприятия „для предотвращения дальнейших успехов неприятеля и вернейшей защиты государства“. На прошедших на флагманском корабле Ватранга 4 и 5 августа совместных с флагманами и другими офицерами совещаниях, во-первых, как выше упомянуто, были одобрены действия адмирала 25–27 июля того года и отмечено, что „при столь необычайном штиле совершенно

невозможно было бы предотвратить проход неприятеля и его дальнейший успех“; во-вторых, было решено, что в сложившейся обстановке Ватранг с 12 лучшими и наиболее крупными кораблями флота должен крейсировать между островами Готланд и Даго (Хийумаа), препятствуя торговле европейских государств с российскими портами и прикрывая страну от возможного нападения датского или российского флота от Ревеля. Вице-адмирал Э. Ю. Лиллье, согласно принятым решениям, с остальной частью корабельного флота, прамом „Марс“ и 5 галерами обязывался крейсировать в проливе Сёдра-Кваркен между Аландскими островами и шведскими шхерами у Стокгольма с тем, чтобы галерный флот России не перешёл через пролив и не „беспокоил самое сердце и столицу государства“²³⁹.

Ради защиты столицы шведское правительство объявило сбор горожан и сельских жителей — ополченцев — для их последующего военного обучения под руководством кадровых офицеров на случай высадки русского десанта. Лагерь для ополченцев был создан на морском побережье у города Норртелье, близ которого шёл шхерный путь к Стокгольму²⁴⁰. Для усиления флота с целью восполнения нехватки нижних чинов на военно-морских кораблях забирались на военную службу ремесленники и мастеровые люди в Стокгольме и его окрестностях, плотники под угрозой наказания обязывались работать на верфях²⁴¹.

Поскольку, по мысли Петра I, корабельный флот России без поддержки датской эскадры не мог ещё без риска нанести поражение шведскому корабельному флоту и открыть галерам путь к Стокгольму, на военных советах 13–15 августа 1714 г. в галерном флоте в Аландских островах было постановлено предпринять поход вдоль финского побережья Ботнического залива на север с целью полного вытеснения войск генерала К. Г. Армфельта из Финляндии²⁴². 15 августа царь покинул галерный флот, отправившись в Петербург. 19 августа флот под командованием Ф. М. Апраксина двинулся для намеченных действий из Аландских островов. Опасаясь приближавшегося российского галерного флота, генерал Армфельт поспешно покинул Финляндию с остатками своих войск²⁴³. 18 сентября 1714 г., выполнив поставленные перед ним задачи, галерный флот пошёл в обратном направлении вдоль побережья Ботнического залива. На зимовку армейские чины Финляндского корпуса и моряки галерного флота были оставлены в основном на западном побережье Финляндии. 31 октября 1714 г. Ф. М. Апраксин отбыл в Петербург, передав командование российскими силами в Финляндии генералу М. М. Голицыну²⁴⁴.

Немалое значение имел и первый, в основном демонстративный поход отряда из 11 скампавей под командованием генерал-майора И. М. Головина „на шведскую сторону“ через Ботнический залив к городу Умео. Отправленному 11 сентября 1714 г. от Васы отряду галер Головина предписывалось, где не будет оказываться сопротивления, „людей не убивать и жилищ их огнём не разорять“. Поход достиг цели: Умео временно был занят силами десантного отряда с российских скампавей. 23 сентября галерная эскадра Головина успешно возвратилась к Васе²⁴⁵. Шведам было наглядно показано изменение положения королевства к концу кампании 1714 г.: отныне российские галеры могли совершать походы вдоль северных побережий Швеции и высаживать десанты. Это был первый акт переноса военных действий русской армии и галерного флота на западную сторону Балтийского моря.

Итак, события 25–27 июля 1714 г. у полуострова Гангут стали важной вехой в ходе Северной войны, наметили перелом в противоборстве России и Швеции на Балтийском море. Бывшие следствием Гангутской победы действия русского галерного флота в августе — сентябре 1714 г. развили успех и создали предпосылки для перенесения военных действий в последующие кампании непосредственно на территорию Швеции со стороны Финляндии и Аландских островов.

ГЛАВА IV

ГАНГУТСКАЯ ПОБЕДА В ИСТОРИИ РОССИИ.

ЗНАЧЕНИЕ ГАНГУТСКОЙ БАТАЛИИ
В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ. ОТКЛИКИ
В ЕВРОПЕ. ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ
ГАНГУТСКОЙ ВИКТОРИИ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ
В 1714 ГОДУ. ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИН
ПОБЕДЫ У ГАНГУТА: ОТ ПЕТРОВСКОГО
ВРЕМЕНИ ДО НАШИХ ДНЕЙ.
ПАМЯТНИКИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ
ГАНГУТСКОМУ СРАЖЕНИЮ.

Победа у Гангута позволила галерному флоту занять Аландские острова, перерезать коммуникации по Ботническому заливу метрополии со шведскими войсками генерала К. Г. Армфельта на севере Финляндии и заставить их отступить к Торнио на территорию собственно Швеции, создала угрозу переноса боевых операций к самой столице Швеции, сковала наступательную активность корабельного флота шведов, вынужденного теперь в первую очередь препятствовать переносу войны на западный берег Ботнического залива. Нарвский комендант К. А. Нарышкин в гисье от 4 августа 1714 г. А. Д. Меншикову отмечал также, что шведы, потерпев поражение при Гангуте, не только „его величества флоту отворили... ворота в свою землю“, но и „немалой себе убыток учинили потеряннием своих судов с шаутбенахтом и с прочими офицеры и редовыми солдаты и матрозы“¹ — для ослабленного 14-летней войной Шведского королевства потеря гребной флотилии Н. Эреншельда с почти тысячным отрядом была чувствительна.

Место морской кампании 1714 г. в достижении общей победы России в Северной войне показал в своём фундаментальном труде А. З. Мышлаевский. Кампания 1712 г., пробный поход русской армии под командованием Ф. М. Апраксина в Финляндию от Выборга, явилась разведкой боем театра военных действий,

летний поход в Финляндию 1713 г. и занятие её южной части — перенесением промежуточной базы галерного флота и Финляндского корпуса М. М. Голицына к Гельсингфорсу и Або, общим оттеснением неприятеля, осенне-зимние операции 1713–1714 гг. — обеспечением наступательной кампании 1714 г. справа, в поход корабельного флота летом 1714 г. к Ревелю — таким же обеспечением её с левого фланга. В итоге этих действий к середине лета 1714 г. было создано исключительно выгодное положение, логическим следствием которого для россиян и союзного датского флота могла стать „генеральная баталия“ на море, уничтожение в решительной битве главных военно-морских сил Швеции, после чего заключение ею мирного договора на российских условиях становилось неизбежным².

Однако датский король Фредерик IV отказался прислать на соединение с русским флотом к Ревелю несколько линейных кораблей, с помощью которых Пётр I был готов атаковать соединёнными силами российско-датского корабельного и российского галерного флота стоявший у Гангута шведский флот адмирала Г. Ватранга. „Генеральная баталия“ флотов у полуострова Гангут в 1714 г. не состоялась. В конце июля 1714 г. россияне одержали блестящую победу над шведским флотом, но она не соответствовала главной задаче этого периода войны — решительному разгрому основных сил Швеции на море, сокрушению её морского могущества в такой же степени, как это произошло с её сухопутными силами на полях под Полтавой в 1709 г. А. З. Мышлаевский писал: „Нам удалось разбить шведов, но мы уничтожили второстепенную группу их судов, а не главные силы, которые остались нетронутыми. Благодаря этому и стратегические последствия победы были не те, которые нам были нужны: мы открыли путь к Або и в Аландские шхеры, но не расчистили окончательно путь к Стокгольму. Гангут и по стратегическим последствиям был Лесною, но не Полтавою“³. Не случайно искушённый дипломат П. П. Шафиров, откликаясь на известие об июльской 1714 г. победе флота, желал Петру I в своём послании от 21 сентября „и весь главный неприятельский флот разрушить и тем жестоковейство (упорство. — П. К.) их совершенно сокрушить и к благополучному миру принудить... хотя не в нынешнюю, то, однако ж, в предбудущую кампанию...“⁴ П. П. Шафиров выражал надежду, что в следующую кампанию царь, „управя посильнее... флот свой и не имея более надежды на малоплодных своих союзников“,

сможет разгромить весь корабельный флот Швеции и пленить на этот раз уже „целого неприятельского адмирала“⁵. Того же желал российскому монарху, поздравляя его с морской победой, и корабельный мастер Ф. М. Скляев: „Дай, Боже, и прослави корабли росиские так, как сканпавен чрез Ваш труд счасливо произведены“⁶.

Эхо Гангутской победы России отозвалось в Европе, вызвав у иных государственных деятелей „великое удивление“⁷. Высказывалась мысль, что она подтолкнёт Пруссию и курфюршество Ганновер к более тесному союзу с Петром I, заставит Великобританию и Францию смягчить свою позицию по отношению к постоянно укреплявшей своё положение на Балтийском море России⁸.

Гангутская победа породила немалые отклики в общественном мнении европейских государств. Подполковник гвардии В. В. Долгоруков, получив сообщение об исходе сражения, писал Петру I об ожидаемом им воздействии известий о произошедшей баталии: „Пред сею викториею в фальшивых газетах писали из Гамбурха и из Кенесберха о нашем флоте, будто весь побит и ваше величество будто с одним кораблём спасся, а скоро отзовется помянутая вашего величества счастливая виктория во многих краях“⁹.

Действительно, вести о победе российского флота у Гангута быстро распространялись по Европе. Этому событию специально посвящались издававшиеся в разных странах летучие листки¹⁰. Выходивший в Гааге (Голландия) ежемесячник в августовском выпуске поместил подробное сообщение о сражении с собственными оценками, например: „Баталия тем более прославляет монарха, что он лично командовал атакой; его величество, исполняя в одно и то же время обязанности генерала, моряка и солдата, находился всегда там, где его разум, искусство и доблесть были необходимы“¹¹. В амстердамской газете от 7 сентября (н. ст.) 1714 г. был помещён перевод на французский язык официальной российской „Реляции“ о сражении¹² и т.д.

Пётр I решил отметить первую крупную победу россиян на море в годы Северной войны пышным торжеством в новой столице на возвращённых стране берегах Балтийского моря. Это должен был быть первый большой и одновременно первый флотский праздник в Петербурге, первый случай триумфального ввода в город кораблей русского флота после одержанной на море „преславной виктории“.

EXTRACT

Unterschiedliche Briefe/
welche von den hohen

MINISTRIS

An
S. H. Groß-Zaris. Maj.

Hochvertrauten
Residenten/

Des
Nieder-Sächsischen Krayses/

H. N. von Böttiger /
Wegen der zwischen

S. H. Groß-Zaris. Maj.

Und der
Königlichen Schwedischen
in mari Botnico vorgefallenen

ACTION,

abgesendet worden.

Летучий листок на немецком языке с сообщением
о баталии при Гангуте. 1714 г. РНБ

Neueste
RELATION

aus unterschiedlichen
An Hohe Ministros abgelassenen Brieffen
von der zum Vortheil

des Kaiserlichen Majestät

zwischen Dero und
der Schwedischen Flotte
Den 25. und 26sten Julii
vorgefallenen

See-Schlacht

Samt der darauff erfolgten
Eroberung der

Insul Oland.

Bedruckt nach dem Leipziger Exemplar, den 3. Sept. 1714

„Новейшее донесение о... произошедшем морском сражении с последующим
овладением островом Аланд“. Летучий листок на немецком языке.
1714 г., сентября 3. РНБ

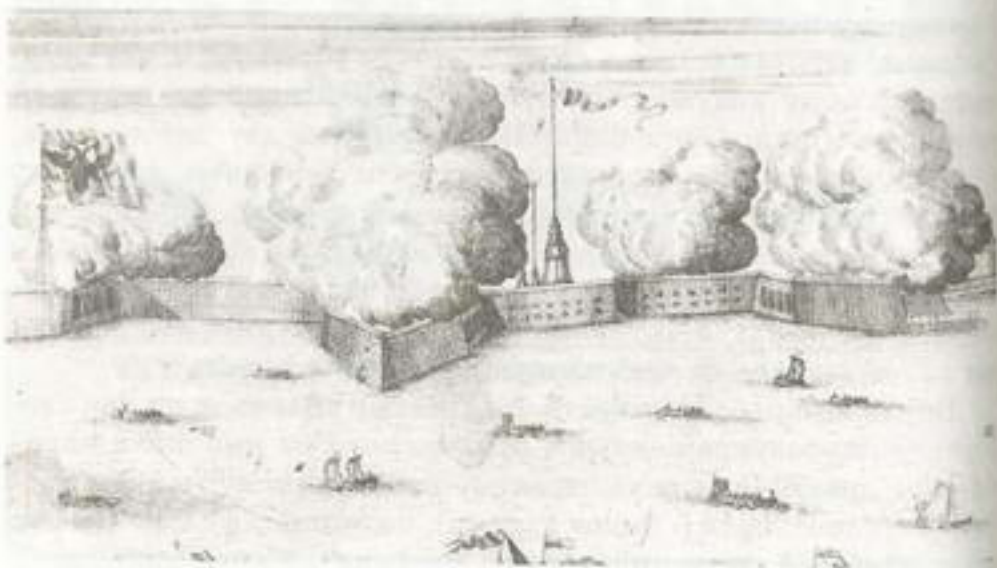
Подготовку к торжеству возглавил А. Д. Меншиков. Царь дал своему ближайшему сподвижнику поручение соорудить к возвращению галерного флота в Петербург на Троицкой площади „хотя малые какие триумфальные ворота из дерев и протчаго“¹³. Меншиков, написав Петру I, что он не в состоянии подготовить торжество, подобное тому, что было в Москве при вступлении туда русских войск после Полтавской победы, по причине нехватки мастеровых людей в Петербурге¹⁴, тем не менее развернул бурную деятельность. 24 августа он распорядился, чтобы все городские обыватели каждый „перед своим двором по силе своей, как кто возможет, триумфальные ворота из дерев и протчаго и иные подобные знаки поставили“. В день вступления в город царя предписывалось также всем к ночи зажечь перед дворами огни и подсветить окна („в окнах обыкновенные и [лл]уминации“)¹⁵. Пять дней спустя Меншиков приказал адмиралтейскому советнику А. В. Кикину объявить всем жителям Адмиралтейской стороны, чтобы „к пришествию его царского величества все улицы были вычищены и, кто какие имеет картины или шпалеры, выставляли б на улицу перед своими домами и прочие всякие пристойные украшения чинили“¹⁶.

Благодаря усилиям генерал-губернатора невяская столица была подготовлена достойно встретить возвращавшийся с победой из морской кампании галерный флот. На Троицкой площади по проекту зодчего Д. Трезини воздвигли трёхпролётные триумфальные ворота с богатым скульптурным убранством. Согласно акварельному рисунку ворот, над средней наиболее высокой аркой помещался барельеф с изображением двуглавого орла, увенчанного коронами, со скипетром и державою в когтях. Внутри под сводами арки имелся лепной вензель. Ворота были украшены восьмью колоннами, над каждой из которых возвышалась статуя. Венчал ворота высокий шатёр, над которым возносилась статуя античной богини правосудия, державшей меч и весы, одна из чаш которых склонилась вниз¹⁷.

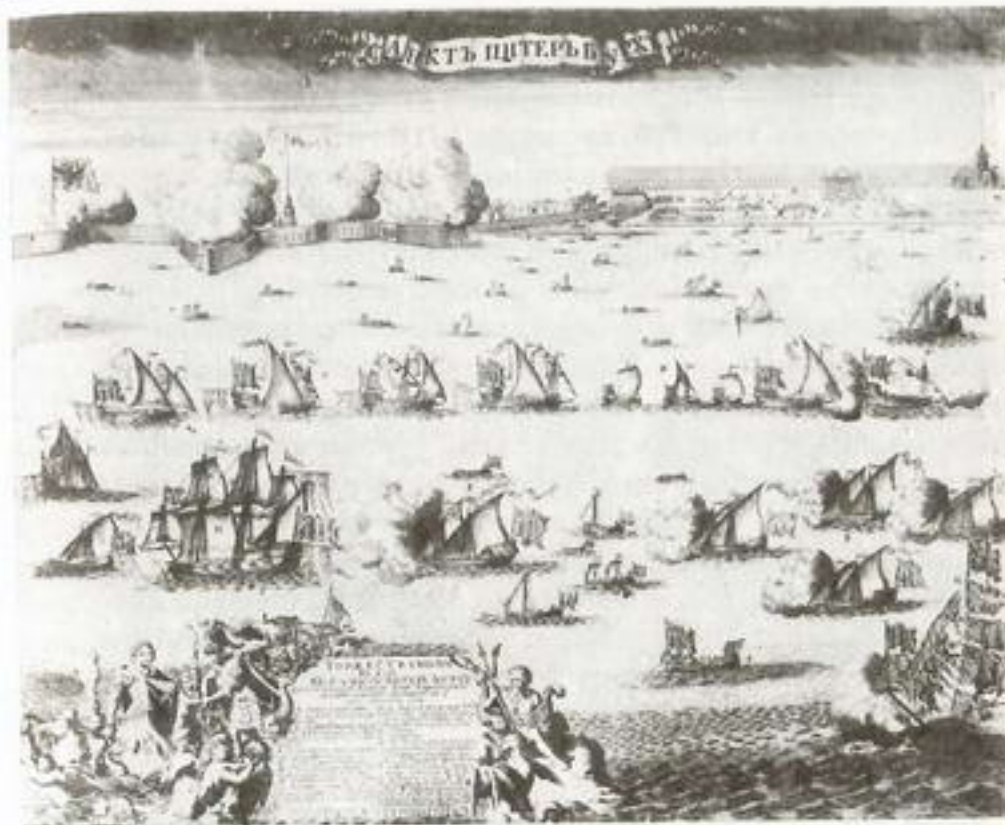
Видевший победные врата Ф.-Х. Вебер оценивал их как „великолепно разукрашенные“, отмечая, что на них были нарисованы „различные замысловатые изображения“, между прочими и такое: орёл (символ России), сидящий на слоне (намёк на трофейный шведский фрегат „Элефант“, по-шведски слон), с надписью: „Русский орёл мух не ловит“¹⁸. Именно окончательного завершения отделки ворот на Троицкой площади до-

жидался с судами — участниками будущего триумфального входа в Петербург — Пётр I в течение 7 и 8 сентября в устье Большой Невы на взморье у Екатерингофского дворца¹⁹.

Другие врата для встречи победителей, именовавшиеся Морскими триумфальными воротами, Меншиков возвёл прямо перед своим дворцом на самом берегу Невы. Они подробно изображены на гравюре „Вход с моря с триумфом царского величества в Санкт-Петербурх по Неве-реке к пристани“, выполненной в декабре 1714 г. по заказу князя Меншикова знаменитым мастером А. Ф. Зубовым. Набережная перед дворцом была укреплена и обшита досками, расписанными под кладку. Ворота были двухъярусными. Посередине их над ведущим к крыльцу дворца небольшим каналом была переброшена арка. В первом ярусе ворота украшали 14 колонн, каждая из которых венчалась статуей. В простенках между колоннами помещались картины, прославлявшие Петра I — победителя шведов на море, над аркой — овалный погрудный портрет царя. На втором ярусе ворот высились по сторонам 2 парных колонны, которые также завершались скульптурами античных богов. Посередине проёма между парными колоннами прямо над водой подъездного канала ко дворцу была большая картина с видом Гангутского сражения. Над батальной картиной в центре возвышалась фигура Афины Паллады в доспехах с копьём, мечом и знаками воинской доблести вокруг²⁰.

Салютующая идущим по Неве российским галерам 9 сентября 1714 г. С.-Петербургская (Петропавловская) крепость. С гравюры Г. де Вита

Гравюра Г. де Вита по рисунку П. Пикарта „Торжественный вход в Санкт-Петербург взятой шведской эскадры 9 сентября 1714 г.“

Когда утром 9 сентября задул благоприятный северо-западный ветер, выделенные для триумфального вступления в Петербург суда немедленно двинулись от Екатерингофского дворца вверх по Неве. Вначале следовали три российские скампавеи, за ними трофейные шхерботы, потом шесть шведских галер и фрегат „Элефант“ с приклонёнными книзу шведскими флагами на корме и высоко поднятыми рядом же российскими андреевскими флагами. На „Элефанте“, как и во время сражения, находился Н. Эреншельд. Вслед за „Элефантом“ шла скампавея корабельного шаутбенахта, на борту которой, как и в ходе баталии, был сам царственный флотоводец. Замыкали шествие судов несколько скампавей с солдатами.

Победители увидели праздничное убранство города, уже проходя мимо его окраин. „И когда пришли против слобод, везде распущены были флаги и убраны были ворота и жилища, также во многих домах стрельбою поздравлены“, — записал находившийся на одном из входивших в Петербург судов участник

триумфа²¹. Далее суда шли мимо возведённой вокруг Адмиралтейской верфи одноимённой крепости, на пяти бастионах которой стояли 105 артиллерийских орудий (8 шести- и 97 трёхфунтового калибра, сведения 1713 г.)²², потом мимо Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, из которых их поздравляли орудийным салютом, затем дважды дали залп из всех крепостных пушек. С галеры Петра I на каждый салют-приветствие отвечали „изо всех же пушек“²³.

Движение галер и трофейных судов на широком разливе Невы напротив Санкт-Петербургской крепости запечатлено на гравюре Г. де Вита по рисунку очевидца П. Пикарта. Художник, что было обычным для жанра петровской гравюры, соединил в одном изображении и парад судов на Неве, и следующий этап торжества — шествие войск и пленных по Троицкой площади. Объединены разновременные события на одной гравюре удачно: триумфальное действо на площади показано на заднем плане и воспринимается как естественное продолжение водной части праздника. Гравюра хорошо передаёт приподнятую обстановку торжества. На картуше в нижнем углу — та же тема морского торжества России: Нептун с трезубцем и царь Пётр на водах в доспехах со шпагой в руке, знамёна, различные знаки воинской доблести.

Участовавшие в гангутском триумфе суда пристали к причальной стенке у Троицкой площади, которая представляла собой пространство вдоль берега Невы, отграниченное с противоположной стороны длинным двухэтажным зданием гостиного двора. Войска и пленные вышли на берег и построились. Захваченные в бою шведские корабли стали напротив Троицкой площади на якоря „в ордер баталии“, то есть именно так, как они располагались перед сражением в Рилакс-фиорде, — в форме полумесяца с „Элефантом“ посередине. Описание первой части торжества — триумфального ввода галерного флота — автор корабельного журнала шаятбенахта Петра Михайлова заключил следующими словами: „И тако с помощью Божиею сия кампания с таким триумфом конец свой восприяла“²⁴.

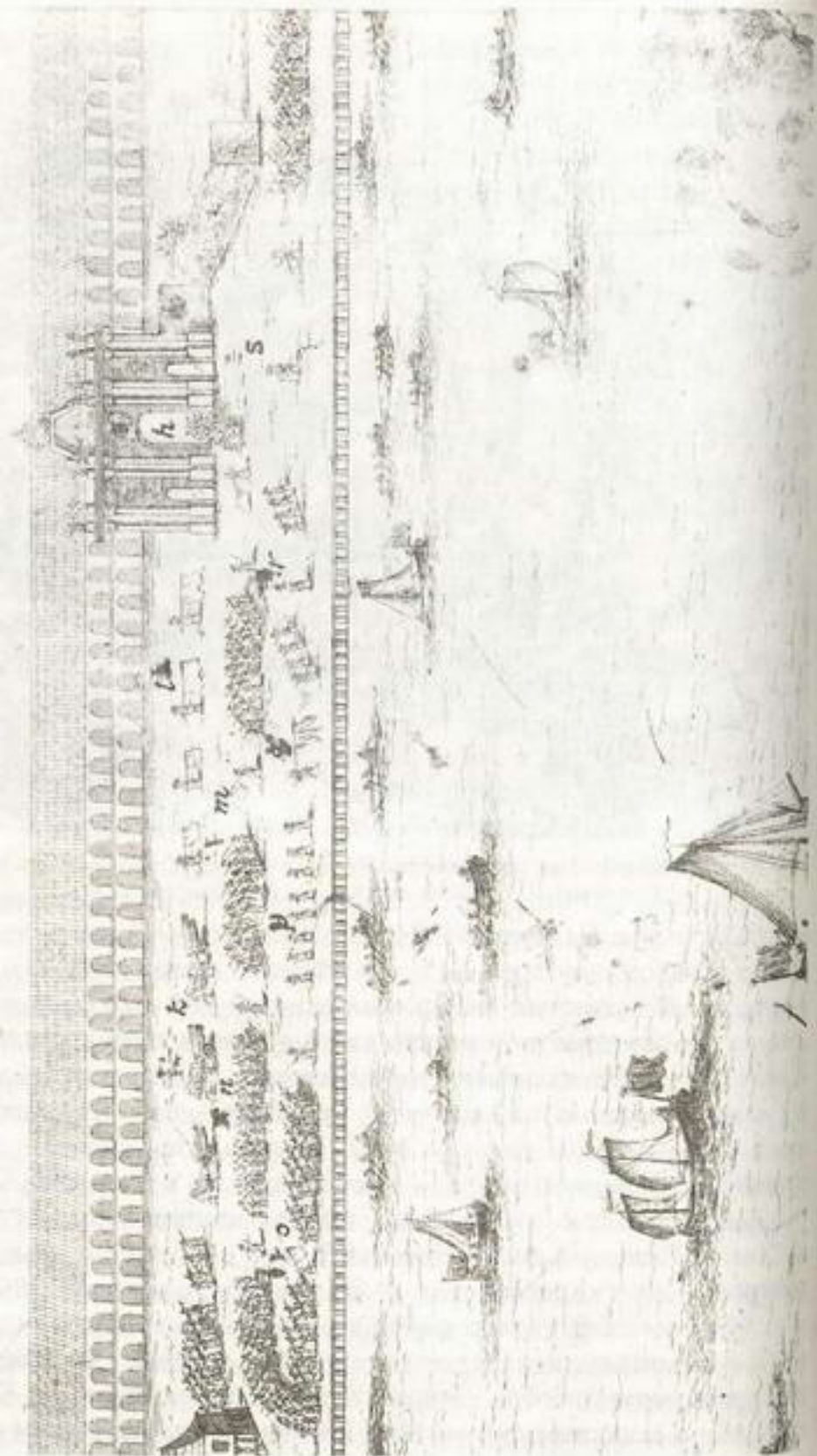
Шествие на площади открыла проследовавшая первой через триумфальные ворота рота преображенцев во главе с генерал-майором И. М. Головиным. За ней упряжки лошадей везли захваченные 19 февраля 1714 г. в сражении под городом Васа в Финляндии шведские артиллерийские орудия. Вслед за трофейными пушками солдаты несли отобранные у шведов во вре-

*Аллегорическое изображение Петра I — победителя на море.
С гравюры Г. де Вита по рисунку П. Пикарта 1714 г.*

мя Васской и Гангутской баталий знамёна. Разгромивший у Васы шведские войска К. Г. Армфельта князь М. М. Голицын в торжестве участия не принимал, так как находился с войсками на занятых россиянами территориях в Финляндии. Замыкали первую половину торжественного шествия, посвящённую чествованию победителей при Васа, две роты Астраханского полка. Они же как бы и открывали шествие второй половины триумфаторов — отличившихся в деле у Гангута.

После солдат Астраханского полка маршировали пленённые в бою в Рилакс-фиорде шведские унтер-офицеры, солдаты и матросы, по свидетельству Ф.-Х. Вебера, „в числе 200 человек“²⁵ — все, кто не был ранен в ходе ожесточённого сражения либо уже оправился от ран и мог идти в строю. За пленными шли две роты преображенцев, затем захваченные при Гангуте шведские морские офицеры (по Веберу, 14 чел.). Следом четыре российских унтер-офицера несли низко опущенный развёрну-

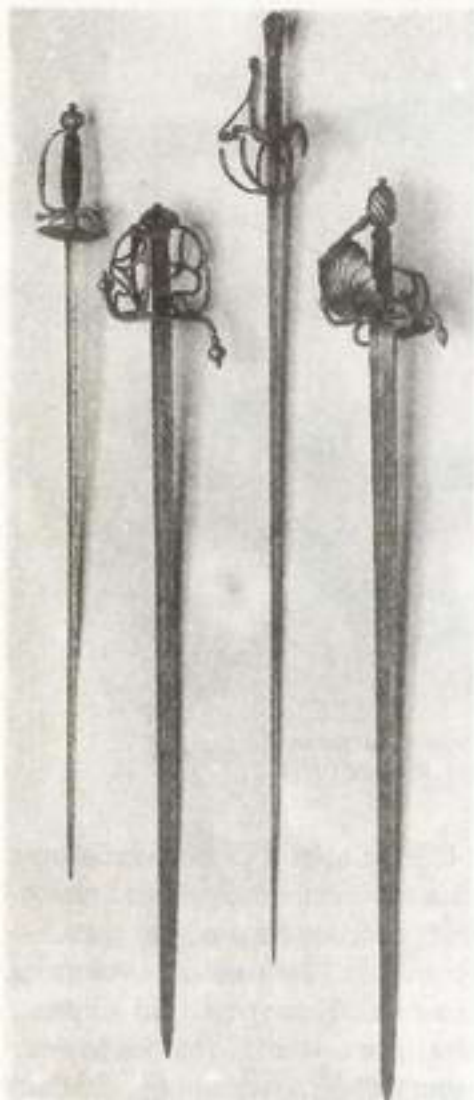

*Трофейные шведские ружья и пистолеты.
Начало XVIII в. Сталь, дерево, ГИМ*

тый флаг шведского шаутбенахта. Потом шёл и сам шаутбенахт Эреншельд. Далее следовал Пётр I в качестве шаутбенахта корабельного флота и полковника преображенцев, за ним — остальные роты Преображенского полка, звание полковника которого царь сохранял вплоть до самой смерти. По словам Ф.-Х. Вебера, Пётр I был в зелёном, шитом золотом кафтане.

Когда Пётр I вступил под арку триумфальных ворот, он был окружён сенаторами, знатнейшими лицами государства, иностранными дипломатами, которые спешили поздравить его с одержанной победой. Й. А. Нордберг добавляет, что во время остановки у триумфальных ворот Пётр I, чтобы сделать церемонию более впечатляющей, взял за руку пленного шаутбенахта и подвёл его к сенаторам, представив как „человека отважного и достойного по подвигам своим и храбрости всеобщего признания“²⁶. Тогда же шаутбенахта Петра Михайлова, по сведениям наблюдавшего всю церемонию голландского резидента

Триумфальное шествие 9 сентября 1714 г. по Троицкой площади Петербурга. С гравюры Г. де Вита. Буквой R обозначен Н. Эреншельд, S — Пётр I

Трофейные шведские шпаги.
Начало XVIII в. Сталь. ГИМ

в России Я. де Би, благодарил „от имени всей России за его храбрость и оказанные им заслуги отечеству“ „князь-ке-сарь“ Ф. Ю. Ромодановский. По словам резидента, он там же „в знак всеобщей признательности“ поднёс Петру Михайлову патент на чин вице-адмирала²⁷. Однако, согласно запискам другого очевидца — ганноверского дипломата Вебера, присвоение Петру I следующего воинского чина произошло в С.-Петербургской крепости на Заячьем острове, куда прошли торжественным маршем с Троицкой площади победители и побеждённые. Там в помещении Сената восседал на троне „вице-царь Ромодановский“ (так его именует Вебер), окружённый сенаторами. Ромодановский потребовал шаутбенахта Петра Михайлова в Сенат, где принял у него донесение о победе, написанное Ф. М. Апраксиным²⁸. По прочтении его Ромодановский некоторое время держал совет с сенаторами и даже за-

дал несколько вопросов шаутбенахту, после чего последний был провозглашён ими „за верно сослуженную им службу Отечеству“ вице-адмиралом. Помещение Сената огласилось криками: „Да здравствует вице-адмирал!“²⁹ Версия, изложенная Вебером, подтверждается и письмом Петра I Ф. М. Апраксину от 13 сентября 1714 г.³⁰, и одним из походных журналов 1714 г., в котором сказано, что по окончании триумфального шествия по Неве и Троицкой площади Пётр I в качестве ещё шаутбенахта (контр-адмирала) „с морскими офицерами вошёл в палату, в которой сидел государь князь Фёдор Юрьевич под болдахином,

которой господина контра-адмирала тут пожаловал в вице-адмиралы“³¹.

Вся эта весьма странная на первый взгляд игра в „князя-кесаря“, которой Пётр I придерживался до конца жизни, вызывала у современников самые разные чувства: удивление, недоумение, сомнения разного рода (не подменён ли царь? и др.). Но царь Пётр неуклонно следовал игре в „князя-кесаря“, и все вынуждены были считаться с ней. Некоторые понимали и воспитательную роль игры. Служивший в год Гангутской победы навигатором известный учёный и моряк Ф. И. Соймонов, осмысливая на склоне лет прожитое, так отзывался об этом своеобразном изобретении Петра: „Сии церемонии, которые другой владетель мог бы вменить за комедиальные игры, великий Пётр имел... за важной секрет... ибо касались оныя до охотного введения в сердца народа его желания к военному чину, как сухопутному, так и морскому, и до почтения к вышним афицером“³². Именно так, к примеру, Пётр I 22 декабря 1709 г. во дворце на Царицыном (или Красном) лугу вблизи Москвы по служебному ранжиру после генерал-фельдмаршалов Б. П. Шереметева и А. Д. Меншикова рапортовал в качестве полковника Преображенского полка „кесарю московскому“ Ф. Ю. Ромодановскому и об исходе Полтавской баталии. Сделав устные отчёты, все три военачальника вручили тогда последнему и письменные рапорты³³, после чего Петру I был „дарован“ Ромодановским следующий военный чин — шаутбенахта корабельного флота. Сам князь Ф. Ю. Ромодановский прямо указывал на цель организации подобных церемоний в письме от 28 июня 1713 г. Б. П. Шереметеву. Извещая генерал-фельдмаршала, что генерал-поручик сухопутной службы Пётр Михайлов „за многие ево прежние службы, а наипаче за нынешнюю, показанную в Голштинии службу и труд над генералом-фельдмаршалом швецким Штейнбоком“ пожалован в полные генералы, Ромодановский требовал объявить об этом во вверенных Шереметеву войсках, чтобы „все... ведали, за какое ево радение и службу взыскан такую честию, чтоб и все також-де искали с радением такова чину“³⁴.

9-го же сентября 1714 г., отблагодарив за оказанную ему честь, новопроизведённый вице-адмирал Пётр Алексеевич Михайлов возвратился к своей шлюпке и поднял на ней вице-адмиральский флаг. Приняв поздравления, он отправился на шлюпке во дворец князя Меншикова на Васильевском острове, где было всё приготовлено для большого пиршества.

Кубок стеклянный. 1709-1714 гг. Ямбургский завод. Гравированная надпись в честь Петра I: „Виват шаутбенахту от российских флотов“. Из собр. Гос. Эрмитажа. (Галерея Петра I)

Дворец Меншикова в день гангутского триумфа запечатлён на гравюре А. Ф. Зубова. Четырёхэтажное здание с кирпичными оштукатуренными стенами, построенное в 1710–1713 гг., было богато украшено. У причала перед ним, как уже упоминалось, возвышалась роскошная триумфальная арка с портретом Петра I над проходом посередине, видом сражения, символами воинской славы и т. д. Именно в своём новопостроенном дворце Меншиков намечал потчевать Петра I и других гангутских победителей.

Пир в честь Гангутской победы проходил в Большом зале дворца Меншикова, великолепно по внутренней отделке и имевшем внушительные размеры (площадь 235 кв. м)²⁵. Краткое свидетельство о пиршестве есть в письме Менши-

кова генерал-адмиралу, отправленном через день после него: „По оном триумфальном входе изволил его величество со всеми господами министрами нашими и чужестранными, и с генералами, и офицерами, також и с пленными офицеры у меня кушать и довольно веселились“²⁶. Застолье продолжалось до 9 часов вечера. Эреншельду на пиру была оказана большая честь: он сидел за столом между Петром I и Меншиковым. Участник застолья Я. де Би писал, что царь „выхвалял этого офицера за его геройское сопротивление и старался утешить его в несчастии, несколько раз принимаясь уверять его в своём уважении и повторяя ему, что он не будет терпеть у него ни малейшего стеснения“²⁷.

Произнесённые тогда на пиру Петром I слова изложил в своих записках Ф.-Х. Вебер. Царь, оказывая Эреншельду „особенную милость“, после застолья сказал окружающим его вельможам о пленённом им шведском флагмане: „Вы видите перед

собой храброго и верного слугу своему государю... и он должен также, до тех пор пока будет у меня, пользоваться всевозможною и моею милостью...“²⁸ И. А. Нордберг сообщает, что в день гангутского триумфа Эреншельд был в подаренной ему царём новой одежде, богато расшитой серебром²⁹.

Ганноверский дипломат привёл в своих записках и ответные слова Эреншельда, которые он говорил, выражая благодарность царю: „Хотя я и честно служил своему государю, но сделал не более того, что я обязан был сделать. Я искал смерти (он получил семь ран. — Примеч. Вебера), но не нашёл её и утешаюсь в моём несчастии тем, что взят в плен Вашим величест-

Медаль в память 200-летия кончины Н. Эреншельда. Худ. С. Сипиле. Отчеканена на Монетном дворе в Париже. 1929 г. Серебро. Бронза. На оборотной стороне надпись по-латыни: „Неподкупная верность, непобеждённый дух“

Медаль в память 200-летия кончины Н. Эреншельда. Скульптор Б. Нильссон. Отчеканена на фабрике Бауэра в Нюрнберге. 1929 г. Серебро. Бронза. На оборотной стороне надпись по-латыни: „Всею себя отдал Родине“ — и дата Гангутского сражения: „27/7. 1714“

вом, великим морским офицером, ныне возведённым в звание вице-адмирала, и что я им принят с такими милостями⁴⁰. Далее он уверял, что „русские сражались как львы и что если бы он сам не видел их стойкости в бою, то никогда бы не поверил, что из своих... подданных царь сделал таких хороших солдат“⁴⁰. Примечательно, что, помимо Эреншельда, на пиру во дворце Меншикова были и остальные пленные шведы обер-офицерского ранга⁴¹.

Пётр I по-доброму относился к Эреншельду в продолжение всего срока пребывания последнего в русском плену. Я. де Би свидетельствовал, что сразу же по пленении Эреншельда царь принял его „с большим вниманием и вежливостью и с похвалой отзывался об его мужественном сопротивлении“⁴². По сообщению Й. А. Нордберга, Пётр I постоянно выказывал Эреншельду много внимания и уважения, предоставил ему удобное жилище, назначил достойное содержание и даже посещал его⁴³.

16 декабря 1714 г. Эреншельд, находившийся уже более 3 месяцев в Петербурге, писал королю Карлу XII следующее:

„... я давно б исчез от ран своих, от которых и ныне страдаю и лежу, аще бы не его царского величества неизреченное милосердие как денгами, так и протчими способы...“⁴⁴ Эреншельд извещал шведского монарха о положении пленных морских обер-офицеров в Петербурге: „... нам, подданным вашим, в полону у его царского величества никакого утеснения нет, и ходим в городе или куды пожелаем за караулом свободно, и всякая нам честь воздаётся“⁴⁵. Шведы могли писать на родину письма, впрочем, не по-шведски, но на немецком языке, поскольку их переписка во избежание пересылки сведений о военном и внутреннем положении России просматривалась. Походный журнал царя 1714 г. зафиксировал посещения Петром I пленённого при Гангуте шаутбенахта 17, 21 августа, 20 и 22 декабря; 3 сентября Эреншельд сам посетил российского монарха на его флагманском корабле⁴⁶. 8 октября 1715 г. Пётр I был на церемонии погребения другого гангутского пленника — командира „Элефанта“ капитана А. Сунда⁴⁷.

За проявленную в Гангутском сражении храбрость, невзирая на то что шведы потерпели тогда поражение и попали в плен, Карл XII присвоил Эреншельду 9 января 1716 г. звание вице-адмирала⁴⁸.

По окончании Северной войны Эреншельд был призван 17 октября 1721 г. к Петру I и, как сказано в походном журнале российского монарха, последний изволил пожаловать пленному вице-адмиралу шпагу⁴⁹. Надо полагать, это была именно та шпага, которая была у Эреншельда в день сражения в Рилакс-фиорде. Во всяком случае, 24 августа 1714 г. Пётр I потребовал у генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, чтобы тот взял у пленившего Эреншельда С. Г. Бакеева шпагу шведского шаутбенахта⁵⁰. А 7 сентября генерал-адмирал отвечал царю: „Шпагу... ша-

Транспарант, выставленный во время фейерверка 12 сентября 1714 г. в честь Гангутской победы в С. Петербурге. Гравюра 1714 г.

утбейнахта Эрнштеля сыскал и привезу с собою⁵¹. При освобождении из плена Эреншельд, логично считать, и получил своё личное оружие обратно из рук пленившего его Петра I. На церемонии возвращения шпаги Эреншельду Пётр I одарил в честь заключения мирного договора со Швецией присутствовавших шведов — прибывших тогда в Петербург на шведском фрегате офицеров и остальных членов команды: капитан получил 100 рублей, поручик — 50, унтер-офицеры и матросы — 300⁵².

24 октября 1721 г. Пётр I дал именной указ выдать Эреншельду и сопровождающим его паспорт для свободного возвращения на родину⁵³. При отъезде император подарил Эреншельду в знак расположения свой миниатюрный портрет, украшенный бриллиантами. Более того, 24 же октября Пётр I вручил своему бывшему противнику собственноручно подписанное им рекомендательное письмо на имя шведского короля Фредрика I. В послании имелись следующие слова: «... мы принуждены... верное и истинное свидетельство подать, что он при том случае, когда он в полон взят был, так храбро и мужественно поступал, как от него ожидать и возжелать было возможно⁵⁴. Спустя немногим более недели, 2 ноября, Эреншельд получил от короля чин полного адмирала. Показательно, что адмирал продолжил службу и в декабре 1721 г. был назначен экипажмейстером флота в Карлскруне. С 1721 по 1727 г. он также являлся членом тайного комитета Риксдага. Уже из Карлскруны 29 января 1722 г. Эреншельд написал Петру Великому письмо, наполненное выражениями искренней благодарности⁵⁵.

Эреншельд, находясь в течение семи лет в русском плену в Петербурге, наблюдал российские галеры, офицеров, солдат и матросов армии и флота и пришёл к выводу о бесперспективности для Швеции военного противоборства с вооружёнными силами России. По свидетельству имевшего широкий круг общения в среде русских и иностранных дипломатов секретаря посольства Пруссии в России с 1718 по 1738 г. И. Г. Фоккеродта, в 1726 г., когда на Балтике снова назревала война (по поводу так называемых „голштинских дел“), на вопрос шведских государственных чинов, сколько бы ему понадобилось боевых кораблей для защиты шведских берегов от галер в случае разрыва мира с Россией, адмирал Эреншельд заявил, что не в состоянии это сделать и с тысячью кораблей⁵⁶.

12 сентября 1714 г. Пётр I в сопровождении важнейших государственных лиц снова побывал „на взятых сконпавеях“

и „Элефанте“, а ближе к ночи в Петербурге был устроен праздничный фейерверк, который ко дню торжественного ввода в Неву русских галер и пленённых шведских судов просто не успели подготовить. На одном из транспарантов под надписью: „Слава в вышних Богу“ — была нарисована выходящая с небес рука с обращённым вниз мечом. На нижней половине овального транспаранта была представлена картина боя в Рилакс-фиорде со словами: „Прославим прославившего нас“. На другом транспаранте надпись, относившаяся к действиям шведского флота, гласила: „Уловляя, уловлен“⁵⁷.

Традиция ежегодных празднований дня Гангутской баталии при Петре I установилась сразу же. Наряду с годовщинами Полтавской битвы 1709 г. — главной победы русской армии в Северной войне, „Левенгауптской баталии“ — победы над шведским генералом А. Л. Левенгауптом 28 сентября 1708 г. при Лесной, явившейся, по определению Петра I, „матерью Полтавской баталии“, годовщинами взятия крепости Орешек 11 октября 1702 г. — первой победы в Северной войне, в достижении которой непосредственное участие принимал сам царь и ставшей по сути „ключом“ к возвращению стране выхода на Балтийское море, начиная с 1715 г. регулярно отмечалась победа при Гангуте — день 27 июля 1714 г.

С первых же лет гангутские празднества получили значение не только событий, поддерживавших высокий воинский дух российских моряков и благотворно воздействовавших на самоутверждение русских людей как морской нации, но они сверх этого укрепляли международный престиж России в качестве военно-морской державы.

В июле 1715 г. сильный русский флот в составе 20 линейных кораблей (1128 пуш.), также фрегатов, шняв и других судов⁵⁸ сосредоточился у Ревеля. Туда же прибыла соединённая англо-голландская эскадра из 26 боевых кораблей, сопровождавшая караван купеческих судов. 17 английских кораблей были под командованием адмирала Д. Норриса, 9 голландских — шаутбенахта де Фета⁵⁹. В таком окружении празднование первой годовщины Гангутской виктории неизбежно приобретало национально-утверждающий характер: свидетелями торжества молодого флота России были моряки флотов старых морских держав — Великобритании и Голландии.

В походном журнале „господина вице-адмирала“ (Петра I) торжество по поводу первой Гангутской годовщины описано в

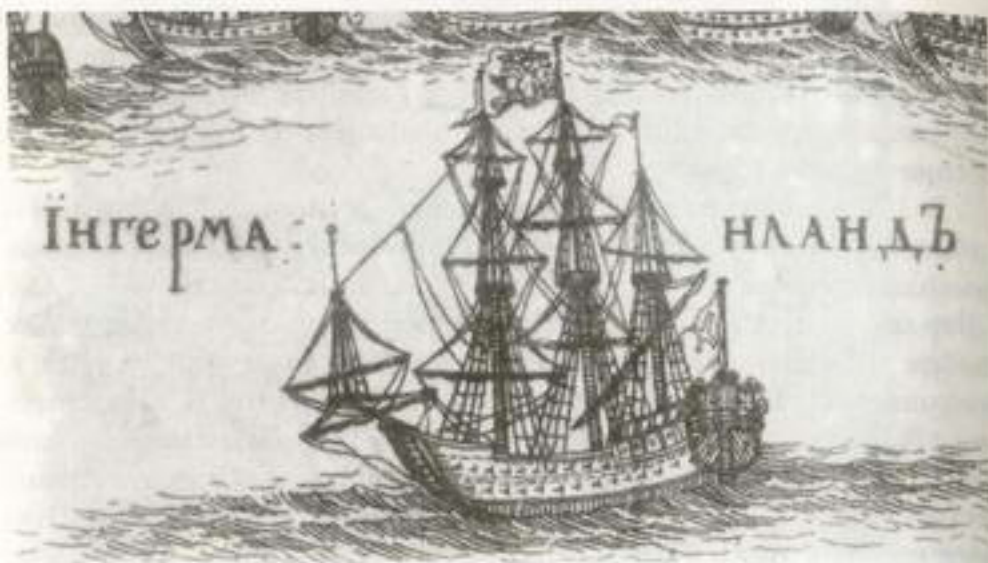
Вид Российскаго флота на рейде острова Котлин в 1715 г. Гравюра П. Писарта

следующих строках: „Сего числа воспоминание баталии, которая была в прошлом 1714-м году у Ангута; обедали у нашего адмирала (Ф.М.Апраксина. — П. К.) все, где были аглинские и галанские флагманы, и палили один раз из пушек со всего нашего флота вдруг“⁶⁰.

В 1716 г. российский корабельный и галерный флот сконцентрировался у Копенгагена. Целью этого похода являлась высадка союзных русских и датских войск на южном побережье Швеции для уничтожения совместной операцией сухопутных войск и флота шведской военно-морской базы Карлскруна и находившихся там главных сил шведского флота. К Копенгагену прибыли для общих действий против шведского военно-морского флота и каперских судов сильные британская и голландская эскадры. На церемонию празднования годовщины Гангутской виктории Пётр I пригласил иностранных министров, адмирала Д. Норриса — командующего английской эскадрой, датских флагманов. Походный журнал царя — вице-адмирала Петра Михайлова — так описывает состоявшийся во флоте праздник: „27-го. Праздновали день Ангутской баталии; по молебне палили 11-ть (раз с флагманского корабля Петра I „Ингерманланд“. — П. К.), а с протчих (кораблей. — П. К.), по 7-ми пушек. И господин вице-адмирал с протчими министры и адмиралами дацкими и аглинским обедал на своём корабле“⁶¹.

Вернувшись в Россию после путешествия в 1716–1717 гг. по странам Средней и Западной Европы, Пётр I продолжил традицию празднования гангутских годовщин во флоте. В конце июля 1718 г. флот находился у Ревеля, там и состоялось это флотское торжество. По описанию в походном журнале царя оно прошло следующим образом: „27-го. В 10-м часу пополудни флаги распустили. Царское величество пополудни с флагманами и министрами изволил кушать на корабле („Ингерманланд“. — П. К.), и несколько морских и сухопутных офицеров было...“⁶².

Обер-иеромонах флота Гавриил Фёдорович Бужинский в произнесённой в тот день в Ревеле проповеди „в память о морской победе у Ангута“ иносказательно осмыслил её как первый плод с ещё совсем недавно вспаханных российскими кораблями вод Балтийского моря, засеянных ими семенами лавров — зародышами будущих морских побед: „Российский флот — услышите сия вси язицы... — и то малый, недавно наченшийся, с людьми начинающими морскаго хождения учитися... скоро ток-

Флагманский корабль Петра I „Ингерманланд“.
С гравюры П. Пикарта 1716 г.

мо на Балтийском море своя распостёртыя показал паруси, скоро первым своим хождением морския поорял води, абие (немедленно. — П. К.) неслиханная побед засеял лявры. Первую узреша сопровтивники... российскую баталию водную...⁶³ По словам проповедника, шведы уже привыкли на суше отдавать, сдаваясь в плен, „шпаги своя победителю российскому“, а в 1714 г. они впервые „при Ангуте-урочищи тому ж де победителю под победныя стопи флаги своя морския подослаша“⁶⁴.

Особым размахом отличалось празднование пятой гангутской годовщины в 1719 г. Вице-адмирал Пётр Михайлов находился тогда в качестве командующего российским корабельным флотом у острова Лемланд в Аландском архипелаге. Бухта, где стоял флот, была укреплена артиллерийскими батареями. В юго-западном направлении от места стоянки российского флота шёл кратчайший путь через Оландхаф в стокгольмские шхеры⁶⁵. Участник этого похода англичанин Д. Ден, командовавший тогда линейным кораблём „Девоншир“, сообщает, что в гавани Родхамн у Лемланда находился мощный русский флот из 21 линейного корабля (всего 1236 орудий). Самым сильным кораблём во флоте являлся одноимённый первой крупной победе россиян на Балтийском море 90-пушечный „Гангут“⁶⁶. В то же самое время российские галеры с большим десантным корпусом на борту 11 июля вступили в шведские шхеры приблизительно в 70 верстах

Висячий компас из каюты Петра I на „Ингерманланде“. ЦВММ

от Стокгольма⁶⁷. До середины августа галерный флот под командованием Ф. М. Апраксина успешно действовал в самом сердце Швеции вблизи Стокгольма. С галер высаживались десанты. Для склонения шведов к миру силами галерного флота были на время заняты 8 городов, разрушен 21 завод, что существенно подорвало экономику Швеции⁶⁸. Другой отряд под командованием генерал-майора П. П. Ласси в составе 21 галеры, 12 островских лодок с 3,5-тысячным экипажем был послан Петром I 12 июля для действий вдоль шведского побережья к северу от Стокгольма⁶⁹. Военные действия российского флота в 1719 г. следует отнести к числу его наибольших успехов в годы Северной войны. Посол в Дании В. Л. Долгоруков писал П. П. Шафирову из Копенгагена 25 августа 1719 г.: „Ежели нынешние росиских войск действы не принудят шведов к миру, поистинне мощно будет причесть в чудо, разве оне в надежде на обещанную аглинскую помощь толикое раззорение похотят снести...“⁷⁰

Такова была военно-политическая обстановка накануне празднования 5-летия сражения при Гангуте — „первых плодов Российского флота“. Пятилетие спустя после баталии флот России уже господствовал на Балтике, русские галеры действовали у Стокгольма и шведские корабли не могли даже показаться в виду Российского флота без поддержки военно-морских сил какой-либо другой сильной морской державы Европы. 28 июня 1719 г. Пётр I на военном совете во флоте, стоявшем тогда у Гангута, заключал, что „сие едино препоною было — флот их, но когда сие так вне состояния, то кажется, труда жаднаго (никакого. — П. К.) нет с помощью Божию искать притеснить неприятеля к миру...“⁷¹

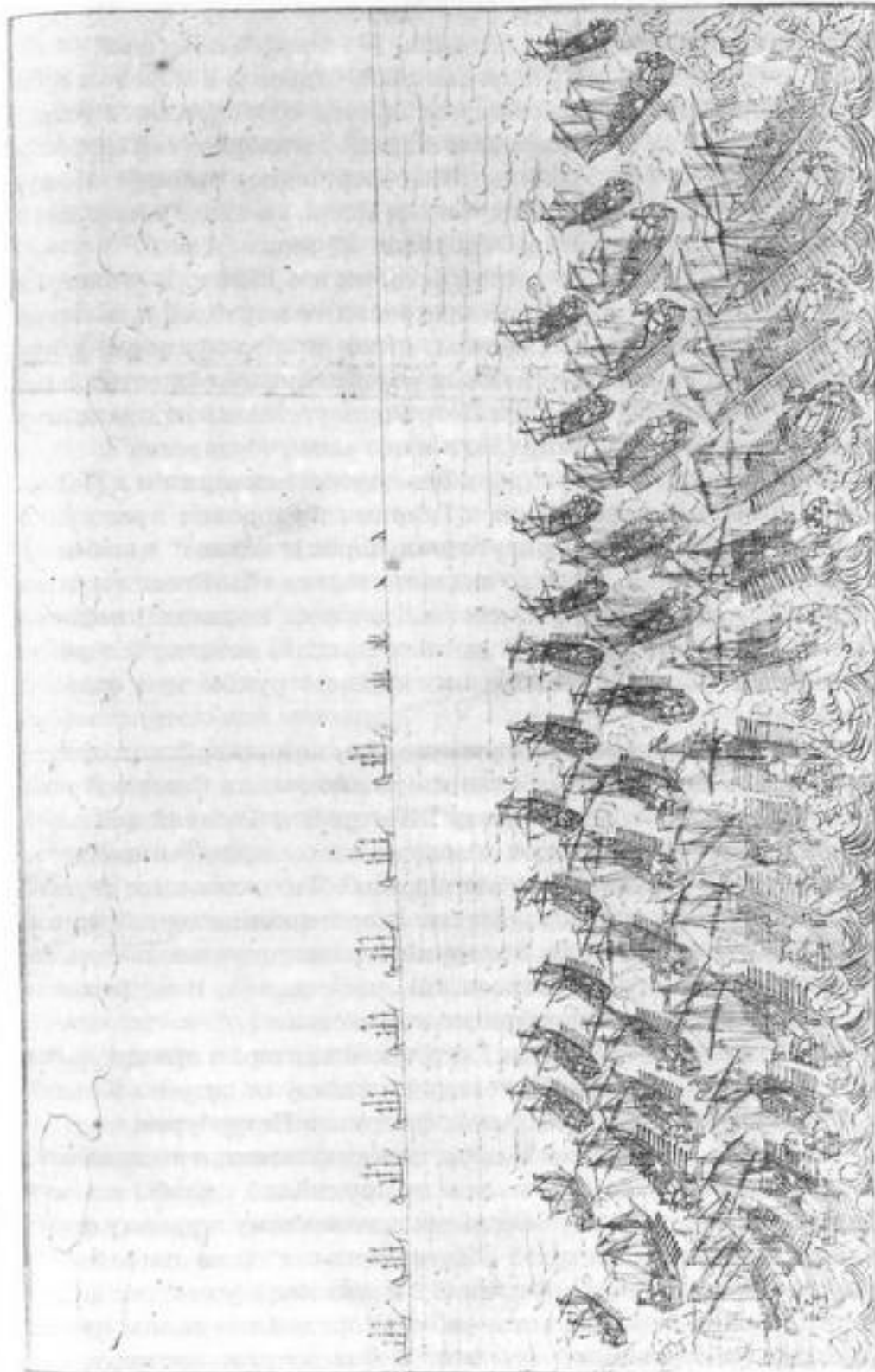
Наиболее подробно отражено гангутское юбилейное торжество 1719 г. в шканечном (корабельном) журнале флагманского

корабля вице-адмирала Петра Михайлова „Ингерманланд“. Поскольку это описание вообще является одним из наиболее любопытных и детальных, приведём его ниже: „27-го... пополуночи... понеже сей день воспоминания баталии, которая была у Ангута в 1714-м году, того ради для триумфу выведены были галеры из гавана и поставлены во флот в полмесяца. И в 10-м часу съехались к нам на корабль все министры, и генералы, и флагманы, и офицеры морские и обоих полков гвардии, и в 11-м часу были (били? — П. К.) часы у нас на корабле, потом говорил орацию для сего дня обер-иеромонах (Гавриил. — П. К.) Феодорович, и потом был благодарственной молебн, и по молебне распустили все флаги и вымпелы на всех кораблях и галерах для украшения и стреляли из пушек наперёд с галер один раз и потом из мелкого ружья також один раз беглым огнём с галер, потом со всего флота корабельнаго и с батарей палили из пушек один раз по 15-ти выстрелов и потом ещё с галер из мелкого ружья выстрелили; и потом остались обедать у его величества одни флагманы, а протчие все разъехались. И в 6-м часу паки все собирались и сидели до 11-го часу, и веселились изрядно, и стреляли из пушек, и разъехались в 11-м часу“⁷².

О чём же „говорил орацию“ в день пятой годовщины Гангутского сражения обер-иеромонах флота Гавриил Фёдорович Бужинский?

Главная мысль „Слова о победе, полученной у Ангута...“ — воздать хвалу Господу за те „частыя победы и торжества“, которыми Он „увенчал Россию“ в годы Северной войны. По убеждению Гавриила, именно успехи страны на бранном поприще на море и на суше — свидетельство „смотрения“ Божьего о Российской державе, одобрение свыше начатой Петром I борьбы за „от Лва Свейскаго... отъятые многия страны и провинции“, показатель правильности проводимых преобразований.

Обратившись к конкретному поводу для произнесения „Слова“, Гавриил заявил: „... день нынешний в 1714 году... воистинну великаго торжества исполненный: в он же по земных победах над войски шведскими первое основание морских браней и впредбудущих побед и торжеств, в России содеваемых, положил... Бог наш“. День 27 июля 1714 г. показал, что стала

Российский галерный флот в походе от Аландских островов к стокгольмским шхерам в июле 1719 г. Рис. пером Ф. И. Соймонова. ОР РНБ

исчезать и последняя надежда шведов в войне с Россией — их флот, „от древних лет утверждённый, отдревле в морском плавании обучившийся, многия государства порубежныя... устрашающий“. „Что убо имате чаяти врази, егда флот сей (российский. — П. К.) богохранимый в совершенное приидёт возмужание?“ — вопрошал в присутствии Петра I и цвета российских военачальников Гавриил Фёдорович 27 июля 1719 г.⁷³

Отмечался день Гангутской баталии и в 1720 г. В стоявшем у Котлина флоте по традиции „стреляли с кораблей и галер из пушек, из ружья“⁷⁴. Флагманы, штаб- и обер-офицеры флота пировали на одном из линейных кораблей, „всё общество было разгорячено вином“, причём Пётр I присутствовал на празднике не в качестве вице-адмирала, а как глава государства⁷⁵.

Праздновали в 1720 г. день Гангутской виктории и в Петербурге. Обер-иеромонах флота Гавриил Фёдорович произнёс в церкви Св. Троицы в присутствии царицы „слово“ о победе у Гангута, в котором образно сказал, что, если бы Россия и была „силна... сухопутным воинством... а флота не имела, подобна была бы... птицы, хотящей единым крылом летати, человеку, на единой ноге скачущему или единою рукою вся осязати хотящему“⁷⁶.

В 1721 г. годовщина гангутского триумфа российского флота отмечалась за месяц с небольшим до окончания Северной войны. Переговоры о мире между Швецией и Россией велись в финском городе Ништадте и завершились подписанием договора полномочными представителями обеих воюющих держав 30 августа 1721 г. Предчувствие скорого конца одной из наиболее длительных войн в истории страны ощущалось едва ли не всеми во флоте. Сказалось это, несомненно, и на размахе веселья участников гангутского торжества.

Наиболее масштабно день Гангутской виктории праздновался в стоявшем у урочища Гаривалдай к западу от острова Котлин в Финском заливе корабельном флоте и в Петербурге.

Во флоте ряд кораблей был расцвечен флагами и вымпелами, воздух многократно сотрясаясь от орудийной пальбы в честь морской победы 1714 г.⁷⁷ Согласно шканечному журналу флагманского корабля Петра I „Ингерманланд“ (сам царь был в тот день в столице), с 5-го по 12-й час пополудни „во флоте палили“ ежечасно. В некоторые часы орудийные залпы производились несколькими сериями. В 9-м часу, к примеру, „во флоте палили 4 раза: 2-й раз⁷⁸ из тринадцети, 3-й из 15, 4-й из

29 пушек“; последний раз „палили во флоте из 9 пушек“ в 12-м часу ночи. Наступившая ночь прекратила празднество.⁷⁹

В Петербурге главным событием Гангутского праздника 1721 г. стал спуск со стапеля Адмиралтейской верфи на невские воды нового корабля — 66-пушечного „Пантелеймона-Виктории“, получившего своё название именно в честь Гангутского и Гренгамского сражений, происходивших в один и тот же день, покровительствуемый святым Пантелеймоном. Согласно чертежу корабля, в качестве носового украшения он имел не обычную для Петровского флота резную фигуру, изображающую льва, вставшего на задние лапы и грозно рычащего, но скульптуру античной Славы (Фамы) в виде женщины, державшей в руке трубу. Резная композиция на задней стенке кормы корабля также была посвящена теме военных триумфов России: резное изображение Славы, восседавшей среди трофеев — пушек, барабанов и пр. Над фигурой Славы размещалась держава — символ царской власти. По своим конструктивным особенностям „Пантелеймон-Виктория“ (мастер Б. Пангало, неаполитанец, построивший во Франции 17 линейных кораблей) являлся первым линейным кораблём, построенным в России по французской кораблестроительной методике⁸⁰.

Для освещения празднования этого дня в Петербурге имеется пространный и, главное, надёжный источник — дневник Ф. В. Берхгольца, придворного (камер-юнкера) голштинского герцога Карла-Фридриха, прибывшего по приглашению Петра I в Петербург в том году. Ф. В. Берхголец как приближённый герцога был непосредственным очевидцем событий того дня. Обратимся к его дневниковым записям, сделанным по свежим впечатлениям от праздника: „После обеда, когда пушечным выстрелом возвестили о спуске корабля, о котором говорил царь во время последней прогулки по реке, его высочество (Карл-Фридрих. — П. К.) сел в свою барку и поехал в Адмиралтейство. Его величество царь был уже там и прилежно трудился над приготовлениями к спуску. Он всегда сам смотрит за всем, даже сам строит корабли, потому что, как говорят, знает это дело едва ли не лучше всех русских. Увидев герцога, он обнял его, отвёл немного в сторону и стал ему говорить что-то на ухо... после чего снова поспешил к кораблю, чтоб осмотреть, не забыто ли что-нибудь. Немного спустя он возвратился и повёл нас на корабль, где с герцогом и со всею его свитою прополз под подмостки у киля, чтобы показать, как корабль сделан внизу и чем облегчается спуск его на воду. Потом он один

ещё раз обошёл вокруг корабля и осмотрел, всё ли приготовлено как нужно: его величество в таких случаях верит только собственным глазам. Найдя, что всё готово, он взошёл на корабль и приказал начать его освящение... Обряд освящения совершал епископ Новгородский в задней каюте наверху... Новый корабль получил имя «Пантелеймон»⁸¹.

Затем Пётр I сошёл с корабля, поскольку желал сам начать работы по спуску корабля на воду, сделав „первый удар при отнятии подмостков“. Зрители заняли все удобные для наблюдения места. Когда подпиравшие корабль с бортов балки были одновременно отдёргнуты канатами, „корабль сперва медленно спустился со стапеля, но потом как стрела слетел в воду... — и как писал далее Ф. В. Берхгольц, — когда он пошёл по воде, с него раздались звуки литавр и труб, смешавшиеся с шумными восклицаниями народа... в то же время началась пушечная пальба в крепости и в Адмиралтействе“. Корабль стал на якорь посреди реки. Прибывший на него на своей шлюпке Пётр I принимал на нём поздравления с благополучным спуском на воду очередного корабля⁸².

Застолье на „Пантелеймоне-Виктории“ продолжалось до ночи. Любопытно размещение приглашённых вокруг Петра I на этом флотском празднике. На нём царь явно представал в одной из своих ипостасей — в роли „главнейшего корабельного мастера Петра Михайлова“. Справа от монарха сидел глава кораблестроительного ведомства — обер-сарваер И. М. Головин, слева — построивший „Пантелеймона-Викторию“ корабельный мастер В. Пангало, далее по сторонам — остальные состоявшие на русской службе корабельные мастера. В другом месте за праздничным столом сгруппировались первые государственные чины — А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, сенаторы и другие вельможи, в третьем сидели главные чины свиты Карла-Фридриха, голландский посланник В. де Вильде и т. д. Как обычно на таких праздниках, когда Пётр произносил тосты, с поставленной на якорь перед новоспущенным кораблем шнявы раздавалась пушечная стрельба. С наступлением темноты шнява была расцвечена развешанными по её обеим мачтам, реям и вдоль бортов небольшими фонарями. Как заметил Ф. В. Берхгольц, если бы он захотел описать в подробностях всё бывшее в тот день во время торжества на „Пантелеймоне-Виктории“, то он „мог бы наполнить рассказом ... не один лист“⁸³.

И в условиях Персидского похода 1722 г. отмечен был „день воспоминания виктории, бывшей при Ангуте в 1714-м году...

также и... при острове Грейгам, где взяли 4 корабля швецких в 1720-м году“. В тот день флотилия стала на якорь в Аграханском заливе Каспийского моря. Сначала раздались пушечные выстрелы с гукора Ф. М. Апраксина, после чего один раз выстрелили беглым огнём из ружей солдаты с островских лодок. Потом генерал-адмирал, сопровождавшие Петра I в походе дипломат П. А. Толстой, бывший господарь Молдавии сенатор князь Д. К. Кантемир и „прочие генералы-маеоры и брегадиры кушали на галере его величества“. Продолжилось торжество на флагманском корабле Ф. М. Апраксина. Завершился же праздник в честь двух морских побед на тёплых водах Каспия необычно: всех его участников на генерал-адмиральском корабле „с райны купали“⁸⁴.

На Балтийском флоте годовщину Гангутского сражения праздновали в 1722 г. по сложившейся традиции и в отсутствие Петра I⁸⁵.

Летняя кампания 1723 г. ознаменовалась большой морской вооружённой демонстрацией России на Балтийском море. Пётр I преследовал цель — этим мероприятием оказать военно-политическое давление на Швецию для положительного решения в шведском Риксдаге вопросов об утверждении Ништадтского мирного трактата 1721 г., заключении между двумя державами оборонительного союзного договора, признании императорского титула Петра I и др.⁸⁶ Мощный военно-морской флот из 24 линейных кораблей и 5 фрегатов, которым командовали вместо положенных трёх флагманов сразу девять: генерал-адмирал, адмирал, три вице-адмирала и четыре шаутбенахта, сосредоточился 4 июля у Ревеля⁸⁷. В этих обстоятельствах празднование Гангутской победы над шведами (тогда российским флотом командовали те же лица — Ф. М. Апраксин и Пётр I) приобретало особый смысловой оттенок.

Около полудня Ф. М. Апраксин выехал на шлюпке из Ревеля к стоявшим рядом с городом кораблям флота. На всех кораблях, мимо которых проходила генерал-адмиральская шлюпка, били в барабаны, а корабельные команды стояли в строю вдоль бортов. Когда Апраксин прибыл на свой флагманский 90-пушечный корабль „Гангут“, красиво расцвеченный флагами и вымпелами, по словам очевидца, „сперва раздались с него 9 выстрелов, а потом все 24 военные корабля в одно время выпалили свои девять, что произвело страшный шум и при здешнем эхо

походило на раскаты грома⁸⁸. С крепостных укреплений Ревеля в знак приветствия „палили из 21 пушки“⁸⁹. В 4-м часу, как и было условлено, на „Гангут“ прибыли приглашённые на торжество флагманы, капитан-командоры, флотские капитаны и др. В итоге на корабле собралось „большое общество“. Было расставлено множество столов с угощениями. При провозглашении многих тостов с корабля „Гангут“ стреляли из артиллерийских орудий. Офицеры, участники Гангутской баталии, явились на празднество с золотыми медалями на золотых же цепях, которыми они были награждены за одержанную в 1714 г. победу. Растроганный генерал-адмирал, по сведениям очевидца, „рассказывал много о Гангутском сражении, которое было в этот день в 1714 году и в котором участвовали как император, так и он сам“. К большому сожалению, Ф. В. Берхгольц в своём дневнике этот рассказ Ф. М. Апраксина предельно обобщил, изложив его суть лишь в следующих словах: „День был очень жаркий, и русский флот взял в плен контр-адмирала Эреншельда с его кораблём“. Праздник на „Гангуте“ завершился уже после наступления темноты⁹⁰. Шканечный журнал линейного корабля „Астрахань“ зафиксировал во время праздника 18 (!) пушечных залпов с „Гангута“⁹¹.

Торжествовали „взятие фрегата в 1714-м“ и Гренгамскую викторию в 1723 г. и в Петербурге, но обстоятельства празднества не раскрыты в лапидарной записи в походном журнале Петра I⁹² и других источниках.

Десятилетняя годовщина Гангутской баталии была последней, отмечавшейся в российском флоте при жизни Петра I. Торжества прошли как в Петербурге, так и во флоте, стоявшем в тот день на якоре у Красной Горки в Финском заливе. Император участвовал в юбилейных торжествах в невольской столице. Наиболее лаконично об их ходе сказано в его походном журнале: „Праздновали взятию фрегатов, 1-го в 1714-м, 4-х в 1720-м годах, и спущен корабль о семидесяти пушках, названной „Дербень“, с которого разъехали часу в 3-м пополуночи“⁹³. Присутствовавший на празднестве камер-юнкер Ф. В. Берхгольц отразил в своём дневнике любопытные подробности торжества. Общество было созвано на него определённым сигналом — тремя орудийными выстрелами из С.-Петербургской крепости. Как пишет Берхгольц, на Адмиралтейской верфи „спуск со стапеля этого чрезвычайно красивого корабля совершился благополучно... он был назван „Дербентом“ по имени покорённого

Сражение при Гангуте 1714 г. Худ. А. П. Боголюбов. 1875—1877 гг. ЦВММ

Церковь св. великомученика Пантелеймона. 1736—1739 гг. Зодчий Н. К. Коробов

персидского города, который император сам занял⁹⁴. Император „был в отличном расположении духа“. На застолье на новопущенном корабле были шведский посланник в России Г. Цедеркрейц, голландский посланник В. де Вильде и голштинский герцог Карл-Фридрих. Пётр I предложил на новом боевом российском корабле Г. Цедеркрейцу „очень приятный“ последнему, по мнению Берхгольца, тост „За вечную дружбу и доброе согласие между Швециею и Россиею“, за что „потом приглашал пить всех и каждого“. При этом император уверял посланника недавно воевавшей с Россией державы, что, насколько обе страны во время войны были ожесточены друг против друга, настолько же они теперь будут друг друга любить и уважать⁹⁵.

Около полудня 27 июля 1724 г. во флоте у Красной Горки на флагманском корабле вице-адмирала Д. Вильстера 66-пушечном „Леферме“ при орудийном выстреле на бизань-рее был поднят жёлтый флаг с синим прямым крестом — сигнал „палить со всех караблей по 9 пушек“. Этот сигнал Д. Вильстера повторили и на втором флагманском корабле эскадры — 88-пушечном „Св. Андрее“ контр-адмирала Н. А. Сенявина. Потом на „Леферме“ распустили „все флаги и вымпелы для украшения карабля для полученных 2-х викторей — Гангутской и Ламланцкой“⁹⁶. Как только „Леферм“ расцвел флагами и вымпелами, на нём и остальных караблях „палили из 9 пушек“. Примечательно, что орудийные выстрелы прогремели и с находившихся в составе флота пленённых в Гренгамском сражении шведских фрегатов „Кискин“ и „Стор-Феникс“⁹⁷.

Продолжилась ли традиция празднования годовщин Гангута и Гренгама после смерти Петра Великого, случившейся 28 января 1725 г.? Ответ на этот вопрос может дать изучение шканечных журналов караблей флота, часть которых сохранилась в архиве. В шканечных журналах отмечались по часам направления и сила ветров, курсы и скорость движения караблей, их местонахождение, данные о погоде, также наиболее примечательные события, происходившие на карабле и на окружавшем его пространстве. Морские сутки, употреблявшиеся в шканечных журналах, начинались в 12 часов дня. Время от нуля до 12 часов дня именовалось „пополуночи“ (или „после полуночи“), с 12 часов дня до 24 часов — „пополудни“ (или „после полудни“). При переводе морских суток в гражданские время „пополуночи“ совпадает по обоим счетам времени, „пополудни“ относится к предшествующим гражданским суткам⁹⁸.

Просмотр шканечных журналов после 1724 г. показал, что традиция Гангутско-Гренгамского флотского праздника в его прежней форме с орудийными залпами, расцвечиванием кораблей флагами постепенно затухала. В 1726 г., когда флотом в Финском заливе командовал генерал-адмирал Апраксин, на его флагманском корабле „Св. Екатерина“ в день Полтавской баталии „палили... с корабля из 31 пушки“⁹⁹, а годовщину Гангутской и Гренгамской викторий торжествовали ещё более основательно: в шестом часу пополудни дважды подняли штандарт на флагштоке грот-стенги, после чего стреляли из 31 пушки, затем повторили это же число пушечных выстрелов, в седьмом часу на „Св. Екатерине“ стреляли из 21 пушки, в восьмом — из 15, в девятом — из 13 и в десятом последний раз из 13 же орудий¹⁰⁰. Праздник 27 июля 1726 г. прошёл, следовательно, с размахом, как при Петре Великом.

В последующие годы морская активность России на Балтике резко уменьшилась, не прослеживается по шканечным журналам и ярких и шумных торжеств в честь Гангутской и Гренгамской побед, хотя почти определённо можно считать, что духовенство, как ему полагалось, отмечало этот „викториальный день“ Божественной службой. В 1732-1734 гг.¹⁰¹ в Балтийском флоте под командованием адмирала Т. Гордона годовщины Гангута и Гренгама не праздновались¹⁰², но накануне Гангутской годовщины в 1736 г. во флот на флагманский корабль адмирала Т. Гордона 100-пушечный „Пётр Первый и Второй“ прибыл наделённый полномочиями надзора обер-штер-кригс-комиссар Адмиралтейской коллегии Ф. И. Соймонов „для смотру служителей“, и, возможно, это стало причиной того, что в девятом часу утра 27 июля Гордон дал приказ — „вершить службу и молебное пение“, после чего „палить из 21 пушки“ в честь „получения виктории взятъя фрегатов“. Приказание было исполнено¹⁰³.

В течение многих дальнейших лет и даже десятилетий Гангутскую победу с пушечной пальбой и расцвечиванием кораблей флагами не отмечали. С целью выявления свидетельств таких торжеств просмотрены десятки шканечных журналов. Такого рода церемония не проводилась в 40-е и 50-е гг. XVIII в. даже на флагманских кораблях участника Гангутской баталии контр-, потом вице-адмирала З. Д. Мишукова¹⁰⁴, неоднократно присутствовавшего на подобных празднествах в годы царствования Петра I.

Нередко, впрочем, в шканечных журналах в дни Гангутских годовщин встречаются такие записи: „в половине 10 часа поднет был молитвенной флаг и по окончании молитвы спустили“ (флагманский корабль „Основание благополучия“ контр-адмирала Я. С. Барша 1744 г.)¹⁰⁵, „в 1/2 10 часа при выстреле испушки поднет молитвенной флаг и на протчих флагманских караблях чинили то ж“ (флагманский корабль „Императрица Анна“ вице-адмирала З. Д. Мишукова 1746 г.)¹⁰⁶, что отражает факты проведения флотским духовенством молебнов в „викториальные дни“ — годовщины знаменательных побед Российских армии и флота. Обер-иеромонах флота Пафнутий Быковский, к примеру, уведомлял флагмана вице-адмирала З. Д. Мишукова, что 27 июля 1746 г. на вверенных в его командование кораблях „по утренних молитвах имеет быть благодарственной молебен по напечатанной табели“¹⁰⁷.

Табели „торжественных, праздничных и викториальных дней“ стали ежегодно рассылаться по соборам и церквам Российской империи в начале 1720-х гг. Наряду с религиозными праздничными датами, „торжественными“ днями, касавшимися членов императорского семейства (дни рождения, тезоименитства, коронации), в них включались „викториальные дни“. Табели надлежало вывешивать в алтарях либо ризницах храмов для напоминания духовенству о проведении в эти дни соответствующих богослужений. К середине 1730-х гг. регулярное совершение „табельных служб“ не только окончательно установилось во всех храмах Русской православной церкви, но и сделалось первоочередной задачей духовенства. Вплоть до 1917 г. духовенству вменялось в обязанность проводить богослужения в „викториальные дни“. На 1725 г. членами Синода были определены, к примеру, в качестве подлежащих празднованию „викториальные дни“ Полтавской, Гангутской и Гренгамской баталий, сражения при Лесной и взятия Орешка¹⁰⁸.

Таким образом, с конца 30-х гг. XVIII в. празднование годовщин Гангутской победы свелось практически только к церковному богослужению.

В „Уставе военного флота“, введённом в действие в 1797 г. императором Павлом I, была статья, предусматривавшая в память о „какой-либо знаменитой победе над неприятелем“ по окончании благодарственного молебна по сигналу главного начальника украшать „все корабли флагами и палить с каждого корабля приличное число выстрелов“¹⁰⁹, но указание отмечать

Подпись З. Д. Мишукова. 1745 г. Из книги: Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов... СПб, 1834. Ч. 3

так именно Гангутскую победу появилось только в Морском уставе 1853 г. Согласно последнему „в высокаторжественные дни по окончании благодарственного молебствия“ на корабле старшего флагмана производился со всех боевых кораблей салют. Когда корабли стояли на якоре и позволяла погода, по окончании салюта всем кораблям следовало расцвечиваться флагами. К числу высокаторжественных дней было отнесено и 27 июля, как говорилось в Уставе, „день первой победы, одержанной Российским флотом (при Гангуте)“. День Гангутского торжества полагалось отмечать 21 выстрелом с каждого боевого корабля¹¹⁰.

Так в середине XIX в. возродилась традиция Петра I: в день Гангутской виктории наряду с церковными службами производить салют и расцвечивать корабли флагами. Закреплён этот церемониал был и в последующих Морских уставах 1885 и 1899 гг.¹¹¹ Вплоть до 1917 г. во флоте России сохранялся такой порядок празднования Гангутских годовщин.

10 февраля 1995 г. Государственная Дума России в продолжение этой традиции приняла закон „О днях воинской славы (победных днях) России“, в числе которых, наряду с днём Полтавской битвы и днями других побед, есть и 7 августа (новый стиль)¹¹² — „день первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами“. В преамбуле закона говорится, что эти даты являются днями „славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России и в которых российские войска снискали себе почёт и благодарную память потомков“. Закон предусматривает такие формы увековечения памяти российских воинов, как создание и сохранение соответствующих музеев, памятников, обелисков, публикации в печати, присвоение имён в честь сражений и их героев воинским частям, кораблям, судам и т. п.

Наряду с установлением „викториального дня“ в память Гангутской победы в церковном календаре и заведением флотского

праздника в её честь Пётр I стал использовать и самые трофеи баталии, чтобы наглядно показать россиянам и иностранцам, посещавшим новую столицу на берегах Невы, „первые плоды Российского флота“, подтвердить правильность последовательно проводившегося им курса на превращение страны в одну из наиболее мощных морских держав Европы.

Так, 12 января 1721 г. царь устно указал обер-цейхмейстеру Х. Г. Отто, чтобы, как только закончатся мощение досками в С.-Петербургском адмиралтействе участка между складскими помещениями и каналом, положить там с „завоёванных шведских судов пушки“. В августе 1721 г. Адмиралтейская коллегия ввиду окончания строительства дощатых помостов в этом месте постановила: Х. Г. Отто „чинить... по означенному его царского величества имянному указу, каков ему объявлен изустно от его величества“¹¹³. Положены вдоль канала у Адмиралтейства в 1721 г. были не только пушки — гангутские трофеи 1714 г., но и шведские орудия, захваченные в последующих морских сражениях — Эзельском 1719 г., Гренгамском 1720 г., многочисленных других боях и стычках на море.

Не меньшее значение в прославлении успехов Российского флота, и в частности победы при Гангуте, имело и создание в столице особого мемориального комплекса, в котором сберегались суда „первого здесь строения, а завоёванные — в память бывших баталий“. Мемориал русской морской славы в Петербурге (такое название, по нашему мнению, соответствует его действительному назначению) постепенно создавался у внешнего вспомогательного укрепления С.-Петербургской крепости — Кронверка, на берегу Кронверкской протоки, огибающей Заячий остров с севера.

Возник Мемориал в Петербурге не сразу после победы у Гангута. Отправной точкой, положившей начало фактической подготовке к его созданию, стали резолюции Петра I 10 апреля 1719 г. на донесении о стоявших в Кронверкской протоке судах. Тогда царь наложил резолюции: „Починить“ — не только напротив названий кораблей, помещённых в донесении под словами: „Сим можно после починки в море ходить“ (гангутский трофей „Элефант“, первый фрегат Балтийского флота „Штандарт“, пленённый 7 мая 1703 г. в море у устья Невы шведский бот „Гедан“), но и напротив названий двух кораблей, охарактеризованных заголовком: „Сие во всём негодные“ (первая по времени закладки шнява Балтийского флота „Мункер“ и зах-

ваченная 7 мая 1703 г. у шведов шнява „Астрильд“¹¹⁴. Налицо намерение Петра I сохранить эти суда не как боевые единицы, но как историческую ценность.

Начало петербургскому Мемориалу положил по сути указ императора от 17 января 1724 г., которым определялось: „Корабль „Штандарт“, шнявы „Мункер“ и „Наталию“ и фрегат „Олифант“ (гангутский трофей. — П. К.) содержать“¹¹⁵. В мае того же года Адмиралтейская коллегия распорядилась послать 50 плотников для подготовки фундаментов для установки на берегу „Элефанта“ и шняв¹¹⁶. Из сентябрьского 1724 г. письма камельного мастера К. Поттера узнаём, что на берегу Кронверкской гавани уже был сделан „фундамент, где будет стоять фрегат «Алифант»“¹¹⁷. Так стал создаваться Мемориал русской морской славы у Кронверка.

Осенью 1727 г. „в Кронверкской гавани на берегу под кровлею“ находились шведский прам „Элефант“, который был „взят в 714 году“, шнява „Астрильд“ („Острель“), бот „Гедан“, „здешняго строения галера большая“, шнява „Наталия“ и там же стояли „на берегу без крыши“ „швецкие 5 галер“ — гангутские трофеи — и шнява „Мункер“¹¹⁸. Тогда Адмиралтейская коллегия определила „по прежним именным блаженным памяти его императорского величества указам... старого строения и завоёванные суда содержать в хранении“¹¹⁹. Согласно подробному списку, приложенному к донесению Военной морской комиссии императрице Анне от 28 февраля 1732 г., „в Кронверкской гавани на берегу под кровлею“ находились уже два „полонённых швецких“ фрегата — „Элефант“ и захваченный в Гренгамском сражении 1720 г. „Данск-Эрн“, также взятые у шведов шнявы „Астрильд“ („Астрель“), „Крефт“ („Рак“), „Полюкс“, „Эва-Элеонора“, 6 галер (из них 5 пленённых при Гангуте и одна большая русской постройки), 4 бота, различные суда „российскаго строения“: шнява „Мункер“, яхты „Переславская“, „Егорей“, 2 беспалубных буера, кончебас, „морская лотка“, 4 гондолы и „самолёт“ (то есть понтон)¹²⁰. Скорее всего, три из четырёх названных в списке шведских „ботов“ являлись трофейными шхерботами Гангутской операции (четвертый — это бот „Гедан“). 20 марта 1732 г. по представлению Военной морской комиссии Анна Ивановна подтвердила, что „взятые шведския суда“ следует по-прежнему „впредь для памятования к славе... содержать на берегу в добром хранении“ у Кронверка¹²¹.

Время шло, и сохранявшиеся в Мемориале суда ветшали. Как доносила 29 сентября 1737 г. Анне Ивановне Адмиралтейская коллегия, все стоявшие там суда „весьма сгнили“ и стали трухлявыми настолько, что их было невозможно поддерживать подпорами и они начали разваливаться. Один из шведских ботов (видимо, шхербот — гангутский трофей) совсем „от гнилости развалился“¹²². Ввиду этого Адмиралтейская коллегия предложила императрице такое решение о Мемориале: „... за крайнюю к содержанию вышепомянутых судов невозможностью надлежит оныя суда разобрать, а вместо их сделать... для памяти модели“. Кабинет министров Анны Ивановны отдал распоряжение Коллегии „учинить по своему разсуждению“¹²³.

Впрочем, резолюция Кабинета министров ещё не положила конец существованию в Петербурге Мемориала русской морской славы. Осмотревший находившиеся в Кронверкской гавани трофейные корабли корабельный мастер Г. Рамз довёл до сведения Адмиралтейской коллегии осенью 1738 г., что если „Элефант“ и „Данск-Эрн“ „иметь в добром прикрытии“ и прибавить к ним ещё подпор, то, по его мнению, они „могут стоять ещё несколько лет“. Решение Коллегии по докладу Г. Рамза было таким: „... показанным судам модели помянутому Рамзу велеть сделать без всяких отговорок и по представлению ещё подпор прибавить“¹²⁴.

Прекратил своё существование Мемориал русской морской славы у Кронверка в 1742–1743 гг. В августе 1742 г. в Экипажскую экспедицию Адмиралтейской коллегии поступило донесение боцмана, в обязанности которого входило наблюдение за сохранностью судов у Кронверкской гавани. Согласно ему, стоявшие там 6 галер, бот „Гедан“ и 3 других шведских бота уже почти развалились от гнили, их отдельные части выламывались мастером ластовых судов В. Соловьёвым на дрова. 27 августа 1742 г. последовало распоряжение разобрать исторические корабли, сделав „вместо них для памяти модели“. Но, должно быть, суда простояли ещё около года. 7 июля 1743 г. по докладу Экипажской экспедиции Адмиралтейская коллегия постановила: „... имеющуюся в Кронверкской гавани российскую шняву „Мункер“, стоящую на берегу на эленге под крышкою, которая ныне от великой гнилости с подпор вся сама развалилась и лежит на земли, зделав ей, как и взятым швецким судам ... мадель, и за показанною крайнюю негодностью разобрать...“¹²⁵ 26 октября того же 1743 г. Коллегия дала пов-

Фрегат „ЭЛЕФАНТ“ 1734 г.

Прама „Элефант“. Полумодель первой половины XVIII в. ЦВММ

торное распоряжение, сводившееся к тому же. Из последнего выясняется такая подробность о состоянии „Мункера“: шнява развалилась уже настолько, что её корпус, по свидетельству Г. Рамза, нельзя было даже обмерить¹²⁶.

Не следует упрекать Морское ведомство в небрежении к историческим кораблям. Технические возможности того времени просто не позволяли выполнить замысел Петра Великого и сохранить гангутские и другие трофейные суда, так же как и первые корабли „российского строения“, „вечно“. В нынешнее время в Центральном военно-морском музее в Петербурге как память об исторических кораблях хранятся модели первой половины XVIII века прама „Элефант“, фрегата „Данск-Эри“, шнявы „Астрильд“ и бота „Гедан“. Остальные модели или не были изготовлены, или их не пощадило время.

В Петровскую эпоху берёт своё начало и традиция присваивать крупным боевым кораблям Российского военно-морского флота названия в честь Гангутской победы. Согласно архивному делу о вручении наград за гангутскую баталию, 6 января 1715 г. из предназначавшихся для награждения участников сражения медалей одна была „отдана для закладу карабля, которой изволил заложить царское величество 23 того ж генваря¹²⁷. В тот день, как сообщал в донесении в Лондон британский резидент при русском дворе Дж. Мэкензи, царь „в сопровождении довольно многочисленной свиты отправился на обычную церемонию закладки 80-пушечного корабля“, который он предполагал строить, по словам резидента, „под своим непосредственным ведением“¹²⁸. Факт закладки самим Петром в качестве корабельного мастера в тот день в Адмиралтействе 80-пушечного корабля подтверждает и походный журнал царя¹²⁹. Надо полагать, гангутская медаль в качестве своеобразной закладной доски была тогда заделана в киль будущего корабля. Намеченное кораблю Петром I имя нетрудно предугадать — „Гангут“.

К моменту закладки этого линейного корабля для Балтийского флота вместо трёх положенных по программе его строительства, принятой в конце 1707 г., 80-пушечных кораблей сооружался лишь один — заложенный 7 ноября 1714 г. также Петром I и получивший при спуске на воду название „Лесное“. Первоначально он тоже характеризовался в ходе строительства как „восемьдесятной“, то есть 80-пушечный, но потом для усиления огневой мощи флота он был перепроектирован и сошёл на воду в июле 1718 г. уже 90-пушечным¹³⁰. При наличии во флоте линейных кораблей „Полтава“ и „Шлиссельбург“ — символов одержанных при личном участии Петра I побед — наименование нового большого линейного корабля „Гангутом“ было логичным. Тот факт, что в ряде источников датой закладки линейного корабля „Гангут“ названо 9 августа 1715 г.¹³¹, не противоречит сказанному выше: в Петровское время были нередки неоднократные церемонии закладки одного и того же корабля, постройка которого на начальном этапе по каким-либо причинам надолго приостанавливалась.

Линейный корабль „Гангут“ — первый во флоте с этим именем — был одним из лучших и наиболее мощных при Петре I. Он имел три палубы. Длина корабля по палубе составляла 164 фута (50 м), ширина 47,33 ф. (14,4 м), глубина интрюма 19,5 ф. (5,9 м). Руководил его строительством на Адмиралтейской верфи Петербурга корабельный мастер Р. Козенц. „Гангут“ сошёл на воды Невы 28 апреля 1719 г. Английский посланник в России Д. Джефферис в донесении от 16 июля того же года, начиная с „Гангута“ перечень построенных в Петербурге с 1712 г. боевых кораблей, так оценивал их качества: „Повторяю, суда эти выстроены отнюдь не хуже, чем где бы то ни было в Европе“¹³².

Не раз во время военных кампаний „Гангут“ являлся флагманским кораблём Ф. М. Апраксина — одного из победителей шведов при Гангуте, и, видимо, это не было случайным совпадением. Вплоть до 1730 г. „Гангут“ числился среди боеспособных кораблей без каких-либо оговорок¹³³. В 1731 г. его относили уже к тем, на которых „в дальней поход... ходить не без опасности“, а упомянутый ранее другой боевой корабль „Пантелеймон-Виктория“ — тоже своеобразный памятник Гангутской победе — назывался среди тех, „которые можно содержать для потребного случая на рейде, кроме дальних вояжей“¹³⁴. В начале 1732 г. по заключению Адмиралтейской коллегии „Гангут“ перечислялся

в разряде кораблей, что „в вояже быть негодны, разве содержать на рейде близ гавена“, „Пантелеймон-Виктория“ же — в числе тех, которые были „в службе за гнилостью более быть негодны и починивать не надлежит“¹³⁵. Осенью 1733 г. особая комиссия осмотрела „Гангут“, установив, что он „не токмо у Красной Горки, но и на рейде быть никак (не может. — П. К.), ибо починить... наперёд невозможно, понеже вся... крепость в худом состоянии под водою“. Кронштадтская портовая контора пребывала тогда „в немалом страхе“, что „Гангут“ и другие обветшавшие корабли-ветераны Петровского флота могут вовсе затонуть¹³⁶. Первый в российском флоте корабль с именем „Гангут“ был разобран в 1736 г. в Кронштадте, прослужив в боеспособном состоянии 13 лет. В том же году в Кронштадте разобрали и „Пантелеймона-Викторию“¹³⁷.

Новый линейный корабль „Св. Пантелеймон“ заложил на Соломбальской верфи у Архангельска в 1739 г. кораблестроитель В. И. Батаков. Через год он был спущен на воды Северной Двины. Корабль имел 54-пушечное вооружение. Находился в составе флота до 1756 г., когда был пущен на слом в Кронштадте¹³⁸.

74-пушечный линейный корабль „Св. великомученик Пантелеймон“ построили в 1769–1772 гг. в Петербурге (кораблестроитель В. А. Селянинов). На смену ему в 1784–1786 гг. М. Д. Портнов построил 66-пушечный корабль „Пантелеймон“. Для Черноморского флота 80-пушечный линейный корабль „Пантелеймон“ спустили на воду в 1824 г. в Николаеве¹³⁹.

Небывало долгая жизнь была суждена построенному в 1822–1825 гг. в Петербурге корабельным мастером И. В. Курепановым 84-пушечному линейному кораблю „Гангут“. В 1837 г. он прошёл тимберовку в Кронштадте и снова вступил в строй, в 1856 г. был переделан в винтовой, с 1862 г. служил в качестве учебно-артиллерийского корабля; исключён из списков флота только в 1871 г.¹⁴⁰

Как бы на смену этому кораблю в 1890 г. в Новом Адмиралтействе на Неву спустили броненосный корабль „Гангут“. Корабль затонул после получения пробоины: при возвращении с артиллерийских стрельб в Кронштадт в июне 1897 г. днище пропорол подводный камень. Команда и командир корабля капитан 1 ранга К. М. Тикоцкий проявили образцовую выдержку и в долгой борьбе за удержание „Гангута“ на плаву, и в эвакуации личного состава. Никто из 582 членов экипажа не

погиб. Обойдя ещё не затопленные помещения и убедившись, что на броненосце никого не осталось, командир корабля последним сел в шлюпку. Через 9 минут броненосец, резко повалившись на борт, за несколько мгновений исчез под водой¹⁴¹.

Сложная судьба оказалась у броненосца Черноморского флота „Пантелеймон“. Такое название получил 26 сентября 1905 г. броненосец „Князь Потёмкин Таврический“, на котором в июне того года произошло революционное восстание матросов. Броненосец, переименованный в 1907 г. в линкор, нес напряжённую службу в составе флота в тревожные годы накануне первой мировой войны. В 1914–1917 гг. он участвовал во многих боевых походах, отличился в бою 27 апреля 1915 г. с новейшим немецким крейсером „Гебен“. Все эти годы „Пантелеймон“ являлся штабным флагманским кораблём Черноморского флота. В мае 1917 г. линкор был вновь переименован, получил в память революционных событий на нём название „Борец за свободу“. Конец отслужившего свой срок боевого корабля был печальным. После ухода войск Антанты в апреле 1919 г. из Севастополя линкор остался стоять с выведенными из строя машинами и повреждёнными башнями в Южной бухте, в 1922 г. был разобран на металл. Часть его корабельной мачты хранится ныне в Центральном военно-морском музее в Петербурге¹⁴².

Закладкой 3 июня 1909 г. линейного корабля „Гангут“ и одновременно ещё линкоров „Полтава“, „Севастополь“ и „Петропавловск“ было положено начало возрождению сильного Российского флота после неудачного для страны исхода русско-японской войны 1904–1905 гг. Построенный в течение 1909–1914 гг. на Адмиралтейском заводе в Петербурге линкор „Гангут“ в 1915–1918 гг. находился в Гельсингфорсе, готовый в случае угрозы прорыва немецкого флота к столице немедленно вступить в бой. В марте 1918 г. „Гангут“ в составе первого отряда кораблей Балтийского флота в тяжелейшей ледовой обстановке (толщина льда местами достигала 3 м) совершил героический 5-дневный 180-мильный переход в Кронштадт. Тогда удалось предотвратить захват немцами основных сил Балтийского флота на закованном льдами внутреннем рейде Гельсингфорса. С 1925 г. стоявший до того на длительном хранении у причальной стенки Адмиралтейского завода линкор снова стал нести службу в составе Балтийского флота, но уже под новым именем „Октябрьская революция“. В годы Великой Отечественной войны линкор, серьёзно перестроенный и усо-

вершенствованный, активно участвовал в обороне Ленинграда, способствовал срыву планов фашистов захватить город. При прорыве в июне 1944 г. финских оборонительных линий к северу от Ленинграда артиллерийским огнём корабельных орудий „Октябрьской революции“ было разрушено несколько узлов обороны противника. В 1954 г. линкор перешёл в разряд учебных кораблей, а в конце 1956 г., прослуживший более 40 лет в строю, он был разобран на металл¹⁴³.

В тяжелейшем для России 1942 г. в „Гангутец“ был переименован сторожевой корабль Балтийского флота „ТЩ № 49“. Корабль участвовал в обороне Таллина, защищал военно-морскую базу на Ханко (Гангуте), после перехода в декабре 1941 г. в Кронштадт вошёл в состав сил флота, отражавших фашистов от Ленинграда. Разоружён был только после завершения Великой Отечественной войны в ноябре 1945 г.¹⁴⁴

Ныне в Российском флоте несёт службу учебный корабль 1-го ранга „Гангут“. Корабль длиной 145 м, шириной 17,8 м был построен в 1968—1970 гг. в Николаеве, после постройки осваивался в Севастополе, где на нём 10 октября 1971 г. был поднят военно-морской флаг. В настоящее время корабль приписан к военно-морской базе в Кронштадте. На оснащённом современным оборудованием корабле прошли практику тысячи курсантов военно-морских училищ. Корабль совершил заходы в десятки портов стран Европы, Азии и Америки. Во всех портах, где существуют кладбища российских моряков, курсанты ухаживали за их могилами, обновляли надписи¹⁴⁵.

До нашего времени в городе на Неве сохранился Гангутский мемориал — церковь святого великомученика Пантелеймона. Память этого святого отмечается Русской православной церковью 27 июля (ст. ст.) — именно в тот день, когда произошло сражение. Здание церкви стоит вблизи места, где из Фонтанки вытекает её рукав — река Мойка, на территории бывшей Партикулярной верфи, комплекс сооружений которой размещался на противоположном Летнему саду берегу реки Фонтанки у её истока из Невы. Верфь была основана в 1715 г. Средства на возведение её производственных помещений, казарм для её работников выделялись с 1716 по 1720 г.¹⁴⁶

Первоначально при Партикулярной верфи имелась только часовня для живших и работавших на ней¹⁴⁷. В 1721 г. по просьбе работников верфи Пётр I распорядился построить вместо часовни церковь. Будучи в Нижнем Новгороде во время

Персидского похода в мае 1722 г.,¹⁴⁸ император дал именной указ освятить эту церковь во имя священномученика Пантелеймона. 2 сентября 1722 г. мазанковая церковь была освящена согласно указу Петра Великого.¹⁴⁹

Показательно, что и дворцовая церковь в загородной резиденции князя А. Д. Меншикова — Большом дворце в Ораниенбауме — приблизительно в эти же годы (резной иконостас для неё был выполнен под началом выдающегося зодчего и резчика И. П. Зарудного в 1720—1721 гг.) была освящена во имя св. Пантелеймона¹⁵⁰.

К середине 30-х гг. построенная из недолговечных материалов церковь стала „весьма ветха“, и работники Партикулярной верфи обратились в августе 1734 г. в Адмиралтейскую коллегию с прошением построить для них каменную церковь, обещав собрать часть средств для её возведения¹⁵¹. В том же месяце Коллегия определила передать это прошение в Синод¹⁵². Спустя почти два года, 2 июня 1736 г., Адмиралтейская коллегия по представлению конторы Партикулярной верфи, в котором говорилось, что для сооружения каменной церкви уже заготовлены необходимые материалы и даже подряжены каменщики, чтобы не упустить „удобного времени“, приказала „при оной верфи церкви вместо прежней деревянной велеть построить каменную“¹⁵³. В 1739 г. каменная церковь св. Пантелеймона была достроена¹⁵⁴. Возведена она была по проекту зодчего адмиралтейского ведомства И. К. Коробова¹⁵⁵.

Церковь св. Пантелеймона имеет заметно вытянутый вдоль земли основной корпус, над которым на одной линии возвышаются вытянутый вверх восьмерик барабана, несущего купол, и колокольня. Зодчий придал зданию вид, отдалённо напоминающий силуэт двухмачтового корабля¹⁵⁶. Думается, это было не случайно: церковь находилась при верфи и посвящена св. Пантелеймону, в день которого дважды в Петровскую эпоху прославил себя Российский флот. Две памятные доски в честь 200-летия победы при Гангуте были встроены в 1914 г. в стену её южного фасада. На одной из них — перечень полков и морских частей, принимавших участие в историческом сражении 1714 г. В настоящее время сохраняется внутренняя отделка церкви, сделанная в 1835 г. под руководством зодчего В. И. Беретти. С 1981 г. в здании Пантелеймоновской церкви размещается филиал Музея истории С.-Петербурга „Гангутская слава“, посвящённый и событиям 1714 г., и героической обороне полуострова Ханко в годы Великой Отечественной войны.

Пётр I. 1721 г.
Худ. И. Н. Ниситин

С 22 июня до 2 декабря 1941 г. войны военно-морской базы Балтийского флота на полуострове Ханко (Гангут) отражали попытки врага овладеть ею и ушли оттуда, выполнив свой долг, непобеждёнными. Почти 23 тысячи бойцов Ханко влились в ряды защитников Ленинграда. И на стене поверженного рейхстага в мае 1945 г. в числе других была и такая надпись: „Мы дошли сюда с Гангута“¹⁵⁷. Ныне музей „Гангутская слава“ соседствует

с возрождённым в этом же здании православным храмом св. Пантелеймона.

Напротив церкви св. Пантелеймона на месте разрушенного прямым попаданием авиабомбы во время блокады Ленинграда дома 11 по улице Пестеля (Пантелеймоновской) в 1946 г. Л. С. Ашропян и В. А. Каменский создали доску-фасад дома в память защитников полуострова Ханко в начальный период Великой Отечественной войны.

* * *

Победа при Гангуте в 1714 г. положила начало боевой славе Российского флота в период Новой истории. Было бы справедливым именно день „преславной истории“ у Гангута 7 августа (по новому стилю) или ближайшее к нему воскресенье отмечать как День Военно-Морского флота России. Этим благодарные соотечественники отдавали бы дань признательности и создателю отечественного флота Петру Великому.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ МИГО. Пг., 1914. Вып. 1., ч. 2. С. 195–199.

² Sandstedt E. Studier rörande Jorän Nordbergs Konung Carl XII:s historia: Akademisk avhandling. Lund, 1972. S. 178.

³ Перевод описания Гангутского сражения Й. А. Нордберга помещён в приложении (УП) к настоящей книге.

⁴ Tornquist C. G. Utkast till Svenska flottans sjö-tåg. Stockholm, 1788. D. 2. S. 59–63.

⁵ Журнал Г. Ватранга полностью издан на русском языке: МИГО. Пг., 1914. Вып. 3. С. 131–231.

⁶ Tornquist C. G. Utkast... S. 61.

⁷ Правка Петра I и разночтения с изданным текстом „Реляции“ отмечены в издании: МИГО. Пг., 1914. Вып. 1, ч. 1. Предисл. „Реляция...“ С. 8–10.

⁸ Все даты до 1918 г. даны по старому стилю.

⁹ Щеглов С. М. Предисловие // МИГО. Вып. 1, ч. 1. С. VI–VII.

¹⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1714 г. Д. 3. Л. 230–241 об.; РГВИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 14. Л. 2; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6769. Л. 1; Д. 6782. Л. 1–1 об.; Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 269; МИГО. Пг., 1918. Вып. 4. С. 681–682.

¹¹ Издана под заглавием: „Журнал, или Подённая записка... Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира“. СПб., 1770. Ч. 1. С. 439.

¹² Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 12. С. 353–354; Шишков А. С. Список кораблям и прочим судам всего российского флота. СПб., 1799. С. 97–98.

¹³ Глотов А. Я. Гангоудское сражение, увенчавшее Российский флот первую победою на море // Отечественные записки. 1821. Ч. 6, № 14. С. 253–269; Ч. 7, № 15. С. 34–49.

¹⁴ Автографы работы Ф. К. Росваля хранились в XIX в. в Архиве Морского министерства (ныне: РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–2; Ф. 1331. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–4 об.).

¹⁵ Последняя к настоящему времени издана: МИГО. Пг., 1915. Вып. 2. С. 471–521.

¹⁶ Бестужев Н. А. Сражение при Ганго-Удде 1714 года // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 24, № 12. С. 274–288.

¹⁷ Там же. С. 288.

¹⁸ Соколов А. П. Гангоудская битва 1714 года // Морской сборник. 1850. № 12. Неофиц. отд. С. 485–499; Скаловский Р. К. Военные действия русского флота в 1714 году // Морской сборник. 1851. № 1. Неофиц. отд. С. 371–400.

¹⁹ Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 259–263.

²⁰ Мышлаевский А. З. Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах: Совместная операция армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.

²¹ Jane F. T. The Imperial Russian Navy: Its past, present and future. 2-nd ed. L., 1904. P. 61–62.

²² Gyllengranat C. A. Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. Carlskrona, 1840. D. 2. S. 302–304; Munthe A. Nils Ehrensköld. Stockholm, 1900. S. 55–61; Uddgren H. E. Kriget i Finland 1714. Stockholm, 1909.

²² Anderson R. Ch. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522-1850. L., 1910. P. 160-161.

²³ Дитерикс В. К. Записки по военно-морской истории. СПб., 1899. Т. 2. С. 36-39; Аренс Е. И. Конспект по русской военно-морской истории. СПб., 1910. С. 38-39; Белавенец П. И. Значение флота в истории России. СПб., 1910. С. 86-88; Житков К. Г. История русского флота: Период Петровский, 1672-1725. СПб., 1912. С. 152-156; Каллистов Н. Д. Выход России к северным морям. Великая Северная война // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 7. С. 110-115; Гончаров В. А. Гангутский бой 27 июля 1714 г.: К 200-летию юбилею морской победы при Гангуте. СПб., 1914; Вакуловский А. Н. Морской бой при Гангуте. СПб., 1914; Князьков С. А. Гангутский бой и морской флот Петра Великого. Пг., 1915.

²⁴ Щеглов С. М. Предисловие // МИГО. Вып. 1, ч. 1. С. П.

²⁵ Белорус А. А. Бой при Гангуте 27 июля 1714 года. Л., 1938; Новиков Н. В. 1. Гангутская победа: Кампании 1713 и 1714 гг. на финляндском театре и Гангутская операция // Морской сборник. 1939. № 12. С. 35-53; № 13-14. С. 77-97; 2. Гангут: Кампании 1713 и 1714 гг. на финляндском театре. М., 1944; Тельпуховский Б. С. 1. Сражение у мыса Гангут (1714 г.) // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 61-73; 2. Северная война 1700-1721 гг.: Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 149-159.

²⁶ Никульченков К. И. Боевые действия на море от начала создания в России регулярного военного флота до середины XVIII в. (1695-1743 гг.) // Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948. С. 56-59; Морской атлас. М., 1959. Т. 3, ч. 1. Описание к картам. С. 222-224; Зверев В. И. Страницы русской морской летописи. М., 1960. С. 82-87; 2-е изд. М., 1981. С. 52-68; Балтийский флот: Исторический очерк. М., 1960. С. 27-31; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 2-е изд. М., 1978. С. 21-25; 3-е изд. М., 1990. С. 20-24; Дивин В. А. Страница немеркнувшей славы русского флота (К 250-летию Гангутской победы) // Морской сборник. 1964. № 8. С. 35-38; Клокман Ю. Р. Северная война 1700-1721 гг.: Борьба России за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель в Прибалтике // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968. С. 107-109; Филимошкин М. Первая победа русского регулярного флота (К 270-летию Гангутского сражения) // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 60-63; Аммон Г. А. Морские памятные даты. М., 1987. С. 50-52; История Северной войны. 1700-1721 гг. М., 1987. С. 132-138; Раздолгин А. А., Фатеев М. А. На румбах морской славы. Л., 1988. С. 63-70; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 228-231.

²⁷ Woodward D. The Russians at sea: A history of the Russian Navy. New York, Washington, 1966. P. 23-25; Kosiarz E. Wojny na Bałtyku X-XIX w. Gdańsk, 1978. S. 260-263.

²⁸ Mattsson R. Peter den Store och slaget vid Hangöudd enligt ryska källor // Skårgård. 1985. № 1. S. 11-17.

²⁹ Hyvönen V. A. Slaget vid Hangö udd 1714 // Hangö udd på 1700-talet: svensk utpost i tsarens skugga. Hangö stad, 1987. S. 71-91.

³⁰ Ibidem. S. 86.

³¹ Nyrönen P. Vrakforskning vid Sandö // Ibidem. S. 150-159.

³² Talvio T. Minnesmedaljerna från slaget vid Rälax // Ibidem. S. 92-104.

³³ Кротов П. А. К вопросу о силах и тактике русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года // История СССР. 1990. № 6. С. 137-150.

³⁴ Трубкин Ю. Е. Российский галерный флот в кампанию 1714 года // Гангут. СПб., 1993. Вып. 5. С. 3-11.

³⁵ История Отечества: Учебник для 8 класса средней школы. М., 1993. С. 201.

³⁶ Ежов В. Н. Гангутское морское сражение // Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 512-513.

³⁷ Тиркельтауб С. В. Гангут, „Гангуты“, гангутцы: События, корабли, люди (К 280-летию сражения при Гангуте). СПб., 1994. С. 16.

ГЛАВА I

¹ МИГО. Вып. 1, ч. 1. С. 31-32.

² Там же. С. 50-51.

³ Там же. С. 47-48.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 104, 94-101.

⁷ Там же. С. 103-104.

⁸ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6294. Л. 3 об.

⁹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1714 г. Д. 6. Л. 84 об.-85.

¹⁰ Там же. Л. 84, 85-87.

¹¹ Там же. Л. 71-71 об. Письмо В. Л. Долгорукова и П. И. Ягужинского Петру I от 20 февраля 1714 г. из Копенгагена; МИГО. Вып. 4. С. 393.

¹² МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 56-57.

¹³ Там же. Вып. 4. С. 393.

¹⁴ Garde H. G. Den dansk-norske Sømagts historie 1700-1814. København, 1852. S. 17. Г. Гарде причислил к линейным кораблям все двухпалубные корабли с вооружением от 44 до 36 пушек, которые правильнее считать фрегатами. Они нами исключены из подсчётов.

¹⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1714 г. Д. 6. Л. 72.

¹⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6482. Л. 3-3 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1714 г. Д. 6. Л. 233, 238.

¹⁸ Там же. Л. 4 об., 26 об.

¹⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6482. Л. 3.

²⁰ История Швеции. М., 1974. С. 252-253, 256.

²¹ Lundkvist S. The experience of empire: Sweden as a great power // Sweden's age of greatness 1632-1718. L., 1973. P. 23.

²² Берендтс Э. Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890. С. 416-417.

²³ Там же. С. 465.

²⁴ Там же. С. 454-455.

²⁵ Там же. С. 440.

²⁶ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6247. Л. 2. Письмо секретаря государственных дел В. В. Степанова П. П. Шафирову от 13 января 1714 г. из Петербурга.

²⁷ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 333.

²⁸ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6304. Л. 3; МИГО. Вып. 4. С. 284, 319.

²⁹ МИГО. Вып. 4. С. 282, 319.

³⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6359. Л. 1.

³¹ МИГО. Вып. 4. С. 318.

- ³⁴ Это были линейные корабли 50-пушечного ранга „Арондель“, „Армонт“, и „Фортуна“, купленные в Англии, и построенный у Архангельска „Архангел Рафаил“ (МИГО. Вып. 4. С. 397–398).
- ³⁵ МИГО. Вып. 2. С. 480; Вып. 3. С. 151.
- ³⁶ ПЖ 1714 г. С. 3, 86.
- ³⁷ МИГО. Вып. 2. С. 480–481.
- ³⁸ В настоящее время в этой местности расположен населённый пункт со схожим названием Гора Валдай.
- ³⁹ МИГО. Вып. 3. С. 19–20; ПЖ 1714 г. С. 25–26.
- ⁴⁰ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 377.
- ⁴¹ МИГО. Вып. 3. С. 20–22.
- ⁴² Там же. С. 17–22, 79–81.
- ⁴³ ПЖ 1714 г. С. 58–59, 112.
- ⁴⁴ Линейный корабль „Страффорд“, обычно имевший 50 орудий, был оставлен в гавани за недостатком корабельной артиллерии и обученных матросов. В эскадру кордебатальи был включён 48-пушечный „Эсперанс“, в последующие годы причислявшийся к классу фрегатов.
- ⁴⁵ МИГО. Вып. 4. С. 517–518.
- ⁴⁶ Там же. Вып. 1, ч. 2. С. 137.
- ⁴⁷ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 383.
- ⁴⁸ Там же. С. 354.
- ⁴⁹ Там же. Прилож. С. 105.
- ⁵⁰ Там же. С. 385.
- ⁵¹ ПЖ 1714 г. С. 29, 60, 113.
- ⁵² МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 145.
- ⁵³ ПЖ 1714 г. С. 29, 60.
- ⁵⁴ Там же. С. 29–30, 60.
- ⁵⁵ [Ден Д.]. История российского флота... С. 27–28.
- ⁵⁶ МИГО. Вып. 3. С. 165.
- ⁵⁷ [Ден Д.]. История российского флота... С. 26.
- ⁵⁸ ПЖ 1714 г. С. 29–30.
- ⁵⁹ Барш Я. С. „Юрнал“ вице-адмирала Я. С. Барша // Сб. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. С. 16.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 90. Л. 678 об.
- ⁶¹ [Ден Д.]. История российского флота... С. 28.
- ⁶² МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 161, 163.
- ⁶³ Архив князя Ф. А. Куракина. М., 1902. Кн. 10. С. 147–148.
- ⁶⁴ Там же. С. 158.
- ⁶⁵ МИГО. Вып. 2. С. 402–403.
- ⁶⁶ Там же. Вып. 3. С. 81–83.
- ⁶⁷ Показания этих матросов изданы: МИГО. Вып. 2. С. 350–352.
- ⁶⁸ МИГО. Вып. 2. С. 349–350.
- ⁶⁹ ПЖ 1714 г. С. 30, 61.
- ⁷⁰ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 189.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² ПЖ 1714 г. С. 30.
- ⁷³ Там же. С. 31, 62, 116–117.
- ⁷⁴ Там же. С. 31, 62, 117.
- ⁷⁵ МИГО. Вып. 2. С. 358; Вып. 3. С. 84.
- ⁷⁶ Там же. Вып. 2. С. 358–359.

- ⁷⁷ Там же. С. 359.
- ⁷⁸ Письмо при издании ошибочно отнесено к 7 июня 1714 г. В действительности оно датируется 7 июля того года (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 252. Л. 164).
- ⁷⁹ МИГО. Вып. 4. С. 496.
- ⁸⁰ Там же. С. 496–497.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 20. Л. 44. Воспроизведение рукописной карты: МИГО. Вып. 2. Вклейка между с. 358 и 359.
- ⁸² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 252. Л. 165; МИГО. Вып. 4. С. 496.
- ⁸³ МИГО. Вып. 2. С. 374–375.
- ⁸⁴ ПЖ 1714 г. С. 32, 63, 118.
- ⁸⁵ МИГО. Вып. 3. С. 86.
- ⁸⁶ ПЖ 1714 г. С. 32, 63, 118.
- ⁸⁷ Там же. С. 33, 64, 119.
- ⁸⁸ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 185.
- ⁸⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6682. Л. 2–2 об.
- ⁹⁰ МИГО. Вып. 3. С. 30, 87.
- ⁹¹ Там же. С. 31.
- ⁹² Там же. С. 87.
- ⁹³ Там же; Мышлаевский А. З. Пётр Великий... Прилож. С. 118.
- ⁹⁴ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 402; Прилож. С. 118–119.
- ⁹⁵ МИГО. Вып. 3. С. 31.
- ⁹⁶ Там же. С. 143.
- ⁹⁷ Там же. С. 144.
- ⁹⁸ Новиков Н. В. Гангутская победа. № 12. С. 45–46; МИГО. Вып. 3. С. 147.
- ⁹⁹ МИГО. Вып. 2. С. 489.
- ¹⁰⁰ Там же. Вып. 3. С. 179.
- ¹⁰¹ Там же. С. 180.
- ¹⁰² Там же. Вып. 2. С. 492, 494; Вып. 3. С. 182.
- ¹⁰³ Там же. Вып. 3. С. 182.
- ¹⁰⁴ Там же. Вып. 2. С. 494.
- ¹⁰⁵ Там же. Вып. 3. С. 183.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 31–32, 87.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 183.
- ¹⁰⁸ Это были корабли „Бремен“ (64 пуш.), „Гётеборг“ (54 пуш.), „Поммерн“ (56 пуш.), „Принц Карл-Фредерик“ (76 пуш.), „Сконе“ (66 пуш.) и „Стокгольм“ (64 пуш.), всего с 380 орудиями (МИГО. Вып. 1, ч. 1. Реляция. С. 5–6; Uddgren Н. Е. Kriget i Finland 1714. Bil. IV. S. 176–177).
- ¹⁰⁹ МИГО. Вып. 3. С. 32, 88; Вып. 1, ч. 2. С. 193–194.
- ¹¹⁰ Там же. Вып. 3. С. 32–33, 88.
- ¹¹¹ [Ден Д.]. История российского флота... С. 29.
- ¹¹² МИГО. Вып. 3. С. 33, 88.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же. Вып. 2. С. 495.
- ¹¹⁵ Там же. Вып. 3. С. 33, 89.
- ¹¹⁶ Вооружение кораблей приведено по „Реляции о случившейся морской баталии...“ (МИГО. Вып. 1, ч. 1. Реляция. С. 5–6).
- ¹¹⁷ МИГО. Вып. 3. С. 183–184.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. Вып. 2. С. 495.
- ¹²⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 34. Л. 91.

- ¹²¹ Там же. Д. 45. Л. 110 об.
¹²² Там же. Л. 106 об.
¹²³ Там же. Д. 61. Л. 204 об.
¹²⁴ МИГО. Вып. 2. С. 493.
¹²⁵ Там же. Вып. 3. С. 33, 89; Вып. 4. С. 612.
¹²⁶ Там же. Вып. 4. С. 612.
¹²⁷ Там же.
¹²⁸ Там же. Вып. 3. С. 33, 89.
¹²⁹ Там же. С. 33, 89, 184.
¹³⁰ Там же. С. 33-34, 89.
¹³¹ Там же. С. 34.
¹³² Там же. С. 89.
¹³³ Глотов А. Я. Гангоудское сражение... С. 268-269.
¹³⁴ МИГО. Вып. 3. С. 89.
¹³⁵ Там же. С. 34, 89-90.
¹³⁶ [Ден Д.]. История российского флота... С. 24.
¹³⁷ МИГО. Вып. 3. С. 90. Ср.: Там же. С. 34.
¹³⁸ В походных журналах Ф. М. Апраксина и Петра I неточность: И. К. де Колер назван капитаном.
¹³⁹ В рукописи описки: караблей.
¹⁴⁰ В рукописи: кашлуки.
¹⁴¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 30. Л. 97.
¹⁴² Там же.
¹⁴³ Там же. Л. 106 об.
¹⁴⁴ МИГО. Вып. 3. С. 184-185.
¹⁴⁵ Там же. С. 185; Вып. 2. С. 496.
¹⁴⁶ Там же. Вып. 3. С. 34, 90; Вып. 4. С. 628.
¹⁴⁷ В ведомости названы 174 чел. из состава Шлиссельбургского полка (РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 61. Л. 1, 8, 11).
¹⁴⁸ Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 409-410.

ГЛАВА III

- ¹ Тиркельтауб С. В. Гангут, „Гангуты“, гангутцы. С. 14.
² МИГО. Вып. 3. С. 89.
³ Там же. С. 90.
⁴ Веселаго Ф. Ф. Очерк... С. 262.
⁵ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 409-410.
⁶ Князев Г. А. Предисловие // МИГО. Вып. 3. С. IX.
⁷ МИГО. Вып. 3. С. 35; ПЖ 1714 г. С. 37.
⁸ [Den J.]. History of the Russian fleet... P. 37.
⁹ МИГО. Вып. 2. С. 519.
¹⁰ Там же. С. 494, 497, 508, 519; Вып. 3. С. 182, 183, 185, 186.
¹¹ Uddgren H. E. Kriget i Finland 1714. Bil. V. S. 180.
¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 22. Л. 417 об.; Д. 44. Л. 568 об.
¹³ Uddgren H. E. Kriget i Finland 1714. S. 124, 128, 130.
¹⁴ Svenska flottans historia. S. 139.
¹⁵ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 195-199.
¹⁶ Там же. Вып. 3. С. 33, 89.
¹⁷ Там же. С. 90.

- ¹⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 55. Л. 9 об.
¹⁹ МИГО. Вып. 3. С. 182.
²⁰ Там же. Вып. 4. С. 641.
²¹ Там же. Вып. 3. С. 88.
²² Там же. С. 179, 180.
²³ Там же. С. 36, 92, 93. Термином „неслужащие“ в армии и флоте Петра I обозначались различные нестроевые должности: писари, священники, музыканты, лекари, фискалы, денщики, плотники, кузнецы и пр.
²⁴ МИГО. Вып. 1, ч. 1. Реляция. Примеч. С. 9. На галере „Трана“ в собственноручной росписи Петра I перечислено 7 командных чинов, но в подсчёте итога допущена неточность — 8. В наших расчётах взято число 7.
²⁵ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 195-199.
²⁶ Nygönen P. Vrakforskning vid Sandö. S. 150.
²⁷ Лоция Балтийского моря. М., 1952. Ч. 4, вып. 1. С. 97.
²⁸ Соколов А. П. Гангудская битва... С. 494.
²⁹ Веселаго Ф. Ф. Очерк... С. 261; Прилож. „З“.
³⁰ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 408; Прилож. План 24.
³¹ Munthe A. Nils Ehrensköld. S. 49.
³² Uddgren H. E. Kriget i Finland 1714. S. 128.
³³ Тельпуховский Б. С. 1. Сражение у мыса Гангут (1714 г.). С. 70, 71; 2. Северная война... С. 155; Новиков Н. В. Гангут... С. 65; История военно-морского искусства. М., 1953. Ч. 1. С. 177; Морской атлас. Т. 3, ч. 1. Л. 11; Балтийский флот: Исторический очерк. С. 31; Kosiarz E. Wojny na Bałtyku X-XIX w. S. 262; История Северной войны. 1700-1721 гг. С. 135; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. 3-е изд. С. 23; Трубкин Ю. Е. Российский галерный флот в кампанию 1714 года. С. 7; Строков А. А. История военного искусства. 2-е изд. СПб., 1994. Т. 4. С. 56.
³⁴ См.: Морской атлас. Т. 3, ч. 1. Л. 11.
³⁵ Веселаго Ф. Ф. Список... С. 737.
³⁶ ЦВММ. Карта В-33998. Часть сведений о глубинах на месте Гангутской батальи автору любезно сообщила заведующая музеем в г. Ханко (Финляндия) Б. Экстрём в письме от 23 марта 1994 г.
³⁷ Морской сборник. 1870. № 2. Морская хроника. С. 64; № 9. Морская хроника. С. 1-2; 1871. № 5. Морская хроника. С. 44-47; Прилож. С. 1-3.
³⁸ Там же. 1871. № 5. Прилож. С. 2.
³⁹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 2.
⁴⁰ Кротов П. А. К вопросу о силах и тактике... С. 146.
⁴¹ Тиркельтауб С. В. Гангут, „Гангуты“, гангутцы. С. 60.
⁴² Длина 2 хранящихся в Центральном военно-морском музее в Петербурге вёсел с 21-баночной трёхмачтовой галеры „Пернов“ — 13,2 м. Эти вёсла предназначались каждое для 6 гребцов: они имеют по 5 ручек и вальку для загребного. Вёсла скампавей были много короче: за ними сидели по 3-4 гребца (См.: Кротов П. А. Развитие гребно-парусного флота для Балтийского моря // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 165).
⁴³ МИРФ. Ч. 1. С. 550.
⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 90. Л. 645 об.
⁴⁵ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 408-409.
⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 109, 111, 112, 133, 134, 134 об.
⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444-445.
⁴⁸ МИГО. Вып. 3. С. 35, 91.

⁴⁰ ОР БРАН. Инв. 32 гр., 33 гр., 385 гр.

⁴¹ Гаубицами 2 36-фунтовых орудия галеры „Эрн“ охарактеризованы в ведомости с перечислением артиллерии на пленённых при Гангуте шведских судах от 27 августа 1714 г. за подписью подполковника А. К. Коррета (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 22. Л. 295).

⁴² Подсчёты сделаны по перечням артиллерии на взятых шведских кораблях.

⁴³ ОР БРАН. Инв. 385 гр.

⁴⁴ Верховский А. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1922, С. 96.

⁴⁵ МИГО. Вып. 4. С. 878–880.

⁴⁶ Фёдоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911, С. 19, 33.

⁴⁷ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 409.

⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 23.

⁴⁹ Там же. Л. 58–59.

⁵⁰ Там же. Л. 153–153 об., 157; 159, 177 об.–178.

⁵¹ Там же. Л. 177 об.

⁵² Там же. Л. 41–44 об.

⁵³ В ранее упомянутой сводной ведомости приведены такие же сведения о числе штаб- и обер-офицеров Морского батальона — участников сражения, за исключением количества подпоручиков (не 3, а 2). Сведения поимённой „Росписи“ от 3 декабря 1714 г., полагаем, предпочтительнее.

⁵⁴ Ниже будет показано, что А. Ф. Миющик участвовал в Гангутской баталии, но находился не на 23 галерах, атаковавших шведов с фронта. Поэтому он здесь исключён из общего числа.

⁵⁵ Численность убитых, по нашему мнению, дана в „Росписи“ с учётом скончавшихся от ран к 3 декабря 1714 г., ибо в печатной „Реляции“ и архивной поимённой росписи „Побиты при баталии“ (сведения на 28 июля 1714 г.) говорится о 13 погибших моряках, ещё в одной ведомости о 14, в „Росписи“ же от 3 декабря 1714 г. о 16 (РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 92. Л. 264–264 об.; МИГО. Вып. 1, ч. 1. Реляция. С. 5; Вып. 3. С. 37, 93; Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 410).

⁵⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 22. Л. 53. Ведомость о числе убитых, раненых и пропавших безвестно в бою 27 июля 1714 г. с флотилией Н. Эреншельда от 28 июля 1714 г. за подписью А. А. Вейде; Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 409.

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 70, 82, 85, 168 об.

⁵⁸ Там же. Л. 169, 178.

⁵⁹ Там же. Л. 139, 178.

⁶⁰ Там же. Л. 18.

⁶¹ Там же. Л. 20–21. Опубликованная А. З. Мышлаевским ведомость с таким же заглавием от 30 июля 1714 г. тоже за подписью И. И. Бутурлина, хранящаяся среди бумаг Кабинета Петра Великого (Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 410), в основном совпадает по данным с имеющейся в материалах походной канцелярии Ф. М. Апраксина. Однако первая из них носит предварительный характер, поскольку ряд указанных в ней чисел в ведомости из канцелярии Апраксина переправлен (например, по Ингерманландскому полку 597 рядовых на 594, 12 барабанщиков на 13 и т.д.).

⁶² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 112.

⁶³ Там же. Л. 58–59.

⁶⁴ Там же. Л. 22–22 об.

⁶⁵ Там же. Л. 23.

⁶⁶ Там же. Л. 177.

⁶⁷ Tornquist C. G. Utkast... S. 60.

⁶⁸ [Ден Д.]. История российского флота... С. 29–30.

⁶⁹ Там же. С. 30; [Den J.]. History of the Russian fleet... P. 36–37.

⁷⁰ МИГО. Вып. 4. С. 675.

⁷¹ Tornquist C. G. Utkast... S. 60.

⁷² Ibidem. S. 60–61.

⁷³ Ibidem. S. 61.

⁷⁴ Ibidem. S. 62.

⁷⁵ Ibidem. S. 63.

⁷⁶ МИГО. Вып. 3. С. 39.

⁷⁷ Там же. С. 35, 91.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1515. Л. 2; ОР БРАН. Инв. 385 гр.

⁷⁹ Шарыпки Д. М. Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. Л., 1975. С. 67–71.

⁸⁰ МИГО. Вып. 3. С. 91.

⁸¹ В походном журнале Петра I сказано, что „атака началась в третьем часу пополудни и продолжилась даже до пятого часа“ (МИГО. Вып. 3. С. 34–35). Согласно Й. А. Нордбергу, шведы „оборонялись более трёх часов“ (См.: Прилож. VII).

⁸² МИГО. Вып. 3. С. 35.

⁸³ МИРФ. Ч. 1. С. 550.

⁸⁴ МИГО. Вып. 3. С. 34, 91; Вып. 4. С. 870.

⁸⁵ Андригель — от итал. andrivello, мор. канат.

⁸⁶ Книга Устав морской о всём, что касается доброму управлению в бытность флота на море. СПб., 1720. Прилож. Сигналы генеральные. С. 2.

⁸⁷ Генеральные сигналы, которые чинены будут во флоте его царского величества Всероссийского Петра Первого от генерала-адмирала на весь флот гребных судов. СПб., 1714. С. 5.

⁸⁸ Шарыпки Д. М. Русские дневники шведов... С. 71.

⁸⁹ Сб. ВИМ. СПб., 1892. Вып. 1. С. 321.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 42. Л. 80, 81 об.

⁹¹ Там же. Д. 64. Л. 11 об.

⁹² Там же. Д. 34. Л. 58 об.

⁹³ Там же. Д. 33. Л. 39, 39 об., 55.

⁹⁴ Новиков Н. В. Гангут... С. 67.

⁹⁵ МИГО. Вып. 3. С. 185.

⁹⁶ Там же. Вып. 1, ч. 2. С. 195.

⁹⁷ Там же. Вып. 4. С. 874, 876, 877.

⁹⁸ [Ден Д.]. История российского флота... С. 30.

⁹⁹ МИГО. Вып. 4. С. 870, 874–877.

¹⁰⁰ Там же. С. 869–870.

¹⁰¹ Там же. С. 873.

¹⁰² Там же. С. 878–880.

¹⁰³ Там же. С. 870.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 160.

¹⁰⁵ Там же. Д. 45. Л. 13 об.

¹⁰⁶ Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 413.

¹⁰⁷ МИГО. Вып. 4. С. 870.

¹⁰⁸ Кротов П. А. К вопросу о силах и тактике... С. 145.

- ¹¹⁸ Munthe A. Nils Ehrensköld. S. 50.
¹¹⁹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 46.
¹²⁰ См.: Прилож. IV.
¹²¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 96.
¹²² Там же. Л. 98 об.
¹²³ Там же. Л. 75 об.
¹²⁴ Там же. Л. 93 об.
¹²⁵ Там же. Л. 13 об.
¹²⁶ Там же. Л. 71 об.
¹²⁷ Там же. Л. 13 об.
¹²⁸ Там же. Л. 77 об.
¹²⁹ Там же. Л. 13.
¹³⁰ Там же. Л. 110.
¹³¹ Там же. Л. 14.
¹³² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 22. Л. 53; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 92. Л. 264–264 об.; Сб. ВИМ. Вып. 5. С. 408–409.
¹³³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 22. Л. 53.
¹³⁴ Там же.
¹³⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. Л. 15.
¹³⁶ Там же. Д. 61. Л. 10.
¹³⁷ См.: Прилож. I.
¹³⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 85. Л. 74.
¹³⁹ Вестужев Н. А. Сражение при Ганго-Удде 1714 года. С. 287.
¹⁴⁰ Скаловский Р. К. Военные действия русского флота в 1714 году. С. 393.
 Аналогичное утверждение: Tornquist S. G. Utkast... S. 62.
¹⁴¹ Кротков А. С. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1894. С. 284.
¹⁴² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 22. Л. 60.
¹⁴³ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1096–1097.
¹⁴⁴ МИГО. Вып. 4. С. 854.
¹⁴⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6779. Л. 1.
¹⁴⁶ Там же. Д. 6867. Л. 1.
¹⁴⁷ Anderson R. Ch. Naval wars in the Baltic... P. 160–161.
¹⁴⁸ См.: Прилож. VII.
¹⁴⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6763. Л. 1 об.-2; Д. 6762. Л. 1.
¹⁵⁰ Рабинович М. Д. Полки Петровской армии. 1698–1725 // Труды ГИМ. М., 1977. Вып. 48. С. 24–25.
¹⁵¹ Там же. С. 33, 34, 36, 40, 43, 47, 49, 53.
¹⁵² Там же. С. 64–65.
¹⁵³ Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом. С. 43.
¹⁵⁴ [Вейде А. А.]. Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С. 5.
¹⁵⁵ Bruce P. H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia and Great Britain. L., 1782. P. 204–205.
¹⁵⁶ Ibidem. P. 204.
¹⁵⁷ [Ден Д.]. История российского флота... С. 77.
¹⁵⁸ МИГО. Вып. 4. С. 706.
¹⁵⁹ Соловьёв А. В. Русские навигаторы XVII века среди южных славян // Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 291.

- ¹⁶⁰ Там же. С. 292.
¹⁶¹ Там же. С. 300.
¹⁶² Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов... СПб., 1832. Ч. 2. С. 1–2.
¹⁶³ Соловьёв А. В. Русские навигаторы... С. 300.
¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1, 1716 г. Д. 2. Л. 1–1 об.
¹⁶⁵ Корсакова В. Змаевич М. // Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т.: Жабокритский — Зяловский. С. 418.
¹⁶⁶ [Огородников С. Ф.]. Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 154–155.
¹⁶⁷ В переводе одной из имевшихся у Л. М. Демьянова грамот он, впрочем, именуется „рагузинином“, то есть выходцем из Рагузы (Дубровник). — Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Карт. 31. Д. 2. Л. 4.
¹⁶⁸ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Карт. 31. Д. 2. Л. 1–3, 6–7.
¹⁶⁹ [Огородников С. Ф.]. Общий морской список. Ч. 1. С. 129–130.
¹⁷⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 208. Д. 2. Л. 1. Патент Л. М. Демьянову на чин капитан-командора.
¹⁷¹ [Огородников С. Ф.]. Общий морской список. Ч. 1. С. 130.
¹⁷² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 84, 168 об.
¹⁷³ ПБПВ. М., 1977. Т. 12, вып. 2. С. 413–414, 415.
¹⁷⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 168 об.
¹⁷⁵ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Карт. 31. Д. 29. Л. 1–3 об.
¹⁷⁶ [Огородников С. Ф.]. Общий морской список. Ч. 1. С. 403.
¹⁷⁷ См.: Прилож. IV.
¹⁷⁸ См.: Прилож. V.
¹⁷⁹ В своей „сказке“ А. А. Весёлкин ошибся в дате.
¹⁸⁰ См.: Прилож. III.
¹⁸¹ Елагин С. И. История русского флота: Период Азовский. Прилож. СПб., 1864. Ч. 2. С. 234–236, 246.
¹⁸² РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 195 об.
¹⁸³ В документе подразумевается обер-офицерский чин, соответствовавший полковому квартирмейстеру в сухопутных войсках.
¹⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 139–139 об.
¹⁸⁵ Там же. Л. 88.
¹⁸⁶ Там же. Д. 252. Л. 75 об.
¹⁸⁷ Там же. Д. 244. Л. 134.
¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1, 1702 г. Д. 159. Л. 81; Елагин С. И. История... Прилож. Ч. 2. С. 235.
¹⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.
¹⁹⁰ Там же. Д. 92. Л. 264; Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 44.
¹⁹¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 41. Л. 25.
¹⁹² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 41–43 об.; Д. 188. Л. 242 об.–246.
¹⁹³ Там же. Д. 188. Л. 247.
¹⁹⁴ Там же. Д. 244. Л. 162 об.–163.
¹⁹⁵ Там же. Д. 188. Л. 339–352 об.
¹⁹⁶ Пискунова Л. С. Награждение медалями за Гангутский бой 27 июля 1714 г. // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 4. С. 135.
¹⁹⁷ Там же. С. 135, 140; Дуров В. А. Наградные медали России первой четверти XVIII в. // Труды ГИМ. М., 1977. Вып. 49. С. 104–114.
¹⁹⁸ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 200.
¹⁹⁹ Вес червонца в начале XVIII в. равнялся 3,4 г.

- 200 РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 3; МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 200.
 201 МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 200.
 202 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 20. Л. 390 об.-391.
 203 Дуров В. А. Наградные медали... С. 134-135.
 204 РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 28, 73, 179.
 205 Там же. Л. 9-9 об.; ПЖ 1714 г. С. 79.
 206 Пискунова Л. С. Награждение медалями... С. 138.
 207 Там же. С. 135.
 208 РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 26, 73, 179.
 209 Там же. Л. 168 об.-174, 179.
 210 Там же. Л. 10.
 211 Там же. Л. 174 об.-175 об., 179.
 212 Там же. Л. 32, 177.
 213 Там же. Д. 254. Л. 297-297 об.
 214 Там же. Д. 244. Л. 177.
 215 Там же. Л. 12, 32, 177.
 216 Там же. Л. 178 об.
 217 Там же. Д. 254. Л. 124 об.
 218 Там же. Д. 244. Л. 46-46 об.
 219 Там же. Л. 46 об.
 220 Там же. Л. 88, 168 об.-174.
 221 Там же. Л. 120.
 222 Там же. Л. 165.
 223 Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842. С. 7.
 224 Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962. С. 27.
 225 Заворотная Л. А. Медали на события эпохи Петра I из коллекции А. А. Стаховича: Новые поступления в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина: Каталог. М., 1988. С. 42.
 226 РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 175, 175 об.
 227 ПЖ 1714 г. С. 145.
 228 МИГО. Вып. 3. С. 185.
 229 Там же.
 230 Там же. Вып. 2. С. 497.
 231 Там же. Вып. 3. С. 38, 185-186.
 232 Там же. С. 186-187.
 233 Тиркельтауб С. В. Гангут, „Гангуты“, гангутцы. С. 18.
 234 МИГО. Вып. 3. С. 93-94.
 235 РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 45. Л. 106 об.
 236 Там же. Л. 110 об.
 237 МИГО. Вып. 3. С. 38, 94.
 238 Там же. С. 39-41, 95-97.
 239 Там же. Вып. 2. С. 509-510, 521.
 240 Там же. С. 510, 512, 520.
 241 Берендтс Э. Государственное хозяйство Швеции. С. 455.
 242 Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 431; МИГО. Вып. 3. С. 42, 97-98.
 243 Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 437-439; МИГО. Вып. 3. С. 98-103.
 244 Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 441; МИГО. Вып. 3. С. 103-112.
 245 МИГО. Вып. 3. С. 102, 108, 116-119.

- ¹ МИГО. Вып. 4. С. 657.
² Мышлаевский А. З. Пётр Великий... С. 415-416.
³ Там же. С. 416.
⁴ МИГО. Вып. 2. С. 438.
⁵ Там же.
⁶ Там же. С. 406-407.
⁷ Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 10. С. 173.
⁸ МИГО. Вып. 2. С. 385, 391.
⁹ Там же. С. 391.
¹⁰ Extract eines Schreibens aus Dantzig die von Ihro Gross Czaar. Maj. wider die Schwedische Flotte den 25, 26, 27 Julii glücklich befochtene See-Victoria betreffende / Gedrückt den 30 Augusti 1714. 2 f.; Neueste Relation aus unterschiedlichen an Hohe Ministros abgelassenen Brieffen von der zum Vortheil Ihro Czaarischen Majestät zwischen Dero und der Schwedischen Flotte den 25 und 26-sten Julii vorgefallenen See-Schlacht, sammt der darauff erfolgten eroberung der Insul Aland / Gedrückt... den 3 Sept. 1714. 2 f.
¹¹ Mercure historique et politique. La Haye, 1714. T. 57. Août. P. 241-243.
¹² Suite des Nouvelles d'Amsterdam. Du 7 sept. 1714. № 72 // РГАДА. Ф. 155. Оп. 1, 1714 г. Д. 4. Л. 5 об.
¹³ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 209.
¹⁴ Там же. Вып. 2. С. 423.
¹⁵ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97. Л. 214.
¹⁶ МИГО. Вып. 4. С. 733.
¹⁷ Раскин А. Г. Триумфальные арки Ленинграда. Л., 1977. С. 25.
¹⁸ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1097.
¹⁹ ПЖ 1714 г. С. 76.
²⁰ Алексеева М. А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 136; Раскин А. Г. Триумфальные арки Ленинграда. С. 26-28.
²¹ МИГО. Вып. 3. С. 51; ПЖ 1714 г. С. 47.
²² РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.
²³ МИГО. Вып. 3. С. 51.
²⁴ Там же. С. 52.
²⁵ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1096.
²⁶ См.: Прилож. VII.
²⁷ МИГО. Вып. 4. С. 746.
²⁸ Там же. Вып. 1, ч. 2. С. 227.
²⁹ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1097.
³⁰ МИГО. Вып. 1, ч. 2. С. 227.
³¹ ПЖ 1714 г. С. 77.
³² ОР РНБ. Ф. IV. 736⁴. Л. 88 об.
³³ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 5. Л. 252 об.-253 об.
³⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 21. Л. 594.
³⁵ Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова. М., 1986. С. 75.
³⁶ МИГО. Вып. 4. С. 751-752.
³⁷ Там же. С. 747.
³⁸ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1098.
³⁹ См.: Прилож. VII.

- ⁴⁰ Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1098.
- ⁴¹ МИГО. Вып. 4. С. 747.
- ⁴² МИРФ. Ч. 1. С. 551-552.
- ⁴³ См.: Прилож. VII.
- ⁴⁴ См.: Прилож. II.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ПЖ 1714 г. С. 124, 125, 128, 149.
- ⁴⁷ ПЖ 1715 г. С. 71.
- ⁴⁸ Holm N. F. Nils Ehrenskiöld // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1949. Bd. 12. S. 345.
- ⁴⁹ ПЖ 1721 г. СПб., 1913. С. 76. В журнале описка: назван не Эреншельд, а „пленной вице-адмирал Рейншильд“. Генерал-фельдмаршал К. Г. Реншельд, пленённый под Полтавой, был выменен из плена ещё в 1718 г.
- ⁵⁰ МИГО. Вып. 1, ч. 1. С. 215.
- ⁵¹ Там же. Вып. 2. С. 429.
- ⁵² ПЖ 1721 г. С. 76.
- ⁵³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1721 г. Д. 51. Л. 27; Оп. Указы. Отд. 3. Д. 4. Л. 189.
- ⁵⁴ Фототипическое воспроизведение письма Петра Великого от 24 октября 1721 г. имеется в книге: Jane F. T. The Imperial Russian Navy... P. 65.
- ⁵⁵ См.: Прилож. VI.
- ⁵⁶ Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом. С. 59.
- ⁵⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 6769. Л. 1 об.; ПЖ 1714 г. С. 130.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 25. Л. 409, 412; МИРФ. Ч. 1. С. 618-619, 632-633, 639.
- ⁵⁹ МИРФ. Ч. 1. С. 639; ПЖ 1715 г. С. 17-21.
- ⁶⁰ ПЖ 1715 г. С. 21.
- ⁶¹ ПЖ 1716 г. СПб., 1913. С. 32.
- ⁶² ПЖ 1718 г. СПб., 1913. С. 25.
- ⁶³ Проповеди Гавриила Бужинского (1717-1727). Юрьев, 1901. С. 230.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Соймонов Ф. И. Свильник морской. СПб., 1738. С. 22-23.
- ⁶⁶ [Ден Д.]. История российского флота... С. 55-56.
- ⁶⁷ МИРФ. Ч. 2. С. 395.
- ⁶⁸ Фейгина С. А. Аландский конгресс. М., 1959. С. 497-501.
- ⁶⁹ Веселаго Ф. Ф. Очерк... С. 321; МИРФ. Ч. 2. С. 393-394, 400.
- ⁷⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7685. Л. 1-1 об.
- ⁷¹ МИРФ. Ч. 2. С. 380.
- ⁷² ПЖ 1719 г. СПб., 1913. С. 82-83.
- ⁷³ Проповеди Гавриила Бужинского (1717-1727). С. 337-354.
- ⁷⁴ ПЖ 1720 г. СПб., 1913. С. 29.
- ⁷⁵ [Ден Д.]. История российского флота... С. 62.
- ⁷⁶ Проповеди Гавриила Бужинского (1717-1727). С. 447.
- ⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 14. Л. 38; Д. 16. Л. 8. — Шканечные журналы кораблей „Северный орёл“ (англ.яз.) и „Лесное“ (англ.яз.).
- ⁷⁸ О первом разе в журнале не сказано.
- ⁷⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 5247. Л. 2-3; Boudriot J., Berti H. Les vaisseaux de 50 et 64 canons: Etude historique 1650-1780. P., 1994. P. 30, 48, 156.
- ⁸¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. М., 1857. Ч. 1. С. 117-118.

- ⁸² Там же. С. 118-120.
- ⁸³ Там же. С. 120-126.
- ⁸⁴ ПЖ 1722 г. СПб., 1913. С. 52-53.
- ⁸⁵ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 32. Л. 24. Шканечный журнал „Выборга“ (дат.яз.).
- ⁸⁶ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721-1726 гг. М., 1964. С. 119.
- ⁸⁷ Берхгольц Ф. В. Дневник... М., 1860. Ч. 3. С. 146, 149; МИРФ. Ч. 2. С. 677.
- ⁸⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 3. С. 170; РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 35. Л. 41. Шканечный журнал корабля „Астрахань“.
- ⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 36. Л. 24 об.; Д. 40. Л. 37 об. Шканечные журналы корабля „Рандольф“ и фрегата „Самсон“.
- ⁹⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 3. С. 170-171.
- ⁹¹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 35. Л. 42.
- ⁹² ПЖ 1723 г. СПб., 1913. С. 35.
- ⁹³ ПЖ 1724 г. СПб., 1913. С. 13.
- ⁹⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник... М., 1860. Ч. 4. С. 74.
- ⁹⁵ Там же. С. 73-74.
- ⁹⁶ „Ламланцкой“, то есть произошедшей у острова Лемланд (Ламеланд) в Аландском архипелаге. Это одно из распространённых в Петровское время наименований Гренгамского сражения 1720 г.
- ⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 42. Л. 14 об.; Д. 44. Л. 103; Д. 48. Л. 27 об.; Д. 50. Л. 24; Д. 52. Л. 18.
- ⁹⁸ Белов М. И. О старинном счёте времени в морском флоте // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Вып. 2. С. 166-176.
- ⁹⁹ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 82. Л. 21. Шканечный журнал „Св. Екатерины“.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 36.
- ¹⁰¹ За 1735 г. шканечных журналов не сохранилось.
- ¹⁰² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 166. Л. 37; Д. 167. Л. 37; Д. 168^a. Л. 37 об.; Д. 186. Л. 40.
- ¹⁰³ Там же. Д. 224. Л. 51.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 276^a. Л. 33 об.-34; Д. 276^b. Л. 36-36 об.; Д. 322^a. Л. 19-19 об.; Д. 322^b. Л. 35-35 об.; Д. 336^a. Л. 25 об.-26; Д. 403^a. Л. 16-16 об.; Д. 461^a. Л. 26-26 об.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 319^a. Л. 20 об.; Д. 319^b. Л. 20 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 360. Л. 23; Д. 361. Л. 24.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 395. Л. 38; Д. 400. Л. 112 об.
- ¹⁰⁸ Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов-на-Дону, 1916. С. 644-646; Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 153.
- ¹⁰⁹ Устав военного флота. СПб., 1797. С. 344.
- ¹¹⁰ Морской устав. СПб., 1853. С. 535-536.
- ¹¹¹ Морской устав 1885. СПб., 1885. С. 413-414; Морской устав 1899. СПб., 1899. С. 485-487.
- ¹¹² Галгутская годовщина приходится по новому стилю на 7 августа, поскольку разница между старым и новым стилем составляла в XVIII в. 11 дней.
- ¹¹³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1721 г. Д. 51. Л. 1-2.
- ¹¹⁴ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 255-256, 265-266.

- ¹¹⁵ МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 617.
¹¹⁶ Там же. С. 645.
¹¹⁷ РГАВМФ. Ф. 218. Оп. 1. Д. 200. Л. 353.
¹¹⁸ Сб. РИО. Т. 69. С. 654-655.
¹¹⁹ МИРФ. СПб., 1875. Ч. 5. С. 527.
¹²⁰ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 25. Л. 4-4 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Д. 544. Л. 76.
¹²¹ Елагин С. И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в плен в царствование Петра Великого. 1702-1725. СПб., 1867. С. 74.
¹²² Там же.
¹²³ МИРФ. СПб., 1880. Ч. 8. С. 372, 379.
¹²⁴ Там же. С. 471.
¹²⁵ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 271. Л. 60 об.-61.
¹²⁶ Там же. Д. 274. Л. 278-278 об.
¹²⁷ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 244. Л. 174.
¹²⁸ Сб. РИО. Т. 61. С. 345.
¹²⁹ ПЖ 1715 г. С. 10, 34, 48.
¹³⁰ Кротов П. А. Создание линейного флота... С. 319-321; РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 19. Л. 42; Сб. РИО. Т. 61. С. 318.
¹³¹ РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 8. Л. 6; Ф. 176. Оп. 1. Д. 130. Л. 253.
¹³² Сб. РИО. Т. 61. С. 563.
¹³³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1728 г. Д. 6. Л. 32; Оп. 1730 г. Д. 14. Л. 32 об.
¹³⁴ Там же. Оп. 1729 г. Д. 3. Л. 253, 253 об., 297, 297 об.
¹³⁵ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 25. Л. 3, 3 об.
¹³⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 1733 г. Д. 18. Л. 80 об.
¹³⁷ Веселаго Ф. Ф. Список... С. 14-17.
¹³⁸ Там же. С. 22-23.
¹³⁹ Там же. С. 36-37, 42-43, 460-461.
¹⁴⁰ Там же. С. 58-59; Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948. С. 38.
¹⁴¹ Крестьянинов В. Я. „Гангут“ // Гангут. СПб., 1993. Вып. 5. С. 31-40.
¹⁴² Мельников Р. М. Броненосец „Потёмкин“. Л., 1980.
¹⁴³ Цветков И. Ф. Линкор „Октябрьская революция“. Л., 1983.
¹⁴⁴ Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928-1945: Справочник. М., 1988. С. 415-416.
¹⁴⁵ Тиркельтауб С. В. Гангут, „Гангуты“, гангутцы. С. 52-55.
¹⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1739 г. Д. 4. Л. 20-22; Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города... СПб., 1885. С. 107.
¹⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
¹⁴⁸ Пётр I пребывал в Нижнем Новгороде с 26 по 30 мая 1722 г. (ПЖ 1722 г. С. 35-37, 95).
¹⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 19; Ф. 212. Оп. 1734 г. Д. 17. Л. 657; Петров П. Н. История Санкт-Петербурга... С. 209.
¹⁵⁰ Солосин Г. И. Большой дворец // Дворцы-музеи и парки города Ломоносова. Л., 1955. С. 138; Мозговая Е. В. И. П. Зарудный: Материалы к биографии художника // Проблемы развития русского искусства. Л., 1980. Вып. 13. С. 37.
¹⁵¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1734 г. Д. 17. Л. 653, 657.
¹⁵² Там же. Л. 658.
¹⁵³ Там же. Л. 656.

- ¹⁵⁴ Там же. Оп. 1739 г. Д. 4. Л. 31 об., 65.
¹⁵⁵ Пилявский В. И. Иван Кузьмич Коробов (материалы к изучению творчества) // Архитектурное наследство. Л.; М., 1953. Вып. 4. С. 48.
¹⁵⁶ Иванов А. М. В честь первых побед русского флота // Судостроение. 1966. № 8. С. 71.
¹⁵⁷ Кабанов С. И. Мы ушли непобеждёнными // Гангут. 1941: Сб. воспоминаний. Л., 1974. С. 343.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1714 г. после 27 июля. — Донесение Н. Эреншельда адмиралу Г. Ватрангу об исходе Гангутского сражения и положении пленных шведских офицеров

Высокоблагородный господин адмирал, милостивейший государь. Понеже я от вашего высокоблагородия не за долгое время камандован, для того я сим по должности своей вашему благородию доношу, по какому образу я с командою своею с российским галерным флотом в жестакую баталию случился, где я в левую руку и в левую ногу болно ранен и взят в полон. И понеже мне ныне и капитану Сунду, которой также ранен, для нашего пропитания в денгах здесь зело имеем нужду, того ради просим всенижайше вашего высокоблагородия, дабы несколько денег сим путём к нам ко всем отправить. А буде же толко денег станет у вашего высокоблагородия, что мне и капитану Сунду, то о протчих полонённых афицерах изволь, ваше высокоблагородие, к господину шаутбейнахту Тоубу писать, дабы он помянутым афицерам¹ в отправлении оных денег споможение учинил и отправил к нам, понеже я, также и капитан Сунд, в службе королевского величества ранены. Для того изволь, ваше высокоблагородие², приятно учинить, дабы нам пензион, или споможения, из воинской казны учинили. Мою и капитана Сунда скарбишку изволь, ваше высокоблагородие³, сим путём к нам прислать. Особливо прошу вашего высокоблагородия, дабы изволил труды свои предложить о размене нас всех, понеже мы ещё все в близости обретаемся. При сём не могу оставить вашему высокоблагородию объявить и хвалить, что я здесь с протчими пленными афицерами зело во удаволстве и всечестно нас, как мы желаем, содержат. В протчим прошу, понеже мне отсюды швецким языком писать не повелено, дабы, ваше высокоблагородие⁴, приятно чрез сие письмо моей жене о моём состоянии объявить изволь к пользе ей, что я в скорых числах при своём здравье буду.

При катором окончание отдаю свой должный поклон господину вице-адмиралу и шаутбейнахту со всеми протчими господами афицерами и остаюся со всем респектом.

¹ В ркп. описка: афицерами.

²⁻⁴ В ркп. описка: высокоблагородия.

РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 85. Л. 78-79. Перевод с немецкого языка 1714 г.

II

1714 г. декабря 16. — Письмо Н. Эреншельда Карлу XII об его пленении в Гангутском сражении и пребывании шведских пленнх в Петербурге

Державнейший и всемилостивейший король. Понеже я купно с афицерами, которые с карабля, имянуемого „Алефанта“, и с протчих ко-

мандрованных галер в полон взяты и в Питербурх приведены, и взял я у его светлости князя Александра Даниловича Меншикова на свой реверс 100 рублёв денег и оное число по роспискам, при сём посланным, афицерам роздал, понеже оные ободрались в платы своём и для протчих нужд своих, покорно прошу вашего королевского величества: сие число повели отдать в Швеции российским пленным или оное число сюды выслать, дабы мне свой реверс можно назад получить, ибо мы за ваше королевское величество и отечество своё поступали и кровь проливали несщадно.

О себе доношу, что я давно б исчез от ран своих, от которых и ныне страдаю и лежу, аще бы не его царского величества неизреченное милосердие как денгами, так и протчими способы меня милостиво не снабдевали. Надеюсь, что ваше королевское величество всегда поданным своим милосердие изливати изволишь и для недостатков и обножённных полоняных, ваше величество, повелите выслать денег, дабы нам от всеящих нужд свободитца.

Прошу вашего королевского величества всепокорнейший, понеже отпущенные ис [Сто]кгольма доносили, что тамо содержат пленнх российских без меры жестоко и жалобу великую творят, а нам, поданным вашим, в полону у его царского величества никакого утеснения нет и ходим в городе или куды пожелаем за караулом свободно и всякая нам честь воздаётся, того ради прошу всепокорнейший, дабы российских вышереченную жалобу утолити и равномерием содержати указали, дабы нам в мизерстве своём вконец не погибнуть, понеже от здешнего управления нам, свейским, о том нарочно писать не повелено.

Прошу всепокорнейший не во гнев восприть, аще в чём пером не исправно донёс, понеже на швецком языке писать не позволено, а немецким наречием необыкновенен писать.

Вашего королевского величества, моего всемилостивейшаго государя всепокорный раб и фазал Н. Эреншилт.

Из Питербурха декабря 16 дня 1714.

РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 85. Л. 106-107. Перевод с немецкого языка 1714 г.

III

1720 г. февраля 23. — „Сказка“ о службе поручика Лефортовского пехотного полка Автонома Алексея сына Весёлкина, участника Гангутского сражения

1720 году февраля 23 дня Лефортовского полку поручик Автоном Весёлкин сказал.

В службу царского величества определён по разбору его царского величества во 197-м году в Преображенской полк в потешные. Во 199-м году на потехе в Переславле я был. В 201-м году с царским величеством пошли к городу Архангельскому. В 202-м году под Кожуховым на потехе я был. В 203-м году [в] первой Азовской поход был и на дву приступах с подполковником князь Иваном Юрьевичем с Трубецким, и тут я два

раза ранен. В 204-м году во втором Азовском походе я был на фуракатах при генерале, адмирале Франце Яковлевиче Лефорте. В 205-м под Керчь, когда провожали посла Украинцова со адмиралом Фёдором Алексеевичем Головиным, и я при оном был на караблях. А в 206-м году ходили под Воскресенской монастырь против бунтовщиков, и в том году я пожалован в капралы, а команду имел боярин Алексей Семенович Шейн. В 700-м году ходили под Нарву, и в том году пожалован в каптенармусы. В 701-м году пошли с царским величеством к городу Архангелскому, от города Архангелскаго в Соловецкой монастырь. В 702-м году на караблех пошли под Слюсенбурх и Слюсенбурх штурмом взяли, и тут я был на приступе с маеором Давыдом Ивановичем Гастом. В 703-м году пошли под Канцы и Канцы взяли, и при том я был. Из-под Канец пошли к Питербурху под шкуты и тут 3 шкуты взяли. С капитаном Бакшеевым в 704-м году пошли под Нарву и Нарву приступом взяли, и я при том приступе был с господином генералом Чанберсом и ранен. В 705-м году пошли под Нинтаву и Нинтаву отоковали, и неприятели здались, и при том я был. В том же году пошли в Гродню, и тогда в Гродне швед был, и тут я пожалован в сержанты. В том же году пошли в Киев, ис Киева пошли на Вальнь под местечко Дубну. В том же год[у] пошли в Гродню. Тогда ж приходил Вешневской, и за ним пошли в Ковну, ис Ковны ево выбили и пошли за ним в Кейданы, ис Кейдан выбили и пришли под Новое-местечко, из местечка выбили, партий[и] и бойи были великия, а команду имел его сиятельство господин генерал и ковалер князь Никита Иванович Репнин и подполковник фан Керкин. В 706-м году¹ на Левенговской баталии я был, и послан был в то время с писмами к господину маеору Глебову на Изюм, и тамо против булавиццов был. Во оном же году пошли в Лебедин, из Лебедина пошли в Сумы. А в 708-м году февраля 15 дня ходили в Рашевку, и под [т]рой Рашевской был я с маеором Бартевым и ранен, и взяли штурмом. В 709-м году пошли под Платаву, и на генеральной баталии под Платавою я был, ис-под Платавы того ж году пошли под Ригу. В 710-м году ходили под Выборх флотом, и при взятые Выборха я был. В 711-м году была турецкая акция, и я на оной акции и на вышеписанных приступах и баталиях был я сержантом. В том же 711-м году пожалован по имениному его царскаго величества [указу] в Черниговской полк в молотчие поручики, а в Черниговском полку был полковник Пётр Петрович Арсениев, и во оном же году по осмотру и по ордеру господина генерала и ковалера Адама Адамовича и крик-президента Вейде в Лефортовской полк пожалован в старшие поручики, а в Лефортовском полку полковник господин бригадир Пётр Богданов сын Лефорт. В 713 году пошли из-под Киева в Санкт-Питербурх, и[з] Санкт-Питербурха в том же году пошли на галерах в Гельзенфорц. В 1714-м году из Гельзенфорса пошли на галерах и стояли при Тангуте и проходили шведской корабельной флот, и как брали фрегат и галеры, и я при том был, а по взятию фрегату пошли на Голонт-остров и, возвратясь с Олонта, прибыв со флотом, зимовали под Беленбурхом. А в 715 году пошли из Гельзельфорса на брам-батареях до Ревеля, и того числа невзначай шведской флот прибыл, и тут со оным была стрельба из пушек,

и я при том был, а в то число был при полку командиром господин маеор Цызырев. В том же 715 году пошли из Ревеля сухим путем чрез Полшу в Мелькелбурию, и, как прибыли в Мелькебурию, и пошли на транспорте в дацкую землю в Копенаген, и того ж году возвратились опять в Лелькелбурию². В 719-м году на галерах со флотом от Олонта пошли на стекгольмскую сторону, и тамо при урочище Штеке на сухом кряжу баталия была, при которой команду содержал господин полковник князь Борятинской, и я при оной батали был, а от полку командован за капитана, а с² 716-го⁴ году по ордеру господина бригадира Лефорта управляю в роте за капитана.

А ныне трактаменту получаю за вычетом в медикамент по 6 ру по 16 ал 4 де. Поместья за мною в Резанском уезде двор шляхецкой, а крестьян за мною нет, а, сколько поместья за мною четвертей, про то я не знаю, понеже оное справлено за мною поместья без меня, а я в службе царскаго величества обретаюсь безотлучно и, как в службе стал служить, во всех походах нигде не оставался, безотлучно был.

А, ежели я в сей сво[е]й скаске сказал ложно, в том воля государева. Порутчик Весёлкин.

¹ Следует: в 708-м году.

² Так в ркп.

³ В ркп. явная описка: в.

⁴ В ркп.: м.

РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 37. л. 100–101 об. Подлинник. Почерк писарский. Подпись собственноручная.

IV

1720 г. марта 1. — „Сказка“ о службе капитана Лефортовского пехотного полка Савы Спиридонова сына Мозалева, участника Гангутского сражения

1720-го году марта 1-го дня сказал Лефортовского полку капитан Сава Мозолевский, в котором году написан в службу, и с какого чину, и где был на службах, на баталиях, на акциях и на приступах, о том значит ниже сего.

В 206-м году написан в службу из недорослей и был в салдацком учении у его превосходительства и ковалера Вейде по 700 год и по ордеру его превосходительства господина генерала и ковалера Вейде написан в Лефортовской полк в сержанты и был на службах. Первой поход под Нарвою и на баталии был. В 702-м году был при батали в зимнем походе под Крестфер-мызою в команде господина генерала и ковалера фелтмаршала Шереметева, а оная баталия была с генералом Шлибинбахом. В том же году был на службе: ходили из Пскова на Чюцкое озеро на островских лотках против шведских шкут и в оном же году был на баталии в Лифляндии под Гумелгофом-мызою, как была баталия с генералом Шлибинбахом, во оном же году был на приступе к городу Алысту. В

703-м году был на службе под Янбурхом. В том же 703-м году пожалован ис сержантов в прапорщики по ордеру господина генерала и ковалера фелтмаршала Шереметева в вышеозначенной же полк. В 704-м году был на приступе под Дерптом и под Нарвою. В 705-м году был на службе в Полши в местечки Гродни в трунжemente, как приходила шведская армия. В 706-м году пожалован в порутчики, как пришли из Гродни в Киев, по ордеру его сиятельства господина генерала и ковалера князя Репнина. В 708-м году был на батали под Головчиным. В том же году был на службе под Гадичеми. В 709-м году, как были в Богодухове, пожалован в капитаны-порутчики по ордеру господина генерала и ковалера фелтмаршала светлейшева князя Александра Даниловича Меншикова. В том же году был на службе под Апошною и взяли шведския апроши. Во оном же году был при генеральной батали под Платавою. В том же 1709-м и в 710-м году был на службе при отаке под Ригою и под Диниментом. В 711-м году был на службе на турецкой акцы. Во оном же году пожалован ис капитанов-порутчиков в капитаны при местечке Полонном по ордеру его превосходительства господина генерала и ковалера Вейде. В 713-м году был на службе в Киеве: делали около Печерского монастыря крепость. В 714-м году был на службе на голерах и командрован был к шведскому фрегату и галерам на приступ. Во оном же году был на службе на Олонте и в Некарбе. В 716-м году был на службе в Мекленбури. Во оном же году был на службе на транспорте в Копингагыне. В 720-м году был на службе на галерах на стокгольмской стороне.

А с 700-го году и по сей 720-й год, где был полк на службах, на баталиях, на акциях и на приступах, при оном полку был всегда без отлучки.

А поместья и вотчин и крестьянских дворов за мною нет.

У сей скаски питписал капитан Сава Мозолевский.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.37. Л.85-86. Подлинник. Почерк писарский. Подпись собственноручная.

V

1721 г. февраля 28. — „Сказка“ о службе майора Ингерманландского пехотного полка Степана Гаврилова сына Бакеева, участника Гангутского сражения, взявшего в плен Н. Эреншельда

1721 году февраля 28-го дня Ингермоладского пехотного полку мазор Степан Гаврилов сын Бакеев сказал.

В прошлом 7205-м году написан в службу царского величества из шляхетства из недорослей по жилецкому списку, и в прежних службах по нарядом был до 703 году¹ неотлучно, и по указу царского величества в 703-м году смотрю господина генерала-фелтмаршала и ковалера Бориса Петровича Шереметева из житья написан в кадеты конные, и во оном году написан в сержанты при кадецкой роте от господина генерала-маеора Михайла Борисовича Шереметева, и был под Ямбурхом, и определён в

полк господина генерала Боура, и во оном же году был с господином генералом-фелтмаршалом в походах в Эстляндии, и указом его, господина генерала-фелтмаршала и ковалера Бориса Петровича Шереметева, написан при роте кадецкой в Троицкой драгунской полк вахмистром, и был з господином генералом-фелтмаршалом при атаке дерптском. В 705-м году был в Курляндии с ним же, господином генералом-фелтмаршалом и ковалером Борисом Петровичем Шереметевым, под Мур-мызою на баталии. В 706-м году указом его высокой княжой светлости господина генерала-фелтмаршала и ковалера князь Александр Даниловича Меншикова пожалован во оном же полку в прапорщики и был в команде при его высококняжой светлости господина генерала-фелтмаршала и ковалера князь Александр Даниловича Меншикова под Калишем на баталии. В 708-м году указом его высококняжой светлости господина генерала-фелтмаршала и ковалера князь Александр Даниловича Меншикова командрован в низовой поход с господином генералом Яковлевым, и во оном же году указом от его ж высококняжой светлости пожалован порутчиком и был з господином генералом-порутчиком князь Васильем Володимировичем Долгоруким и на штурме под Ясауловым и под Донецким, и указом его высококняжой светлости в 709-м году определён в Ынгермоладской пехотной полк и был на Полтавской батали. В 710-м году был при отаке под Ригою. Во оном же году по ордеру от господина генерала-фелтмаршала и ковалера Бориса Петровича Шереметева пожалован в капитаны. В 711-м году был в турецкой акции. В 712-м и в 713-м годах был в Померании и при отаках Тенинка и Щетина. В 714-м году был в команде его высокографского сиятельства господина генерала-адмирала и ковалера Фёдора Матвеевича Опраксина, и был командрован на штурм к шведскому фрегату и галер[ам] с его превосходительством господином генералом и ковалером Адамом Адамовичем Вейде, и за взятие шаутбенахта пожалован от царского величества в маеоры, и был в команде его сиятельства господина генерала и ковалера князь Михайла Михайловича Голицына при галерном флоте. В 718-м году был командрован в партию з господином брегадиром фон Менгдиным на островских лотках на стекгольмскую сторону к местечку Арегрунту и железным заводам Форстморст. В 719-м году был в морском галерном флоте на стекгольмской стороне под местечками Доларон, Содарстелием, Тросы, Неинкопен, Норкопен безотлучно и ордером его сиятельства господина генерала и ковалера князь Михайла Михайловича Голицына командрован на островских лотках до Сепзунта.

А поместья за мною и вотчин в Коширском уезде четыре двора крестьянских налицо.

К сей скаски мазор Стефан Бакеев руку приложил.

В начале документа приписка: Подано апреля в 27 де 1721 и слушано мая 3 дня. Велено принять.

¹В ркп. описка: 713.

РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 196-196 об. Подлинник. Почерк писарский. Подпись собственноручная.

VI

1722 г. января 29. — Письмо Н. Эреншельда Петру I

К его императорскому величеству в письме шведского вице-адмирала Эреншилда из Карлискрона 29-го января 1722 году написано.

Державнейший цесарь, милостивейший государь. Понеже я никогда не могу запомнить¹ высокохвалную милость и благодать, которую ваше цесарское величество явили мне в бытность моего плену, которую весьма и всегда будет моя должность такое высокое цесарское благодеяние со всеглубочайшим благовением и низжайшим благодарением признать, того ради прошу ваше цесарское величество милостиво принять изволите за малой опыт такого моего низжайшего признания, что я, низжайший человек, дерзаю вашему цесарскому величеству моё низжайшее благоговение оказать, потом как я ныне во отечество моё щастливо прибыл, пока[зую?]², что я со всенижайшестью, сколько мне пристойно может быть, во вся дни живота моего пребуду.

Державнейши цесарь, вашего цесарского величества всеподданной низжайший раб Н. Эреншиолд.

В низу листа помета: Переводил Фёдор Богданов.

¹По смыслу следует: забыть.

²Край листа обрезан. Конец слова неясен.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 93. Л. 563-563 об. Список.

VII

Нордберг Й. А. История Карла XII, короля Швеции

1714 г., июль. [...] Замыслы, которые целиком захватили этого государя (Петра I. — П.К.), заключались в том, чтобы высадить войска на острове Аланд, откуда он смог бы легко проникнуть потом в самое сердце королевства (Швеция. — П.К.). Однако Ватранг, будучи в состоянии помешать его подходу к берегам, беспокоил его, вынуждая держаться неподвижно, несмотря на подкрепление, подошедшее к нему в конце июня. Это подкрепление было довольно значительным и состояло из нескольких линейных кораблей, построенных по большей части в Англии и Голландии, и 180 галер различной величины и, кроме того, множества фрегатов и других лёгких судов. В июле вице-адмирал Лиллье отправился крейсировать в виду русского флота. Тотчас адмирал Апраксин (который, как я уже говорил, держал главное командование, царь же имел ещё только чин контр-адмирала) послал 35 галер, чтобы осведомиться о нашем манёвре. На следующий день российский адмирал двинулся со всем флотом и, имея в своём распоряжении галеры, отрядил днём раньше 50 из них с приказом атаковать шведского вице-адмирала. Этот последний, разгадав их намерение и полагая, что силы слишком

неравны, стал уходить на соединение с господином Ватрангом. Русские, видя таким образом, что им будет невозможно пробиться к Аланду, кроме как пройдя мимо шведского флота, решили испытать этот путь, какой бы цены это ни стоило, и дать нам сражение, чтобы содействовать своему замыслу, который осуществился на следующий день с таким великим успехом, что враги сами не осмеливались на него и надеяться.

- Воспользовавшись полным безветрием, 85 галер, на которых было размещено 20-тысячное войско для десантирования, пошли греблею на виду у шведского флота, который оставался на месте, лишённый возможности двигаться (на парусах. — П.К.). Наши очень старались посредством артиллерийского огня заставить неприятеля вернуться назад, но всё было тщетно, и русские высадились на острове Аланд, не понеся никаких сколько-нибудь заметных потерь.

Между тем Ватранг получил сообщение, что противник перетаскивает большое количество галер через косу на территории церковного прихода Теннала (Tennala), для того чтобы проникнуть в море к западу от Гангута. По этой весте он отправил туда контр-адмирала Эреншельда с прамом (Prame), четырьмя галерами и тремя шхерботами. Как только русские, как я уже об этом сказал, прошли мимо шведского флота, они повернули направо, к месту, где предполагали обнаружить свои галеры и где находился Эреншельд для того, чтобы их поджидать. Неприятель, не давая ему времени разобраться в обстановке, обрушивался на него различными способами с невероятной силой. Шведский контр-адмирал делал всё, что можно ожидать от человека умного и отважного. Но, поскольку силы нападающих непрерывно пополнялись свежими войсками, мы в конце концов потеряли свои галеры со шхерботами. Солдаты, которые ещё оставались у нас, отступали, спасаясь, на прам, на котором они оборонялись более трёх часов против всей неприятельской эскадры, дважды затушив пожар, который начинался на этом судне. К концу боя наши люди, изнурённые усталостью и большей частью раненные, не могли уже более ни сражаться, ни тушить пламя, которое вспыхнуло на праме в третий раз. В этом отчаянном положении Эреншельд спустился в шлюпку с несколькими офицерами, надеясь проскользнуть между русскими галерами и достичь открытого моря под прикрытием густого дыма. Ему пришлось обмануться в своей надежде. Когда он проходил мимо русской галеры, по нему произвели ружейный залп, которым почти все его люди были сражены наповал. Сам контр-адмирал получил рану в правое плечо. Шлюпка была захвачена и препровождена к царю, который лично командовал войсками, предназначенными для возвращения обратно тех, кто намеревался было сбежать из боя. Именно таким образом Эреншельд стал пленником этого государя.

Поскольку эта победа была первой, которую русским довелось одержать на море, ее очень высоко превозносили в Петербурге, где проводились грандиозные приготовления к триумфальному вступлению туда царя.

Ещё до того, как флот (в том году. — П.К.) вышел в море, этот государь представил в Сенат прошение произвести его в вице-адмиралы, в чём ему было отказано под отговоркой, что флот — наибольшую драгоценность

из богатств империи — он должен сначала сам привести в порядок и взять на себя командование им. Действительно, он имел звание сухопутного генерала, полученное за блестящие проявления его храбрости и опытности в военном искусстве, но на море к тому времени ещё ровным счётом ничего не совершил. От этой кампании ожидали успеха и в случае его достижения соглашались пожаловать ему то, чего он добивался.

В сентябре царь направился обратно в Петербург, где всё было готово к церемонии его торжественного возвращения, которая и произошла 9-го числа того же месяца.

Эреншельд во время этого события был в новой одежде, целиком расшитой серебром, подаренной ему царём. Чтобы сделать церемонию более впечатляющей, этот государь, взяв Эреншельда за руку, подвёл его к Сенату, перед которым после изложения успехов, которых добился в этом кровавом бою с неприятелем, во время которого он пленил шведского контр-адмирала, человека отважного и достойного по подвигам своим и храбрости всеобщего признания, царь повторил своё прошение быть произведённым в вице-адмиралы. Сенаторы единодушно согласились с этой просьбой и объявили его вице-адмиралом, чтобы вознаградить его последние заслуги. Царь постоянно выказывал Эреншельду много внимания и уважения. Он не только предоставил ему удобное жилище, но и назначил ему даже содержание, для того чтобы последний мог обеспечить уход за собой, и часто доставлял ему честь, посещая его. Что совсем не устраивало контр-адмирала, это, как легко можно предугадать, то, что его вовсе не отпускали из плена. Произошло это только в 1721 году. При его отъезде царь подарил ему свой украшенный бриллиантами портрет.

Переведено по изданию: Nordberg J. A. Histoire de Charles XII, Roi de Suède // Traduite de suédois. La Haye, 1748. Т. 3. Р. 137-139.

Перевод П. А. Кротова.

SUMMARY

The victory of the Russian Fleet at the Gangut Peninsular became one of the most decisive landmarks in the country's transformation as the mightiest Sea-Power at the Baltic. The Gangut Victory as far as its military and political importance is concerned is justifiably compared to the victory of the Russian Army over the Swedes at the village of Lesnoye (1708) - „The Mother of the Battle at Poltava“ in 1709, as Peter I called it. There prerequisites for the crushing defeat of the major ground forces of Sweden led by King Charles XII were created.

Peter I planned the 1714 Campaign as the final one in the long dragging on Northern War. For this purpose the Navy was considerably reinforced, a big galley fleet was ready to leave the harbours, a 90-thousand army was concentrated at the theatre of operations; negotiations with Frederik IV on joining a Danish squadron to the Russian Navy for a combined effort in inflicting a crushing defeat upon the body of the Swedish Navy were under way. The Tzar himself took command of the Navy. There was no state in Europe wishing to render military assistance to Sweden in its fight with the Northern Union Powers in 1714.

Denmark, however, exhausted by the lasting war, failed to send the squadron of 5 - 7 battleships to join the Russian Navy, and Peter I had to give up the idea of defeating the Swedish Navy in „Poltava-Style“. Having left the Navy at Revel, on the 20th of June he got to the galley fleet whose progress to the West had been stopped by the Swedish Navy at the Gangut Peninsular stretching far into the sea. Having performed a number of demonstrative actions Peter I together with Admiral-General F.M.Apraksin forced the Swedish Admiral G.Wattrang to split his forces which weakened their key position at the Gangut Promontory. As a result 98 Russian galleys managed to break through the Swedish Navy round the Gangut Peninsular on July 26 - 27. Thus the Aland Islands' destiny was pre-determined; Sweden faced the threat of military actions on its own lands which couldn't but urge Charles XII to conclude a peace treaty on the Russian Tzar's terms.

In the sea-battle of July 27, 1714 in the skerries to the North of the Gangut Peninsular a Swedish squadron of 9 warships commanded by schautbenacht N. Ehrenskjold cut off from the

major Swedish forces was captured. Study of the archive and published primary sources, literature, and foreign language sources permitted to come to the conclusion that the generally accepted pattern of the battle in the Rilax Fiord existing in home historiography is far from being complete, it is simplified and distorted by the presence of unreal facts. From the very beginning the Swedish version of the battle of July 27 suffered from partiality in its description.

The Monograph discloses the groundless view of the battle as a „Simple Frontal Conflict“. The attack development plan belonged to Peter I, he also headed the preparation of the galleys for the battle. Though the battle formation of the Swedish warships was in the narrow part of the fiord, protected at the flanks by two islands, the Tzar managed to gain superiority over the enemy in the number of the attacking ships, artillery, and personnel. It has been found out that the Russian flanks were reinforced with half-galleys which had more powerful artillery and larger crews as compared with the scampaways. The battle started with a long and intense artillery duel. Contrary to the generally accepted view, there were no three Russian attacks on the Swedish squadron. There was only one onslaught which resulted in successive boarding of the Swedish ships starting with the galleys at the flanks. The last ship to be boarded was the centre-positioned pram „Elephant“. The gun-fire before and during the boarding of the Swedish ships turned out to be very efficient. According to the archive documents, during the battle 4 scampaways following Peter I's orders sailed in shallow waters round the island to the Swedes' rear. One of them managed to join the battle in its final stage. The battle ended in complete victory of the Russians suffering losses three times less than the Swedes.

The still existing descriptions of the Battle at Gangut seriously belittle the naval commanding skills of Peter I in the 1714 Campaign and his leadership in the Battle at Gangut. New facts presented in this book, their interpretation allow to justly appreciate the founder of the Regular Russian Navy as the most prominent military strategist and the first ever great Russian Naval Commander of the New Age.

Архив СПбФ ИРИ РАН — Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГИМ — Государственный Исторический музей

МИГО — Материалы для истории Гангутской операции

МИРФ — Материалы для истории русского флота

ОР БРАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (С.-Петербург)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (С.-Петербург)

ПБПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого

ПЖ — Походный журнал

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота (С.-Петербург)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

Сб. ВИМ — Сборник военно-исторических материалов

Сб. РИО — Сборник императорского Русского исторического общества

ЦВММ — Центральный военно-морской музей (С.-Петербург)

Камол М., капитан Нижегородского полка 126-128
 Кантемир Д. К., князь, сенатор 44-45, 191
 Карл XII, король Швеции 6, 7, 19, 20-22, 58, 74, 78, 93, 137, 147, 154, 178, 179, 228, 229, 234
 Карл-Фридрих, голштинский герцог 189, 190, 193
 Карриера Р., художник 19
 Кикин А. В., адмиралтейский советник 28, 68, 69, 167
 Кирхин (Керкин) М. Б. фан, подполковник Преображенского полка 230
 Клокман Ю. Р., историк 35
 Князьков С. А., историк 12
 Козенц Р., корабельный мастер 201
 Колер И. К. де, поручик Нижегородского полка 84
 Кологривов М. П., подпоручик Вологодского полка 80
 Колуеинов З. М., галерный подмастерье 36
 Конищев В. Д., поручик Лефортовского полка 130, 151
 Коновницын С. В., лейтенант галерного флота 45
 Кошнев Л. И., унтер-лейтенант галерного флота 45
 Коробов И. К., зодчий 205
 Королюк А., художник 157
 Коррет А. К., подполковник Выборгского полка 134, 135
 Корчмин В. Д., артиллерист 39
 Косяк Е., историк 13
 Крафт Д. фон, художник 22
 Кротков А. С., историк 134
 Кукарин И. М., лейтенант галерного флота 45
 Куракин В. И., русский посол в Голландии 21, 22, 24, 25, 65
 Курепанов И. В., корабельный мастер 202
 Ласси П. П., генерал-майор 185
 Левенгаупт А. Л., шведский генерал 181

Лефорт П. Б., бригадир 77-81, 89, 108, 112, 149, 156, 230
 Лефорт Ф. Я., генерал, адмирал 230
 Лиллье Э. Ю., шведский вице-адмирал 17, 62-65, 75-77, 79, 82, 83, 93, 158, 234
 Лихудьев А. И., поручик галерного флота 81
 Лица Л., капитан галерного флота 45
 Львов И. Б., князь, комиссар, опекавший навигаторов за границей 69
 Люберас И. Л., инженер-майор 69
 Макаров А. В., кабинет-секретарь Петра I 82, 83, 95, 109, 151
 Мартинович М., капитан галерного флота Венецианской республики 34
 Марфа, жена царя Фёдора Алексеевича, сестра Ф. М. Апраксина 53
 Масолов Ф., прапорщик Нижегородского полка 84
 Матвеев А., художник 18
 Маттесон Р., историк 13
 Мачихин А., подпрапорщик Нижегородского полка 126
 Менгден И. А. фон, бригадир 124, 233
 Меншиков А. Д., петербургский генерал-губернатор 9, 17, 50, 61, 101, 113, 120, 135, 162, 167, 168, 175, 176, 178, 190, 205, 228, 232, 233
 Мещеряков О., солдат Морского галерного батальона 151-152
 Мишуков З. Д., вице-адмирал 9, 113, 120, 194, 195, 196
 Миющик А. Ф., капитан галерного флота 45, 109, 129, 130, 151, 153
 Мозалевский С. С., капитан Лефортовского полка 129, 130, 142, 144, 151, 231-232
 Монигетти И. А., зодчий 99
 Муний П., матрос 22-23
 Муд Н., галерный мастер 28, 29
 Мышлаевский А. З., историк 11-13, 35, 36, 56, 61-64, 91, 97, 98, 100, 107, 108, 128, 162, 163

Мэкензи Д., британский резидент в России 200
 Мюллер Ф. Г., нюрнбергский медальер 152
 Мюнте А., историк 12, 97, 129
 Нарышкин К. А., нарвский комендант 162
 Нахимов П. С., флотоводец 132
 Нащокин В. А. 152
 Нетельгорст Ю., поручик Нижегородского полка 126
 Нетесев Г. В., офицер Второго гренадерского полка 124
 Никитин И. Н., художник 89, 206
 Нильссон В., скульптор 178
 Новиков Н. В., историк 13, 35, 125
 Нордберг Й. А., священник личной гвардии Карла XII, доктор богословия, историк 6, 7, 114, 126, 135, 173, 177, 178, 234
 Норрис Д., английский адмирал 181, 183
 Нумерс Г. фон, шведский вице-адмирал 50
 Нюрёнен П. 15
 Остерман А. И., секретарь дипломатического ведомства 57
 Отто Х. Г., обер-цейхмейстер 197
 Павел I, император 195
 Павленко Н. И., историк 35, 55
 Пангало Б., корабельный мастер 189, 190
 Пётр I Великий, император 5, 6, 9-11, 13, 15-18, 22, 25, 27-30, 32-34, 37-39, 42, 43, 45, 46, 48-50, 52-59, 61-66, 68-73, 76-78, 81-84, 87-89, 91, 93-95, 97, 101-104, 106, 107, 109, 110, 112, 113, 118-120, 122, 124, 125, 129, 131-134, 136, 137, 140-142, 144, 148-152, 154, 156-157, 159, 160, 163, 164, 167-181, 183-186, 188-194, 196-198, 200, 201, 204-206, 229-236
 Пикарт П., гравёр 34, 52, 59, 60,

63, 67, 85, 90, 94, 96, 104, 106, 118, 120, 123, 169-171, 182, 184
 Пискорский С. Ф., капитан Преображенского полка 112
 Пискунова Л. С., историк 148
 Плотников А. Г., подкомит 147
 Порецкий Д. Л., подполковник Лефортовского полка 129, 130
 Портнов М. Д., корабельный мастер 202
 Потиноти Ю. Н., капитан галерного флота 45
 Поттер К., камельный мастер 198
 Преображенский А. А., историк 15
 Привалов И., каптенармус Нижегородского полка 126
 Равенштейн И. И. фан, полковник Рязанского полка 126
 Рагозео П. С., капитан галерного флота 46
 Рамз Г., корабельный мастер 199, 200
 Репнин А. И., генерал 26, 230, 232
 Ресин Р. М., подпоручик Шлиссельбургского полка 81
 Римский-Корсаков В. А., контр-адмирал, учёный-гидрограф 99-100
 Роговский Ф. К., капитан Лефортовского полка 94
 Ромодановский Ф. Ю., князь, „князь-кесарь“ 174-175
 Росваль Ф. К., полковник российского адмиралтейства в Свеаборге, член Королевской академии военных наук в Стокгольме 10, 11, 15, 122, 134
 Русинов Ю. А., галерный мастер 29, 36, 45
 Савельев С., сержант Нижегородского полка 126
 Сандштедт Э., историк 7
 Санторинио М. Д., в 1714 г. подкомит 45
 Селянинов В. А., кораблестроитель 202

Сенявин Д. Н., флотоводец 132
 Сенявин Н. А., вице-адмирал 58, 193
 Сиверс П., капитан-командор 68, 69
 Сипиле С., художник 177
 Скаловский Р. К., историк 11, 134
 Скляев Ф. М., корабельный мастер 164
 Соймонов Ф. И., учёный-гидрограф, историк 175, 186, 187, 194
 Соколов А. П., историк 11, 12, 35, 97
 Соловьёв В., мастер ластовых судов 199
 Соловьёв Е. З., боцман 146, 147
 Спарре К., шведский адмирал 22
 Спиридов Г. А., флотоводец 132
 Стейнбок (Штейнбок) М., шведский генерал-фельдмаршал 175
 Степанов В. В., секретарь дипломатического ведомства 57
 Судьяно Я. Л., унтер-лейтенант галерного флота 45
 Сумин Д. Ф., поручик Копорского полка 81, 155
 Сунд А., шведский капитан флота 23, 74, 75, 95, 134, 179, 228
 Талвио Т. 15
 Таннауэр И. Г., художник 50
 Таубе Э. Д., шведский штурман 23, 81, 228
 Тельпуховский Б. С., историк 13
 Тикоцкий К. М., капитан флота 202-203
 Тиркельтауб С. Б., историк 15, 89, 100, 155
 Толбугин И. А., галерный мастер 30
 Толстой П. А., российский дипломат 140, 191
 Горнквист К. Г., историк 7, 9, 10, 12, 113, 114, 118, 122
 Грезини Д. А., зодчий 167
 Гретьяков Б. М., поручик Лефортовского полка 130, 151
 Грубецкой И. Ю., подполковник 229
 Грубкин Ю. Е., историк 15

Туркин Н. С., фотограф 15, 78, 79, 111, 124, 139, 143, 145, 146, 153
 Уддгрен Х. Е., историк 12, 13, 97
 Украинцев Е. И., дипломат 230
 Ульрика-Элеонора, наследная шведская принцесса, сестра Карла XII 21, 158
 Учителев А., поручик Воронежского полка 124
 Ушаков Ф. Ф., флотоводец 131, 132
 Фальх П., датский дипломат 37
 Фёдор Алексеевич, царь 53
 Фёдоров В. Г., историк 107
 Фёдоров С., капитан Преображенского полка 112
 Фет де, голландский штурман 181
 Филатов С., профос Воронежского полка 124
 Филисов В. Я., унтер-лейтенант галерного флота 45, 46
 Фоккеродт И. Г., секретарь князя Д. К. Кантемира, с 1718 г. — прусского посольства в России 45, 180
 Фредерик IV, король Дании 17-19, 57, 65, 163
 Фредрик I, король Швеции 180

Хорват Ф. М., капитан-поручик галерного флота 45, 142, 143
 Хэрт Я., художник 114
 Хювёнен В. А., историк 13

Цедеркрейц Г., шведский посланник в России 193
 Цызырев П. М., майор Лефортовского полка 231

Чамберс (Чанберс) И. И., генерал-майор 230
 Чириков Ив. Ф., капитан Лефортовского полка 130
 Чириков Ил. Ф., капитан Лефортовского полка 130
 Чириков П. Ф., прапорщик Лефортовского полка 130

Шарыпкин Д. М., литературовед 118, 122
 Шафиров П. П., подканцлер 17, 19-21, 27, 28, 54, 57, 65, 71, 163, 185
 Шеин А. С., боярин 230
 Шелдон Ч., шведский кораблестроитель 24, 25, 26, 92
 Шельтинга В., капитан-командор 49, 63, 71
 Шереметев Б. П., генерал-фельдмаршал 25, 26, 27, 147, 175, 231-233
 Шереметев М. Б., генерал-майор 71, 232
 Шишков А. С., адмирал, историк 10
 Шлиппенбах В. А. фон, генерал-майор, командир Рязанского полка 147, 231

Шток Т. М., офицер Второго гренадерского полка 124
 Энгельгольм, шведский лейтенант 154
 Эреншельд Н., шведский штурман 5, 7, 11, 13, 75, 76, 83, 88, 89, 91-98, 100, 103, 104, 110, 113, 114, 118-120, 125, 129, 131, 133-135, 137, 144, 147, 154-156, 162, 169, 172, 173, 176-180, 228-229, 232-236

Эренштраль Д. К., художник 66
 Юлленгранат К. А., историк 12
 Юров А., денщик Петра I 109, 151

Ягужинский П. И., генерал-адъютант, дипломат 17, 18, 22, 113, 130, 149

Яковлев П. И., генерал-майор 233

УКАЗАТЕЛЬ КОРАБЛЕЙ *

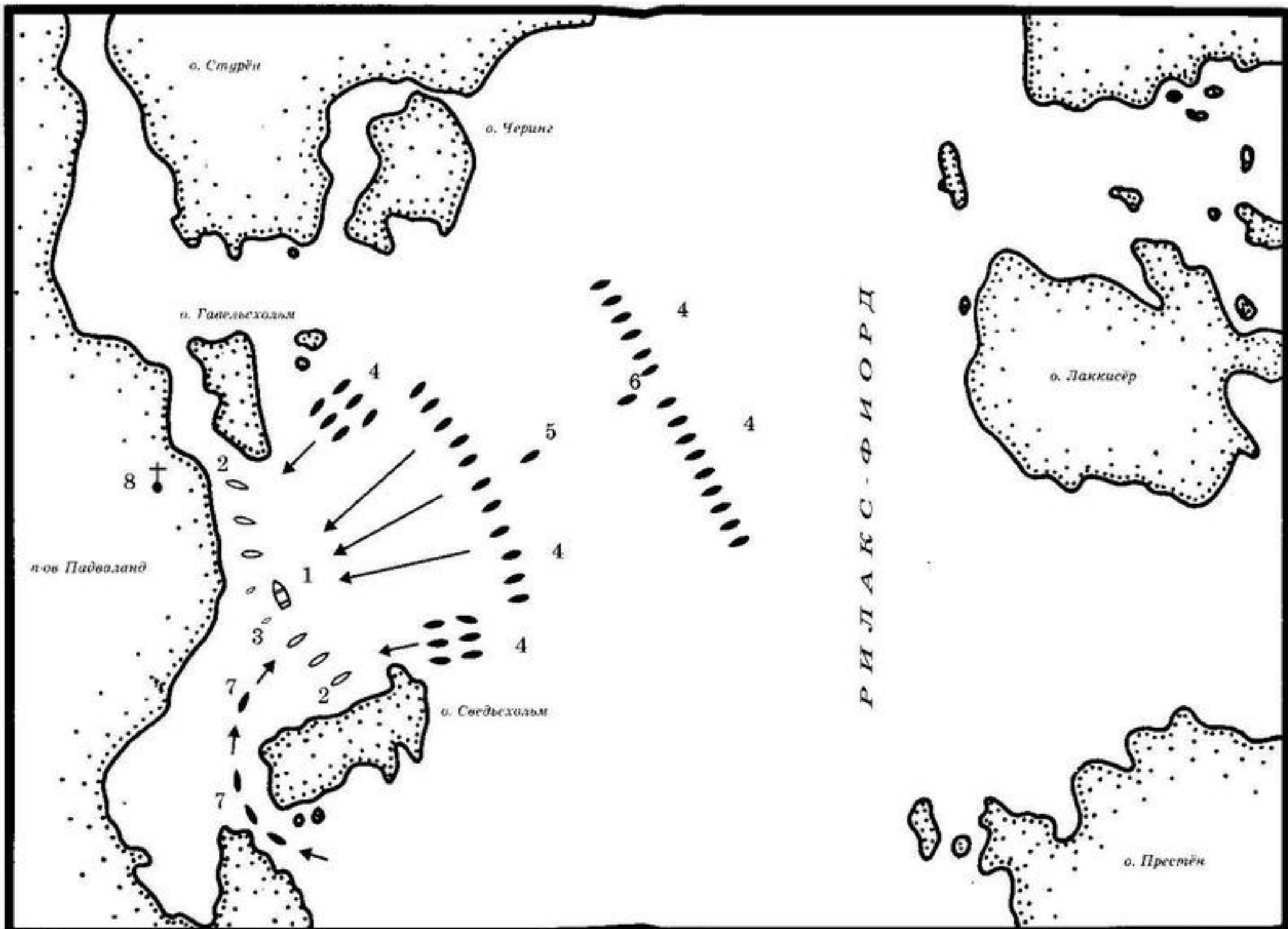
„Аист“, полугалера 34, 40
 „Александр Македонский“, галера 141
 „Архангел Рафаил“, линейный корабль 64
 „Астрахань“, линейный корабль 192
 „Астрильд“, шнява 50, 51, 144, 197, 198, 200
 „Бремен“, шведский линейный корабль 75, 80, 82
 „Вальфиш“, полугалера 40
 „Вальфиш“, шведская галера 23, 93, 95
 „Вердев“, шведский линейный корабль 58
 „Вестманланд“, шведский линейный корабль 64
 „Гагара“, галера 34
 „Гангут“, линейный корабль (1719) 184, 191, 192, 200, 202
 „Гангут“, линейный корабль (1825) 202
 „Гангут“, броненосец 202, 203
 „Гангут“ („Октябрьская революция“), линкор 203, 204
 „Гангут“, учебный корабль 204
 „Гангутец“ (ТЩ № 49), сторожевой корабль 204
 „Гебен“, немецкий крейсер 203
 „Гедая“, бот 50, 51, 144, 197-200
 „Геден“, галера 23, 93, 95
 „Гейя“, шведская бригантина 58
 „Грипен“, галера 23, 24, 93, 95, 98
 „Гусь“, полугалера 34, 35, 40
 „Данск-Эрн“, фрегат 198-200
 „Девоншир“, линейный корабль 184
 „Дельфин“, полугалера 34, 40, 44
 „Дельфин“, шведская галера 23
 „Дербент“, линейный корабль 192
 „Егорей“, яхта 198
 „Императрица Анна“, линейный корабль 195
 „Ингерманланд“, линейный корабль 183-186, 188
 „Кискин“, фрегат 193
 „Костёр“, галера 103
 „Курьер“, малый фрегат 144
 „Ладога“, галера 103
 „Лаксен“, галера 23, 93, 95
 „Лесное“, линейный корабль 201
 „Леферм“, линейный корабль 193
 „Марс“, шведский прам 23, 158
 „Мортан“, шхербот 93
 „Мункер“, шнява 197-200
 „Мусельс“, скампавея 103, 147
 „Наталья“, шнява 69, 198
 „Основание благополучия“, линейный корабль 195
 „Пантелеймон“, линейный корабль Балтийского флота 202
 „Пантелеймон“, линейный корабль Черноморского флота 202
 „Пантелеймон“ („Князь Потёмкин Таврический“, „Борец за свободу“), броненосец (с 1907 г. линкор) Черноморского флота 203
 „Пантелеймон-Виктория“, линейный корабль 189, 190, 201, 202
 „Пеликая“, шведская галера 23
 „Переславская“, яхта 198
 „Перл“, линейный корабль 58
 „Пётр Первый и Второй“, линейный корабль 194
 „Петропавловск“, линкор 203
 „Плотица“, галера 103
 „Полтава“, линейный корабль (1712) 59, 201
 „Полтава“, линкор (1914) 203
 „Полюкс“, шнява 198
 „Поммерн“, шведский линейный корабль 80
 „Принц Карл-Фредерик“, шведский линейный корабль 80
 „Принцесса“, шнява 64
 „Рак“ („Крефт“), шнява 142, 198

„Ревель“, шведский фрегат 80
 „Св. Андрей“, линейный корабль 193
 „Св. великомученик Пантелеймон“, линейный корабль 202
 „Св. Дух“, малый фрегат 144
 „Св. Екатерина“, линейный корабль (1713) 63, 64
 „Св. Екатерина“, линейный корабль (1721) 194
 „Св. Наталия“, полугалера 55, 83, 122
 „Св. Николай“, полугалера 35, 40
 „Св. Павел“, фрегат 69, 71
 „Св. Пантелеймон“, линейный корабль 202
 „Севастополь“, линкор 203
 „Симпан“, шхербот 93
 „Сконе“, шведский линейный корабль 80
 „Сом“, полугалера 34, 103, 106, 111
 „Стокгольм“, шведский линейный корабль 80
 „Стор-Феникс“, фрегат 193
 „Струз“, полугалера 40
 „Суан“, шведская галера 23
 „Суердфиш“, шведская галера 23
 „Трана“, галера 23, 24, 93, 95, 98
 „Феникс“, шведская галера 23
 „Фивра“, галера 31, 34
 „Флюндра“, шхербот 93
 „Церапула“, галера 103
 „Черепаша“, конная галера 34
 „Шлиссельбург“, линейный корабль 201
 „Штандарт“, фрегат 197, 198
 „Эва-Элеонора“, шнява 198
 „Элефант“, прам 75, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 104, 112, 119, 126, 127, 131, 134, 156, 167, 169, 170, 179, 181, 197-200
 „Эрн“, галера 23, 24, 93, 95, 98

* Составлен В.В.Кротовой

Гангутское сражение 27 июля 1714 года.
(схема 2)

1. Прам „Элефант“. 2. Галеры шведов. 3. Шхерботы шведов. 4. Русские галеры. 5. Скампавея Петра I. 6. Полугалера Ф. М. Апраксина. 7. Русские скампавеи — участники обходного манёвра. 8. Памятник павшим в Гангутском сражении (1870 г.).

Около трёх столетий назад произошло знаменитое Гангутское сражение, завершившееся первой большой победой созданного Петром Великим Российского флота. В книге на основании документов Петровского времени освещены ранее неизвестные обстоятельства Гангутской баталии 1714 г., дан ответ на ряд остававшихся открытыми вопросов, исключены не соответствующие истине факты. Облик Петра Великого — флотоводца приобрёл новые существенные черты, показан вклад в достижение победы других участников сражения.

